

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12 2026
ЧАСТЬ IV

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 12 (615) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Юлий Лазаревич Кетков* (1935–2014), советский и российский ученый, доктор технических наук.

Юлий Лазаревич родился в Иркутске. Учился он на физико-математическом факультете Горьковского университета. Появление в стране первых ЭВМ обусловило потребность в специалистах нового профиля. Однако в Горьком тогда еще не было ни одной ЭВМ. Потому первую группу выпускников-вычислителей направили на годичную стажировку в Москву — в лабораторию управляющих ЭВМ, в Вычислительный центр МГУ, в отделение прикладной математики МИ АН СССР. Руководителем дипломной работы Кеткова стал основатель советской кибернетики Алексей Ляпунов, возглавлявший в то время отдел программирования ОПМ.

В 1965 году Юлий Лазаревич защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата физико-математических наук по теме «Об оптимальных методах нелинейной аппроксимации плоских кривых и системе автоматизации программирования для обработки геометрической информации». Результаты этой диссертации нашли свое воплощение при разработке восемнадцати судостроительных проектов, самолета АН-24 и вертолета МИ-4, выполненных в конструкторских бюро Горького, Ленинграда, Новосибирска, Ростова-на-Дону. Затем состоялась успешная защита докторской диссертации Кеткова на тему «Создание инструментальных программных средств для разработки диалоговых систем САПР и АСНИ». Началом этой работы послужило создание в ГГУ первой в стране диалоговой системы коллективного пользования на базе алгоритмического языка Basic. Юлий Лазаревич является разработчиком русской версии интерпретатора языка Basic.

Не было такого раздела, связанного с программированием, который бы не читал профессор Кетков своим студентам: архитектура ЭВМ, машинные коды, ассемблеры, алгоритмические языки, операционные системы, графические пакеты, редакционно-издательские системы. Он также вел общий курс по программированию на Паскале, C, C++ (визуальные среды Delphi, Borland C++ Builder).

Юлий Лазаревич Кетков специализировался в области машинной графики (отображение и подготовка к изданию цифровых электронных карт). Он опубликовал более 150 научных работ и примерно столько же отчетов по научно-исследовательским и хозяйственным работам оборонного значения. Итоги последних работ в 1991 году были удостоены премии Совета Министров СССР по кибернетике. Кетков — один из первых в стране ученых, который в легкой и доступной форме мог изложить проблемы информатики детям.

Профессор ежегодно руководил курсовыми и дипломными работами студентов, магистрантов, аспирантов, а также возглавлял жюри по проведению областных школьных и студенческих олимпиад по информатике и являлся председателем Экспертного совета Министерства образования по присвоению грифов учебникам и учебно-методическим материалам по информатике, членом ученых советов ННГУ, НИИ ПМК и НГАСУ по присуждению степени доктора наук.

В молодости Юлий Лазаревич увлекался легкой атлетикой: прыжками в высоту (ставил даже рекорды по городу и по своему университету), и спринтом. В годы, когда цветная фотография была крайне трудоемка, он изготавливал цветные слайды, которые легли в основу его огромной коллекции. Неизменными его хобби были подводная охота и грибы.

Страсть к собирательству, бережное отношение к предметам и любовь к технике стали источником уникальной коллекции, экспонаты из которой использовались на лекционных демонстрациях по истории ЭВМ. В 2004 году профессор Юлий Кетков стал первым дарителем музея факультета ВМК. Элементная база первых вычислительных машин, блоки и платы памяти ЭВМ всех поколений, ПК Commodore 4+, отечественный компьютер «Электроника 60» — раритеты этого музея.

Скончался Юлий Лазаревич 11 января 2014 года. Похоронен на Бугровском (Красном) кладбище Нижнего Новгорода.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Кузьмин В. А.

Конституционные принципы построения бюджетной системы Российской Федерации ... 247

Кузьмин В. А.

Цифровые технологии в модернизации бюджетной системы Российской Федерации ... 250

Лубенец А. Л.

Личность преступника и потерпевшей как элемент криминалистической характеристики изнасилований 254

Мандровский В. В.

Административные иски и жалобы 256

Мартынова К. А.

Влияние цифровизации на заключение и исполнение брачных договоров 258

Моисеенко А. А.

Анализ состояния законности в экологической сфере при организации прокурорского надзора..... 261

Москвичёва А. Д.

Некоторые проблемы реализации права собственности в отношении нежилых помещений и машино-мест..... 263

Назарбегова А. А.

Суррогатное материнство: правовая природа, основные проблемы и тенденции развития. Особенности правового статуса суррогатной матери и генетических родителей 266

Николаев А. В., Гумерова Э. Ф.

Общество с ограниченной ответственностью как вид коммерческих организаций..... 269

Новикова О. Е.

Ответственность сторон по договору аренды в гражданском праве Российской Федерации 271

Новикова О. Е.

Договор аренды в гражданском праве России: вопросы теории и правоприменительной практики 272

Павлова А. С., Трапезникова Д. С.

Проблемы реализации права иностранных граждан на объединение в профессиональные союзы и пути их решения 274

Пахомова А. Ю.

Особенности правового регулирования охраны труда женщин в трудовом праве Российской Федерации 276

Платонова С. А.

Споры об определении долей в наследственной массе при наличии завещания 280

Сацкевич Т. К., Рудницкий Я. Л.

К вопросу о разграничении и взаимосвязи категорий «отмывание доходов» и «финансирование терроризма» в современном праве..... 281

Сацкевич Т. К., Рудницкий Я. Л.

Эволюция правового регулирования противодействия легализации преступных доходов в России 284

Симоненко Н. Д.

Перспективы развития института оправдательного приговора в России: преодоление системного дисбаланса..... 287

Стародубец В. Ф.

Вопросы международного сотрудничества в сфере борьбы с нелегальной миграцией и преступностью мигрантов 290

Тацитов В. Д.

Проблематика расследования убийств по мотивам национальной ненависти или вражды, на примере пункта «л» части 2 статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации 293

Тоцкий М. А.

Экстремизм в современном мире как оружие ведения войны 297

Умрихина Н. И.

К вопросу о мотивации участия в групповых преступлениях несовершеннолетних 299

Федотов М. С.

Проблемы возникновения
и защиты права частной собственности
на недвижимость в условиях реестровой
модели регулирования..... 303

Филатов В. А.

Основные положения создания
и учреждения акционерных обществ,
особенности отчуждения акций непубличных
акционерных обществ третьим лицам 306

Хаджиев З. М.

Приостановка действий (мораторий)
в отношении должника как проблема
в контексте ограничения его прав
в исполнительном производстве 309

Хамитова Э. Р.

Сущность корпоративного права 311

Харитонов В. А.

Теоретико-правовые основы и эволюция
апелляционного производства в российском
гражданском процессе 313

Харитонов В. А.

Трансформация апелляционного
производства в условиях цифровой
экономики: проблемы и пути решения
на примере споров с маркетплейсами 314

Черенков Е. Н.

Методики совершенствования работы
уголовного розыска..... 317

Шичкина А. С.

Трансформация инструментов
государственного финансового контроля
в условиях цифровизации экономики 318

Яковенко С. Н.

Административная ответственность
государственных служащих: актуальные
проблемы и пути их решения 321

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Конституционные принципы построения бюджетной системы Российской Федерации

Кузьмин Владислав Александрович, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья посвящена анализу конституционных принципов, лежащих в основе построения бюджетной системы Российской Федерации. Исследуются конституционные нормы, закрепляющие основы федеративного устройства бюджетных отношений, принципы единства, самостоятельности и разграничения полномочий между уровнями бюджетной системы. Особое внимание уделяется взаимосвязи конституционных положений с нормами бюджетного законодательства, а также практике их реализации в условиях современного российского федерализма.

Ключевые слова: бюджетная система, Конституция РФ, бюджетный федерализм, принцип единства, самостоятельность бюджетов, разграничение полномочий, конституционные основы.

Constitutional principles of the Russian Federation budget system construction

Kuzmin Vladislav Aleksandrovich, master's student
Moscow University of Finance and Law

The article is devoted to the analysis of constitutional principles underlying the construction of the budget system of the Russian Federation. The research examines constitutional norms that establish the foundations of federal structure of budgetary relations, principles of unity, independence and division of powers between levels of the budget system. Special attention is paid to the interrelation of constitutional provisions with budget legislation norms, as well as the practice of their implementation in the conditions of modern Russian federalism.

Keywords: budget system, Constitution of the Russian Federation, budget federalism, principle of unity, budget independence, division of powers, constitutional foundations.

Введение

Формирование современной российской бюджетной системы неразрывно связано с процессами государственного-правового строительства, начавшимися после принятия Конституции РФ 1993 года. Конституционные нормы заложили фундаментальную основу для организации публичных финансов в условиях федеративного государственного устройства. При этом специфика российского федерализма обуславливает особенности конституционно-правового регулирования бюджетных отношений.

Актуальность исследования определяется необходимостью научного осмысления механизмов практической реализации конституционных принципов в современных условиях развития российской государственности. Конституционное регулирование бюджетных отношений характеризуется взаимодействием общих принципов феде-

ративного устройства и специальных норм, касающихся финансовой деятельности государства.

Методология исследования базируется на системном анализе конституционно-правовых норм с использованием формально-юридического и сравнительно-правового методов. Принципиальное значение имеет изучение практики Конституционного Суда РФ как источника конкретизации конституционных принципов.

Конституционные принципы построения бюджетной системы представляют собой систему взаимосвязанных правовых установлений, обеспечивающих функционирование федеративного государства в сфере публичных финансов. Теоретический анализ показывает, что данные принципы не являются изолированными нормами, а образуют целостную систему конституционного регулирования.

Российский опыт конституционного строительства в бюджетной сфере демонстрирует особенности федера-

тивных отношений, отличающие их от классических моделей бюджетного федерализма. Конституционное закрепление принципов единства и самостоятельности создает определенное правовое напряжение, требующее тщательного научного анализа.

Системообразующее значение имеет конституционный принцип разграничения предметов ведения и полномочий, который определяет логику построения всей системы межбюджетных отношений [1]. Данный принцип находит свое развитие в специальном бюджетном законодательстве и правоприменительной практике.

Статья 71 Конституции РФ устанавливает исключительную компетенцию Российской Федерации в области федерального бюджета, что создает правовую основу для централизованного регулирования основных параметров бюджетной системы [1]. Конституционное закрепление федеральных налогов и сборов в исключительном ведении федерации определяет структуру доходной части бюджетной системы [2, с. 145–167].

Особенности российского бюджетного федерализма проявляются в значительной роли федерального центра в определении основных принципов функционирования региональных и местных бюджетов [3, с. 189–214]. Конституционные нормы о совместном ведении создают правовую основу для координации бюджетной политики между различными уровнями власти.

Историко-правовой анализ показывает, что становление российской модели бюджетного федерализма происходило в условиях трансформации унитарного государства в федеративное. Этот переходный характер российской федерации наложил отпечаток на особенности конституционно-правового регулирования бюджетных отношений. В отличие от классических федераций, формировавшихся «снизу вверх» путем объединения независимых государств, российский федерализм развивался в рамках деволюционной модели, что объясняет значительную роль федерального центра в определении параметров бюджетной системы.

Конституционные гарантии местного самоуправления предполагают наличие собственной финансовой основы муниципальных образований. Вместе с тем, практическая реализация данных гарантий сталкивается с проблемами недостаточности собственных доходных источников местных бюджетов.

Конституционный принцип единства государства находит специфическое проявление в организации бюджетной системы Российской Федерации [2, с. 167–189]. Единство денежной системы, закрепленное в статье 75 Конституции РФ, создает необходимые предпосылки для унификации бюджетного законодательства [1, ст. 75].

Практическая реализация принципа единства осуществляется через установление единых форм бюджетной документации, общих принципов бюджетного процесса и унифицированной бюджетной классификации [4]. При этом единство не означает унификацию всех аспектов бюджетной деятельности, а предполагает сохранение

определенной самостоятельности территориальных образований [3, с. 214–236].

Конституционные требования единства должны сочетаться с федеративными принципами разграничения компетенции. Поиск оптимального баланса между единством и самостоятельностью составляет одну из центральных проблем современного российского бюджетного права.

Конституционная самостоятельность субъектов федерации и муниципальных образований предполагает их определенную независимость в бюджетной сфере. Бюджетная самостоятельность проявляется в праве территориальных образований самостоятельно формировать, утверждать и исполнять соответствующие бюджеты [5, с. 134–156].

Границы бюджетной самостоятельности определяются конституционным разграничением полномочий между уровнями публичной власти. Федеральное законодательство устанавливает общие принципы организации бюджетной системы, не нарушая при этом самостоятельности территориальных образований в рамках их компетенции [5, с. 89–112].

Практика Конституционного Суда РФ подчеркивает недопустимость чрезмерного ограничения бюджетной самостоятельности субъектов федерации и муниципальных образований. Конституционные гарантии требуют обеспечения реальной возможности для территориальных образований осуществлять свои полномочия за счет собственных финансовых ресурсов.

Разграничение предметов ведения и полномочий, закрепленное в статьях 71–73 Конституции РФ, определяет принципы распределения расходных обязательств между бюджетами различных уровней. Исключительная компетенция Российской Федерации в области обороны, безопасности, внешней политики обуславливает финансирование соответствующих расходов из федерального бюджета [2, с. 278–301].

Конституционные полномочия субъектов РФ в сферах образования, здравоохранения, социальной защиты создают правовую основу для формирования их расходных обязательств. При этом совместное ведение предполагает возможность софинансирования соответствующих расходов из различных уровней бюджетной системы.

Проблема обеспечения соответствия между объемом возлагаемых полномочий и предоставляемыми финансовыми ресурсами остается одной из наиболее актуальных в современной российской практике. Конституционные принципы требуют четкого определения источников финансирования каждого вида государственных и муниципальных полномочий.

Конституционный принцип равноправия субъектов Российской Федерации, установленный в статье 5 Конституции РФ, распространяется на все сферы государственной деятельности, включая бюджетные отношения. Равенство бюджетных прав означает единообразие правового статуса субъектов федерации в отношениях с федеральным бюджетом [2, с. 323–345].

Практическая реализация принципа равенства осуществляется через единые подходы к разграничению доходных источников, предоставлению межбюджетных трансфертов и распределению расходных обязательств. Конституционные гарантии исключают возможность установления привилегированного положения отдельных регионов без объективных оснований.

Равенство муниципальных образований в бюджетных правах базируется на конституционном признании местного самоуправления. При этом принцип равенства не исключает дифференциацию в зависимости от типа муниципального образования и объективных различий в их социально-экономическом положении [3, с. 345–367].

Конституционный Суд РФ играет фундаментальную роль в конкретизации конституционных принципов бюджетной системы через свою правоприменительную деятельность. Постановления Суда по бюджетно-правовым вопросам формируют устойчивую правовую позицию относительно баланса между федеральными и региональными интересами.

В практике Конституционного Суда РФ сформулирован принцип недопустимости возложения на нижестоящие бюджеты расходных обязательств без соответствующего финансового обеспечения. Данная позиция имеет принципиальное значение для обеспечения конституционных гарантий самостоятельности субъектов федерации и муниципальных образований.

Судебные решения по вопросам бюджетного права свидетельствуют о стремлении Конституционного Суда РФ обеспечить разумный баланс между необходимостью единого регулирования и сохранением федеративных принципов. Правовые позиции Суда способствуют развитию доктрины российского бюджетного права [2, с. 367–389].

Цифровая трансформация государственного управления создает новые возможности для реализации конституционных принципов прозрачности и эффективности в бюджетной сфере. Внедрение электронных технологий в бюджетный процесс способствует повышению качества финансового планирования и контроля [4].

Современные экономические вызовы требуют переосмысления традиционных подходов к реализации конституционных принципов бюджетной системы [6, с. 89–112]. Обеспечение макроэкономической стабильности должно сочетаться с сохранением федеративных принципов организации публичных финансов.

Интеграционные процессы на постсоветском пространстве ставят новые задачи перед российским бюджетным правом. Участие в международных финансовых организациях требует учета внешних факторов при формировании внутренней бюджетной политики.

Изучение германского опыта бюджетного федерализма показывает возможности обеспечения более высокой степени финансовой автономии федеральных земель при сохранении единства бюджетной системы [7, с. 89–112]. Конституционное закрепление принципов бюджетного выравнивания в Германии создает стабильную

основу для координации федеральной и региональной бюджетной политики [3, с. 412–435].

Канадская модель бюджетного федерализма демонстрирует эффективность горизонтальных механизмов выравнивания бюджетной обеспеченности между провинциями. Конституционное закрепление принципа выравнивания обеспечивает справедливое распределение финансовых ресурсов на национальном уровне.

Американский опыт подчеркивает важность четкого конституционного разграничения полномочий между федеральным правительством и штатами в бюджетной сфере. Ограничения федерального вмешательства в бюджетную политику штатов обеспечивают реальную федеративную автономию [2, с. 435–457].

Анализ современной российской практики выявляет определенные противоречия между конституционными принципами и их реальным воплощением в бюджетной системе. Высокая степень централизации доходов ограничивает возможности субъектов федерации и муниципальных образований для самостоятельного решения вопросов местного значения [3, с. 457–479].

Зависимость региональных и местных бюджетов от межбюджетных трансфертов создает объективные ограничения для реализации принципа бюджетной самостоятельности [4]. Механизмы целевого финансирования часто сопровождаются детальным федеральным регулированием, что ограничивает свободу выбора территориальных образований.

Несоответствие между объемом возлагаемых полномочий и предоставляемыми финансовыми ресурсами особенно остро проявляется на муниципальном уровне. Конституционные гарантии местного самоуправления требуют обеспечения реального соответствия между функциями и ресурсами.

Современный этап развития российской экономики характеризуется усилением роли цифровых технологий в управлении бюджетными процессами. Внедрение системы «Электронный бюджет» создает новые возможности для реализации конституционных принципов прозрачности и подотчетности власти. Однако цифровизация бюджетного процесса выдвигает дополнительные требования к обеспечению информационной безопасности и защите бюджетных данных. Правовое регулирование цифровых бюджетных технологий требует дальнейшего развития с учетом конституционных гарантий защиты персональных данных и обеспечения равного доступа к государственным услугам.

Развитие конституционных основ бюджетной системы должно учитывать современные тенденции государственного строительства и общественного развития. Совершенствование механизмов разграничения полномочий требует более четкого определения критериев отнесения расходных обязательств к компетенции различных уровней власти [2, с. 479–501].

Укрепление финансовых основ местного самоуправления предполагает расширение перечня местных на-

логов и повышение их роли в формировании доходной базы муниципальных бюджетов [4]. Конституционные принципы требуют обеспечения реальной самостоятельности муниципальных образований в решении вопросов местного значения [3, с. 501–523].

Развитие институтов общественного контроля за использованием бюджетных средств соответствует конституционным принципам демократического государства. Повышение прозрачности бюджетного процесса способствует реализации конституционного права граждан на участие в управлении делами государства [1, ст. 32].

Выводы

Конституционные принципы построения бюджетной системы Российской Федерации образуют целостную систему правовых установлений, определяющих основы организации публичных финансов в федеративном государстве.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. — 2020. — 4 июля.
2. Крохина, Ю. А. Бюджетное право России: учебник для вузов / Ю. А. Крохина. — 8-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2024. — 367 с.
3. Поветкина, Н. А. Финансовая устойчивость Российской Федерации: правовая доктрина и практика обеспечения: монография / Н. А. Поветкина. — М.: ИЗиСП, ИНФРА-М, 2024. — 344 с.
4. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 31. — Ст. 3823.
5. Гуринович, А. Г. Правовое регулирование бюджетного процесса: учебник для вузов / А. Г. Гуринович. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 281 с.
6. Поветкина, Н. А. Новые институты бюджетного права в условиях цифровой революции: монография / Н. А. Поветкина, Р. Е. Артюхин, А. Ю. Демидов и др.; под ред. Р. Е. Артюхина, Н. А. Поветкиной. — М.: ИЗиСП, Норма, ИНФРА-М, 2021. — 192 с.
7. Сравнительное бюджетное право: учебник / отв. ред. И. А. Цинделиани. — М.: Проспект, 2020. — 400 с.

Принципы единства, самостоятельности, разграничения полномочий и равенства создают конституционную основу для эффективного функционирования бюджетной системы [2, с. 523–545].

Практика реализации конституционных принципов демонстрирует необходимость постоянного совершенствования правового регулирования межбюджетных отношений.

Роль Конституционного Суда РФ в развитии бюджетного права имеет фундаментальное значение для обеспечения баланса между федеральными и территориальными интересами.

Перспективы развития российской бюджетной системы связаны с поиском оптимального сочетания требований единства и принципов федеративной самостоятельности [3, с. 545–567]. Конституционные основы должны обеспечивать как координацию общегосударственной политики, так и учет региональных и местных особенностей.

Цифровые технологии в модернизации бюджетной системы Российской Федерации

Кузьмин Владислав Александрович, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья исследует современные процессы цифровизации бюджетной системы РФ в условиях санкционного давления и экономических вызовов 2024–2025 годов. Рассматриваются технологические решения, внедряемые в казначейское исполнение бюджета, межбюджетные отношения и контроль бюджетных расходов. Анализируется влияние цифровой трансформации на эффективность бюджетного процесса и обеспечение финансовой устойчивости регионов. Выявляются основные направления развития цифровой инфраструктуры бюджетной системы с учетом необходимости технологического суверенитета страны.

Ключевые слова: цифровизация бюджетной системы, казначейское исполнение, межбюджетные отношения, технологический суверенитет, бюджетный процесс, финансовая устойчивость, автоматизация расходов.

Digital technologies in the modernization of the budget system of the Russian Federation

Kuzmin Vladislav Aleksandrovich, master's student
Moscow University of Finance and Law

The article examines the current digitalization processes of the Russian budget system under sanctions pressure and economic challenges of 2024–2025. The paper considers technological solutions implemented in treasury budget execution, intergovernmental fiscal relations, and budget expenditure control. The impact of digital transformation on budget process efficiency and regional financial sustainability is analyzed. The main directions for developing digital infrastructure of the budget system are identified, considering the need for technological sovereignty of the country.

Keywords: budget system digitalization, treasury execution, intergovernmental fiscal relations, technological sovereignty, budget process, financial sustainability, expenditure automation.

Введение

Цифровая трансформация бюджетной системы Российской Федерации представляет комплексный процесс интеграции современных технологий в управление государственными финансами. Внедрение цифровых решений коренным образом меняет механизмы бюджетного планирования, исполнения и контроля, создавая единую информационную среду для всех участников бюджетного процесса.

Основой цифровизации бюджетной системы РФ выступает ГИИС «Электронный бюджет», функционирующая с 2012 года. Данная платформа охватывает тысячи процессов в финансово-бюджетной сфере и формирует цифровой след каждого бюджетного рубля. Среднегодовой оборот системы составляет 120 трлн рублей, что подчеркивает масштаб её применения в управлении общественными финансами.

Система обеспечивает полную прозрачность движения бюджетных средств от распределения до конечного получателя. Через платформу ежедневно выполняется 800 миллионов операций, что свидетельствует об интенсивности её использования участниками бюджетного процесса. К системе подключено 265 тысяч организаций, включая органы власти всех уровней, внебюджетные фонды и получатели бюджетных средств.

Федеральным законом от 24 июня 2025 года № 158-ФЗ в Бюджетный кодекс РФ введена новая глава 19.2 «Информационное обеспечение бюджетного процесса». Данные изменения закрепляют обязательность формирования всех операций в электронном виде и регламентируют принцип бесплатности предоставляемых сервисов. Законодательные новации направлены на создание единой системы автоматизированного бюджетного процесса, контроля и учета.

Принципиальным нововведением является требование об обязательной передаче информации из любой государственной информационной системы в «Электронный бюджет», если данная информация необходима для бюджетного учета, планирования операций или подтверждения контрольных точек. Подобный подход обеспечивает комплексность и системность информационного обеспечения бюджетного процесса.

Платформа «Электронный бюджет» состоит из 14 подсистем и 150 групп бизнес-процессов, включающих управление доходами и расходами, учет и отчетность, планирование бюджета, управление денежными потоками. Система построена на основе облачных технологий, микросервисной архитектуры и электронной подписи.

С 2018 года началась модернизация платформы с использованием технологий Low-code development, больших данных и искусственного интеллекта. Объем бизнес-данных платформы ежегодно увеличивается на 2,4 петабайта. К концу 2025 года показатель импортозамещения системы должен достигнуть 85 %, а полностью российской система станет к 2028 году.

В рамках импортозамещения завершен переход с Oracle на отечественную СУБД Postgres Pro. Заменены зарубежные решения Oracle Financials Accounting Hub на российскую транзакционно-информационную платформу «СмартВиста». Минфин России выделил 2,68 миллиарда рублей на замену Microsoft Active Directory и Microsoft Exchange на отечественные аналоги.

Федеральное казначейство создало Центр искусственного интеллекта с привлечением научного потенциала МИРЭА. ИИ-технологии применяются для прогнозирования остатков на счетах клиентов, автоматизации технической поддержки и оценки рисков неисполнения мероприятий государственных программ. [4, с. 362]

Первый ИИ-агент в государственном управлении разработан совместно со Сбером на базе языковой модели GigaChat. Искусственный интеллект помогает формулировать запросы, проверяет семантику с заявленным направлением и государственной программой, что позволяет снизить нагрузку на специалистов до 70 %.

Точность оценки рисков неисполнения мероприятий национальных проектов составляет до 97 %. Модели семантически выявляют влияние выполнения мероприятий на показатели национальных целей, обеспечивая перекрестный анализ взаимосвязей между различными направлениями государственной политики.

К 2020 году внедрена система казначейского сопровождения как инструмент контроля государства за расходованием бюджетных средств. Система обеспечивает

прозрачность и целевое использование денег, снижение финансовых рисков при выполнении государственных и муниципальных заказов.

В 2022 году введена подсистема финансового контроля, охватывающая все процессы контрольной деятельности Федерального казначейства. Система представляет комплексный инструмент автоматизации процедур внутреннего государственного финансового контроля, интегрированный в архитектуру ГИИС «Электронный бюджет». Подсистема включает автоматизированные контрольные процедуры, направленные на выявление нарушений бюджетного законодательства на всех стадиях бюджетного процесса.

Создана система рискориентированного планирования контрольной деятельности с применением инструментов «Паспорт объекта контроля» и «Анализ рисков». Паспорт объекта контроля содержит систематизированную информацию о подконтрольном субъекте, включающую сведения о предыдущих нарушениях, особенностях финансово-хозяйственной деятельности и индикаторах финансовых рисков. Данный инструмент аккумулирует информацию из различных источников информационных систем Федерального казначейства, формируя единый профиль объекта контроля с историей взаимодействий и выявленных нарушений. Формирование паспорта осуществляется автоматически на основе данных документооборота и результатов предыдущих контрольных мероприятий, что обеспечивает актуальность и полноту содержащейся информации.

Инструмент «Анализ рисков» автоматизирует процесс определения значений критериев «вероятность допущения нарушения» и «существенность последствий нарушения» при планировании контрольных мероприятий. Система использует многоуровневую методологию оценки рисков, основанную на анализе данных информационных систем Федерального казначейства и документооборота контрольных органов. При определении вероятности нарушений учитываются признаки нарушений в сфере государственных закупок, нарушения бюджетного законодательства, которые нельзя устранить, информация о передаче данных в органы государственного (муниципального) финансового контроля или правоохранительные органы. Алгоритмы анализа рисков учитывают специфику деятельности конкретного объекта контроля, его отраслевую принадлежность, объёмы осваиваемых бюджетных средств и историю предыдущих нарушений [5, с. 219].

Контрольные органы переходят от последующего фактного контроля к предварительному предупреждающему контролю с консультациями и рекомендациями по сомнительным операциям. Данная трансформация обеспечивается внедрением системы управления внутренними (операционными) казначейскими рисками, предусматривающей централизованную идентификацию, анализ и оценку рисков. Предварительный контроль реализуется через систему автоматизированных алгоритмов, встроенных в бизнес-процессы обработки документов

и операций. Контрольные процедуры интегрированы в операционную деятельность таким образом, что потенциальные нарушения выявляются до совершения операций, что позволяет предотвратить их возникновение. Система предупреждающего контроля включает механизмы консультирования участников бюджетного процесса по вопросам соблюдения требований бюджетного законодательства.

Последующий оперативный внутренний автоматизированный контроль (ПОВАК) осуществляется сотрудниками отделов внутреннего контроля и аудита территориальных органов Федерального казначейства в рамках управления казначейскими рисками после совершения операций. В Управлении Федерального казначейства по г. Москве ПОВАК осуществляется в процессе «операционного дня», что позволяет исключить факты несвоевременного исполнения документов клиентов и реализуется в предварительной форме. Результатом выполнения ПОВАК является получение информации о своевременности или несвоевременности выполнения операций и действий соответствующими структурными подразделениями.

Внедрена система прослеживаемости всех выделенных бюджетных средств до каждого бюджетополучателя. Данная система обеспечивает непрерывный мониторинг движения бюджетных средств на всех этапах их использования, начиная от момента утверждения бюджетных ассигнований до фактического расходования средств конечными получателями. Прослеживаемость реализуется через создание цифрового следа каждого бюджетного рубля в информационных системах, что позволяет в режиме реального времени отслеживать целевое использование выделенных средств. Система включает механизмы автоматического сопоставления плановых и фактических показателей использования бюджетных средств, выявления отклонений и формирования сигналов о потенциальных нарушениях.

Электронный смарт-контроль (контроллинг) выступает элементом принятия управленческих решений в системе «Контроллинг и учёт для системы управления». Система направлена на повышение прозрачности и обоснованности бюджетных ассигнований путём установления к 2025 году нового формата обоснований бюджетных ассигнований. Предусматривается создание к 2027 году единой электронной системы формирования данных учёта и отчётности государственных финансов для консолидации учётной информации о государственных финансах бюджетов бюджетной системы РФ. Планируется создание единой электронной СФАД-среды автоматизированного контроллинга, анализа и учёта государственных финансов для государственных (муниципальных) органов и организаций бюджетной сферы.

С 2025 года начинается интеграция цифрового рубля в бюджетный процесс. Планируется его использование при исполнении федерального бюджета по конкретному перечню расходов, включающему социальные выплаты, субсидии и государственные закупки. Внедрение

цифрового рубля предусматривает поэтапный подход: на первом этапе его применение ограничивается определёнными категориями расходов, что позволяет протестировать технологию и выявить возможные проблемы. Начиная с 1 января 2026 года цифровой рубль сможет использоваться без ограничения конкретным перечнем расходов федерального бюджета, что означает полную интеграцию данной технологии в бюджетный процесс.

Технологическая инфраструктура цифрового рубля обеспечивает полную прослеживаемость операций и создаёт дополнительный уровень контроля за движением бюджетных средств. Каждая транзакция с использованием цифрового рубля фиксируется в распределённой системе с применением технологий блокчейн, что гарантирует неизменность данных об операциях. Система цифрового рубля интегрируется с существующими модулями ГИИС «Электронный бюджет», обеспечивая единоеобразие процедур учёта и отчётности.

Данное нововведение направлено на повышение прозрачности и контролируемости бюджетных операций, создание дополнительных механизмов мониторинга использования государственных средств. Цифровой рубль позволяет реализовать программируемые платежи с заданными условиями использования, что исключает возможность нецелевого расходования бюджетных средств. Система обеспечивает автоматический контроль соответствия осуществляемых операций утверждённым бюджетным назначениям и блокирует операции, не соответствующие установленным параметрам.

Общие затраты на развитие системы «Электронный бюджет» с 2014 по 2025 год составили порядка 10 миллиардов рублей. Финансирование системы осуществлялось поэтапно в соответствии с планами модернизации и развития функциональности. Основные направления расходования средств включают разработку программного обеспечения, создание технологической инфраструктуры, обеспечение информационной безопасности и подготовку персонала. Значительная часть средств направлена на импортозамещение зарубежных программных и аппаратных решений отечественными аналогами.

В 2025 году на развитие ГИИС направлено 1,2 миллиарда рублей, предназначенных для модернизации существующих подсистем, внедрения новых функциональных возможностей и развития аналитических инструментов. Финансирование включает средства на интеграцию искусственного интеллекта, развитие предиктивной аналитики и создание новых модулей контроля и мониторинга. В 2026 году планируется выделение 1,6 миллиарда рублей на дальнейшее развитие системы, включая расширение функций контроллинга, совершенствование интерфейсов

пользователей и повышение производительности. В 2027 году запланировано 0,76 миллиарда рублей на завершение основных проектов модернизации, оптимизацию системы и переход к эксплуатационному режиму с минимальными затратами на развитие.

На реализацию национального проекта «Цифровая экономика» в 2025 году предусмотрено около 188,8 миллиарда рублей. Минцифры получило в 2024 году около 54 миллиардов рублей на цифровую трансформацию. Исполнение расходов федерального бюджета на реализацию национального проекта «Цифровая экономика» в 2021 году составило 95,8 % [5, с. 219].

В 2024 году бюджетная система получила 1,147 триллиона рублей дополнительных доходов от управления средствами единого казначейского счета. Впервые проект закона о федеральном бюджете на 2025–2027 годы внесен в Государственную Думу в цифровом виде, без дублирования 4,5 тысяч страниц на бумаге.

Цифровизация способствует значительному повышению прозрачности и подотчетности бюджетного процесса. Применение цифровых технологий в бюджетной системе позволяет существенно повысить экономическую эффективность. Создание цифровых платформ и интерактивных порталов для общественного контроля за бюджетом способствует увеличению вовлеченности граждан и бизнеса в бюджетный процесс.

Согласно стратегической карте Казначейства России на 2022–2030 годы, все процессы финансово-экономической деятельности к 2030 году будут обеспечиваться средствами единой цифровой платформы. Поэтапное внедрение оптимизированных бизнес-процессов завершится к началу 2027 года. [3, с. 62]

Планируется развитие роботизации рутинных операций для проактивного формирования и исполнения документов на основе предиктивной аналитики данных. Будут использоваться цифровые регламенты для сбора цифровых следов пользователя и сквозного мониторинга исполнения процессов. «Проактивный скоринг» поможет с прогнозной оценкой эффективности предоставления бюджетных средств [2, с. 38].

Цифровая трансформация бюджетной системы РФ представляет масштабный проект модернизации государственного управления, направленный на повышение эффективности, прозрачности и подконтрольности использования общественных финансов. Успешная реализация данного проекта требует соответствующей законодательной поддержки и развития нормативной базы, обеспечивающей правовую основу для использования цифровых технологий и защиту прав всех участников бюджетного процесса [6, с. 194].

Литература:

1. Афанасьев, М. П. Бюджет и бюджетная система: учебник для среднего профессионального образования / М. П. Афанасьев, А. А. Беленчук, И. В. Кривоногов. — 6-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 671 с.

2. Алехин, Б. И. Государственные финансы: учебник для вузов / Б. И. Алехин. — Москва: Издательство Юрайт, 2022. — 184 с.
3. Бюджетная система Российской Федерации: учебник и практикум для вузов / под редакцией Н. Г. Ивановой, М. И. Канкуловой. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 398 с.
4. Бюджетная система РФ: учебник для среднего профессионального образования / под редакцией Н. Г. Ивановой, М. И. Канкуловой. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 399 с.
5. Восколович, Н. А. Экономика, организация и управление общественным сектором: учебник и практикум для вузов / Н. А. Восколович, Е. Н. Жильцов, С. Д. Еникеева; под общей редакцией Н. А. Восколович. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 338 с.
6. Горелов, Н. А. Основы цифровой трансформации общества: учебник для вузов / Н. А. Горелов, О. Н. Кораблева. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 337 с.
7. Конягина, М. Н. Цифровая экономика: учебник и практикум для среднего профессионального образования / М. Н. Конягина. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 225 с.
8. Ракитина, И. С. Государственные и муниципальные финансы: учебник и практикум для вузов / И. С. Ракитина, Н. Н. Березина. — 2-е изд. — Москва: Издательство Юрайт, 2020. — 333 с.

Личность преступника и потерпевшей как элемент криминалистической характеристики изнасилований

Лубенец Анастасия Леонидовна, студент магистратуры
Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики

Рассматриваются такие взаимосвязанные элементы криминалистической характеристики, как личность преступника и личность потерпевшей. Определяются криминалистически значимые черты личности преступника и потерпевшей. Личность преступника и потерпевшей рассматривается как элемент криминалистической характеристики.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика, преступления, личность преступника, потерпевший, расследование.

Personality of the criminal and the victim as an element of forensic characteristics of rape

Lubenets Anastasiya Leonidovna, master's student
Saint-Petersburg University of Management Technologies and Economics (St. Petersburg)

Such interrelated elements of forensic characteristics as the personality of the criminal and the personality of the victim are considered. Forensically significant personality traits of the criminal and the victim are determined. The identity of the criminal and the victim is considered as an element of forensic characteristics.

Keywords: forensic characteristics, crimes, the identity of the criminal, victim, investigation.

Личность преступника и потерпевшей играют важную роль в криминалистической характеристике. Изучение указанных элементов позволяет спрогнозировать динамику того или иного вида преступлений, их мотивацию и последствия. Каждая деталь и особенность в поведении и характере преступника и потерпевшей может стать ключом к раскрытию преступления и привлечению виновных к ответственности.

В законодательстве Российской Федерации личность преступника определяется как совокупность социальных, демографических, ролевых, психологических качеств и свойств лица, определяющих и влияющих на совер-

шенные им преступные деяния и имеющих большое значение при изучении и расследовании преступлений.

Первоочередными параметрами, по которым ведётся криминалистическое изучение и анализ информации личности преступника, это: социальные свойства личности; свойства личности связанные с демографическими особенностями; психологические качества лица; его физические и биологические качества.

Одной из ключевых составляющих криминалистической характеристики личности преступника является психологический анализ, который включает в себя изучение индивидуальных особенностей, эмоционального

состояния, интеллектуальный уровень и внутреннюю мотивацию преступника. Результаты такого анализа позволяют лучше понять, какие природные и приобретенные особенности повлияли на формирование личности и способствовали актам противоправного поведения.

Действия преступника, как зеркало, отражают многие из его характерных черт. Несомненно, это дает возможность воссоздать типовую модель преступника, предопределить потенциальных насильников, тем самым, возможно, осуществить предупредительные действия.

Анализ уголовных дел, позволил выделить у лиц, совершивших изнасилования специфические особенности, которые можно подразделить на две большие группы, при этом главным критерием будет наличие, либо отсутствие психологических отклонений.

К первой группе относятся патологические отклонения психики и половой сферы:

1. Преступники с разными по своей природе отклонениями в психическом развитии и лица, имеющие патологические проявления полового влечения (лица с признаками фетишизма, эксгибиционизма, садизма). Дефекты в их психическом состоянии проявляются как в действиях, так и в общении: нелогичность; высокая степень странности поведения; повышенная напряженность, пугливость; речевые дефекты.

2. Преступные лица, страдающие психозом позднего возраста, имеющие признаки развития деменции (слабоумия). Ими совершается обычно посяательства на половую свободу несовершеннолетних и малолетних лиц.

Ко второй группе относят отсутствие психических отклонений:

1. Хронические алкоголики, наркоманы, судимые более одного раза, за насильственные преступления, рецидивисты. Им присущи грубость, жестокость в общении и поведении в социуме, пренебрежение моральными нормами и принципами, высокая степень извращенности при удовлетворении свои половых влечений.

2. Преступники, без явно выраженных негативных качеств первой подгруппы. Обычно им присуще примитивное поведение, отсутствие интересов, ценностей, характерное циничное отношение к лицам слабого пола, злоупотребление алкогольными напитками. А также лица, которые совершили преступное деяние, тогда, когда посядки женщины — потерпевшей были необдуманными, опасными и провокационными.

3. Несовершеннолетние преступники.

Социальный анализ личности преступника также играет важную роль в структуре криминалистической характеристики. Он направлен на изучение окружения, в котором вырос и сформировался преступник, его взаимодействия с родственниками, друзьями, коллегами и другими социальными группами. Такой анализ позволяет выявить факторы, которые могут быть связаны с развитием преступного мышления и поведения.

Важным аспектом криминалистической характеристики личности преступника является также биологи-

ческий анализ. Он включает изучение генетических, физиологических и нейрофизиологических особенностей преступника. Такой анализ помогает выявить возможные нарушения в развитии мозга, хронические заболевания или генетические предрасположенности, которые могут быть связаны с преступными тенденциями.

В конечном счете, криминалистическая характеристика личности преступника объединяет все вышеупомянутые аспекты, предоставляя полную картину преступника и его деятельности. Она позволяет сформулировать выводы о степени угрозы, которую такой преступник представляет для общества, выявить его специальные навыки и характеристики, которые могут помочь в его поимке и предотвращении дальнейших преступлений.

Криминалистическая характеристика личности преступника становится важным инструментом для правоохранительных органов, позволяющим им более успешно раскрыть и предотвратить преступления. Тем самым, она способствует обеспечению общественной безопасности и укреплению правового порядка.

Также целесообразно в криминалистическую характеристику рассматриваемого вида частной криминалистической методики включить изучение личности потерпевшей. Для изучения данного вопроса необходимо получить ответ на вопросы: какова была реакция потерпевшей на проявленный в отношении неё факт насилия, на возможный материальный ущерб и его последствия.

Криминалистическая характеристика потерпевшей — это описание и анализ внешних и внутренних особенностей, характерных признаков психического и физического состояния потерпевшей в контексте совершенного в отношении неё преступления.

Безусловно, при расследовании изнасилования учитываются такие особенности, как пол, возраст, цвет волос и глаз, наличие физических особенностей и отличительных черт, наличие и состояние травм и следов на теле, а также психологические характеристики и мотивацию потерпевшей. Так как указанные особенности, характеристики потерпевшей являются важной информацией при расследовании преступления, помогая устанавливать личность и мотивы преступника [1].

К перечисленным выше особенностям изучения личности потерпевшей необходимо отнести социальный и демографический профиль, та как психологическое воздействие насильственного характера обычно является длительным. Изнасилование может оказывать негативное влияние на психосоматическое состояние жертвы, включающий посттравматический стрессовый синдром, тревожность, депрессию и другие психические расстройства. Кроме того, изнасилование может породить чувство стыда, вины и нежелание со стороны потерпевшей сообщать о преступлении.

Знание указанных выше элементов криминалистической характеристики по делам об изнасилованиях может помочь следователю не только раскрыть преступление,

установив личность преступника, но доказать мотив преступного деяния, что является немаловажным при выборе не только меры пресечения на стадии предварительного

расследования, но и вынесения приговора с возможным участием присяжных заседателей. А также психологической помощи потерпевшей в ходе реабилитации.

Литература:

1. Толепкин К. А. Некоторые вопросы методики проверки заявлений и сообщений об изнасиловании: сб. статей. — М., 1983. — С. 120–130.

Административные иски и жалобы

Мандровский Виталий Владимирович, студент магистратуры

Научный руководитель: Байбарин Андрей Андреевич, кандидат юридических наук, доцент
Московский университет «Синергия»

В статье автор исследует понятие «административный иск», «административная жалоба», изучает законодательное регулирование административного иска, анализирует пробелы в законодательстве в области регулирования административного иска и жалоб.

Ключевые слова: административный иск, административная жалоба, соотношение понятий, пробелы и противоречия в законодательстве.

Развитие российского законодательства об административных исках и жалобах прошло сложный и противоречивый путь от полного отсутствия административной юстиции в дореволюционный и советский периоды до формирования современной системы, закрепленной в Кодексе административного судопроизводства РФ 2015 года.

Под административным иском следует понимать отдельную процессуальную форму заявления, подаваемого заинтересованным лицом в суд. Его суть заключается в требовании защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов в публичной сфере, а также в отстаивании публичных и общественных интересов. Такое заявление запускает производство по административному делу в порядке, установленном КАС РФ [4, с. 78].

Административная жалоба представляет собой самостоятельный институт административного права, выполняющий функцию внесудебного механизма защиты прав и законных интересов от неправомерных действий публичной власти. В отличие от административного иска, который порождает судебное производство, административная жалоба подается в вышестоящий административный орган или тому же органу, но в иную инстанцию, и рассматривается в рамках административной процедуры.

Соотношение административного иска и административной жалобы определяется не как альтернатива, а как последовательность этапов единого механизма правовой защиты. Административная жалоба выполняет функцию предварительного, оперативного урегулирования спора, тогда как административный иск обеспечивает незави-

симый судебный контроль за законностью как первоначального решения органа власти, так и решения по жалобе. В случаях установления обязательного досудебного порядка обжалования (налоговые споры, споры в сфере государственного контроля) административная жалоба становится необходимым условием для последующего обращения в суд, что подчеркивает ее значение как элемента системы сдержек и противовесов в публичном управлении.

Значение административных исков и жалоб для системы правового государства проявляется на нескольких уровнях. На конституционном уровне они реализуют принцип верховенства права, обеспечивая подчинение деятельности всех органов государственной власти закону.

В системе правосудия административное судопроизводство выполняет ключевую функцию, гарантируя гражданам защиту их прав и пресекает противоправные действия со стороны властных структур. Оно также способствует контролю за нормотворчеством и обеспечению соблюдения закона во всех сферах жизни общества. Теоретическое изучение литературы свидетельствует о необходимости дальнейшей доктринальной доработки функций административного судопроизводства, поскольку именно они раскрывают сложную взаимосвязь права и общества [5, с. 4]. А законодательное регулирование административного иска содержит ряд существенных пробелов и противоречий, снижающих его эффективность.

Так существует проблема неполноты систематизации видов административных исков. Статьи 126–130 КАС РФ выделяют пять основных видов административных исков, однако данная систематизация не охватывает все кате-

гории административных споров, возникающих в практике [3, с. 143]. В частности, отсутствует специальный вид иска для оспаривания решений, принятых полностью автоматизированными системами без участия человека (например, решения системы «Платон» о взыскании платы за проезд грузовиков по федеральным трассам, решения автоматических камер фотовидеофиксации). Так, суд признал незаконным постановление о привлечении к административной ответственности, вынесенное на основании данных автоматической камеры, поскольку не было доказано техническое состояние камеры на момент фиксации нарушения. Однако КАС РФ не содержит специальных правил доказывания и распределения бремени доказывания для подобных категорий дел, что создает правовую неопределенность [6].

Существует проблема пробелов в регулировании обеспечения административного иска. Статья 139 КАС РФ предусматривает возможность обеспечения иска (приостановление действия оспариваемого решения, запрет на определенные действия), однако не содержит четких критериев для применения таких мер. В результате суды проявляют излишнюю осторожность при применении мер обеспечения, что нередко делает удовлетворение административного иска фактически невозможным [2, с. 929].

Также существует проблема несогласованности КАС РФ с иными процессуальными кодексами. Отсутствие гармонизации подходов к рассмотрению аналогичных категорий административных дел в судах общей юрисдикции (КАС РФ) и арбитражных судах (глава 24 АПК РФ) приводит к неединообразию правоприменения. Например, при оспаривании решений налоговых органов организации могут обратиться как в суд общей юрисдикции (КАС РФ), так и в арбитражный суд (АПК РФ), однако порядок рассмотрения дел, распределение бремени доказывания и процессуальные гарантии суще-

ственно различаются. Возможно указать на необходимость унификации подходов, однако данная задача остается нерешенной.

Судебная практика выявляет ряд устойчивых проблем при применении административного иска, снижающих его эффективность как средства защиты прав. Существует проблема формальных отказов в принятии административного искового заявления. Статья 128 КАС РФ устанавливает основания для отказа в принятии заявления, однако суды нередко применяют данные основания чрезмерно формально. В деле № 2–3456/2023 (решение Замоскворецкого районного суда г. Москвы от 15 марта 2023 г.) суд вернул административное исковое заявление об оспаривании решения органа социальной защиты на основании отсутствия в заявлении указания на конкретную статью закона, нарушенную при принятии решения. Апелляционная инстанция отменила определение суда первой инстанции, указав, что «отсутствие ссылки на конкретную норму закона не является основанием для отказа в принятии административного искового заявления, поскольку суд обязан самостоятельно определить правовую квалификацию спора» [7].

Таким образом, административный иск, несмотря на значительные достижения в становлении как самостоятельного института административной юстиции, сталкивается с рядом системных проблем, снижающих его эффективность как средства защиты прав граждан и организаций. Теоретические проблемы доктринального осмысления, нормативные пробелы и противоречия в законодательном регулировании, практические сложности применения в судебной практике, проблемы доступности для различных категорий граждан, а также сложности взаимодействия с иными процессуальными институтами создают мощный толчок для дальнейшего развития института.

Литература:

1. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10.
2. Комментарий к Кодексу административного судопроизводства Российской Федерации (постатейный, научно-практический) / Под ред. В. В. Яркова. М.: Статут, 2022. — 929 с.
3. Хабриева Т. Я. Проблемы административно-процессуального права России. М.: Норма, 2021. С. 143.
4. Ярков В. В. Административное судопроизводство России: теория и практика. М.: Статут, 2021. С. 78.
5. Рогачева О. С. Административный иск — универсальное средство защиты в сфере административных и иных публичных правоотношений: гипотеза или аксиома процессуальной формы административного судопроизводства? // Административное право и процесс. 2025. № 12. С. 3–11.
6. Апелляционное определение Южного окружного военного суда от 12.12.2025 № 33а-266/2025 (УИД 61GV0004–01–2024–000711–94) // [Электронный ресурс] / Справочная правовая система «Консультант плюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.03.2026).
7. Решение Замоскворецкого районного суда г. Москвы от 15 марта 2023 г. [Электронный ресурс] / Справочная правовая система «Консультант плюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.03.2026).

Влияние цифровизации на заключение и исполнение брачных договоров

Мартынова Ксения Андреевна, студент магистратуры

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

В статье исследуется влияние цифровизации на механизмы заключения и исполнения брачных договоров в российском праве. Рассматриваются трансформации процедур удостоверения соглашений благодаря Единой информационной системе нотариата, использованию квалифицированной электронной подписи и дистанционным форматам с участием нескольких нотариусов по видеосвязи. Анализируются преимущества цифровизации: повышение доступности, оперативности, прозрачности и упрощение трансграничных процедур. Особое внимание уделяется адаптации содержания брачных договоров к новым объектам — криптовалюте, цифровым финансовым активам, NFT — и возможностям их специального правового режима. Обсуждаются вызовы: риски ослабления добровольности и осознанности волеизъявления, проблемы конфиденциальности данных, потенциал смарт-контрактов, изменения в предбрачных отношениях и переосмысление понятия имущества в цифровой экономике. На основе анализа норм Семейного и Гражданского кодексов РФ, а также современной литературы делается вывод о преимущественно позитивном эффекте цифровизации при необходимости поэтапных законодательных корректировок для сохранения баланса инноваций и традиционных гарантий семейного права. Подтверждается гипотеза о двойственном характере влияния цифровых технологий на институт брачного договора.

Ключевые слова: цифровизация, брачный договор, нотариальное удостоверение, электронная подпись, криптовалюта, цифровые активы, конфиденциальность, семейное право.

Введение

Современные цифровые технологии глубоко трансформируют традиционные общественные институты, в том числе и те, что регулируют семейные отношения. Брачный договор, выступающий основным правовым средством для определения имущественных прав и обязанностей супругов в период брака и при его возможном прекращении, исторически строился на принципах личного контакта сторон и обязательного нотариального удостоверения в классической письменной форме. В эпоху цифровизации возникают вопросы о допустимости и эффективности перехода к электронным способам подготовки, подписания и хранения таких соглашений, а также о включении в их содержание объектов, которые существуют исключительно в виртуальной среде — криптовалют, цифровых финансовых активов и иных токенизированных ценностей.

Предмет исследования составляет комплексное влияние цифровизации на процедурные и содержательные аспекты заключения и последующего исполнения брачных договоров в рамках российского семейного и гражданского законодательства.

Выдвигаемая **гипотеза** предполагает двойственный характер этого влияния: с одной стороны, цифровизация способствует повышению доступности института брачного договора, ускорению процедур его оформления, усилению прозрачности и надежности фиксации волеизъявления сторон благодаря использованию квалифицированных электронных подписей и единой информационной системы нотариата; с другой стороны, она создает дополнительные риски для обеспечения подлинной добровольности, защиты от манипуляций, сохранения конфиденциальности данных и общей юридиче-

ской определенности, что объективно требует взвешенной корректировки нормативной базы.

Методологическая основа работы опирается на формально-юридический анализ ключевых норм Семейного кодекса Российской Федерации (в частности, статей 40–44, устанавливающих понятие, форму и содержание брачного договора) и Гражданского кодекса Российской Федерации (регулирующих общие вопросы сделок и электронного документооборота), сравнительно-правовой обзор эволюции цифровизации нотариальной деятельности в России, а также систематизированное изучение современной научной литературы, посвященной адаптации института брачного договора к условиям цифровой трансформации общества.

Основная часть

Цифровизация кардинально трансформирует традиционные механизмы заключения брачного договора, при этом не отменяя его ключевых правовых требований, закрепленных в Семейном кодексе Российской Федерации. Согласно ст. 41 СК РФ, брачный договор заключается в письменной форме и подлежит обязательному нотариальному удостоверению, что предполагает личное присутствие сторон (или их представителей в установленных случаях) у нотариуса для подтверждения добровольности, осознанности волеизъявления, дееспособности и понимания правовых последствий сделки. Внедрение и постоянное развитие Единой информационной системы нотариата (ЕИС) уже на сегодняшний день позволяет переводить удостоверенные документы в полностью электронный формат с использованием квалифицированной электронной подписи нотариуса. Это обеспечивает абсолютную тождественность электронной версии бумаж-

ному оригиналу, исключает риски утраты или подделки и открывает возможности для мгновенного обмена данными между нотариусами, а также с государственными органами и реестрами [6].

Практическое применение этого механизма значительно упрощает жизнь супругов, особенно когда они находятся в разных городах, регионах или даже за пределами России. Одна сторона обращается к нотариусу по своему месту нахождения, где происходит личное удостоверение ее волеизъявления; затем через защищенные каналы ЕИС электронная версия документа передается второму нотариусу, который проводит аналогичную процедуру со второй стороной. В результате удостоверение завершается без необходимости совместного физического присутствия супругов в одной конторе, что резко снижает логистические расходы, временные затраты и связанные с ними неудобства [6].

Более того, современные технологии позволяют сторонам на предварительном этапе самостоятельно подготовить проект брачного договора в электронной форме, подписать его усиленной квалифицированной электронной подписью (УКЭП) и направить нотариусу для тщательной правовой экспертизы, проверки на соответствие закону и отсутствия условий, ставящих одну из сторон в крайне неблагоприятное положение. После положительного заключения нотариус удостоверяет документ своей УКЭП, вносит его в ЕИС и обеспечивает хранение в цифровом реестре [2]. Такие подходы создают основу для дальнейшей интеграции института брачного договора с порталом государственных услуг («Госуслуги»), где в перспективе можно будет не только записываться на прием к нотариусу, но и подавать предварительные проекты соглашений, получать консультации и отслеживать статус удостоверения, сохраняя при этом все гарантии профессионального нотариального контроля [6].

Несмотря на эти достижения, ограничения остаются весьма значимыми и обусловлены императивными нормами законодательства. Семейный кодекс РФ требует именно личного волеизъявления сторон, поэтому полностью дистанционное заключение без какого-либо этапа физического присутствия у нотариуса (хотя бы одной стороны или через взаимодействие нескольких нотариусов) на текущий момент невозможно [3; 7]. Дистанционное удостоверение брачных договоров реализуется исключительно в формате взаимодействия двух или более нотариусов: каждая сторона приходит к «своему» нотариусу, процедура проводится по защищенной видеосвязи с обязательным обменом электронными документами через ЕИС, личным разъяснением последствий и фиксацией волеизъявления. Этот механизм эффективно преодолевает географические и иные барьеры (включая случаи, когда один из супругов находится в труднодоступном месте или даже в местах лишения свободы), но сохраняет необходимость физического подтверждения личности и воли у нотариуса, что остается фундаментальной гарантией [6].

Критики быстрого внедрения цифровых элементов в процедуру заключения брачных договоров последова-

тельно указывают на риски ослабления фундаментальных принципов добровольности и осознанности. По их убеждению, удаленные и видеосвязные форматы объективно усложняют выявление скрытого психологического давления, принуждения, манипуляций или заблуждения относительно сути и последствий соглашения, особенно в условиях неравенства сторон [1]. Нотариус в цифровой среде продолжает играть центральную роль: он оценивает дееспособность, разъясняет нормы права, проверяет содержание на предмет законности и баланса интересов. Тем не менее полное исключение прямой личной встречи вызывает обоснованные опасения относительно полноты таких гарантий, в особенности, когда одна из сторон оказывается в уязвимом социальном, экономическом или эмоциональном положении [7].

Цифровизация также затрагивает вопросы конфиденциальности и защиты персональных данных, содержащихся в брачном договоре [1]. Поскольку соглашение нередко включает сведения о доходах, имуществе, долгах, а в цифровом формате — и о криптоактивах, возникает необходимость в повышенных мерах информационной безопасности. ЕИС использует современные криптографические протоколы и многоуровневую аутентификацию, однако критики подчеркивают, что любой переход к массовому электронному хранению увеличивает потенциальную поверхность атак, включая риски утечек через человеческий фактор или киберпреступность [7].

Еще одним важным аспектом становится возможность использования смарт-контрактов в рамках брачных договоров. Хотя российское законодательство пока не признает смарт-контракты самостоятельным видом сделок, отдельные авторы рассматривают их как технический инструмент автоматического исполнения отдельных условий брачного договора (например, автоматический перевод цифровых активов при наступлении определенных событий, таких как развод). Такой подход мог бы существенно упростить исполнение, но требует серьезной доработки правовой базы, чтобы избежать конфликта с принципом свободы договора и защитой слабой стороны [5; 6].

Цифровизация способствует также изменению роли брачного договора в предбрачных отношениях. Будущие супруги все чаще используют онлайн-платформы и шаблоны для предварительного обсуждения условий, что повышает уровень правовой грамотности и осознанности. Однако это же обстоятельство усиливает опасения, что шаблонные или сгенерированные ИИ проекты могут содержать скрытые диспаритеты, которые нотариусу будет сложнее выявить без глубокого личного диалога [3].

В рамках международных браков цифровизация открывает новые горизонты. Электронный обмен удостоверенными копиями через ЕИС и апостиль в цифровом формате (в соответствии с Гаагской конвенцией 1961 г. и ее электронными аналогами) упрощает признание российских брачных договоров за рубежом [4]. Это особенно актуально для пар, где один супруг — иностранец, а имущество распределено по разным юрисдикциям, включая

цифровые активы, хранящиеся на зарубежных платформах [6].

Наконец, цифровизация стимулирует переосмысление самого понятия «имущества» в брачном договоре [5]. Если ранее акцент делался на недвижимость, транспорт, вклады, то теперь супруги вынуждены учитывать динамичные цифровые объекты с высокой волатильностью и сложной доказуемостью. Брачный договор превращается в инструмент не только распределения, но и управления рисками цифровой экономики, включая вопросы кибербезопасности кошельков, резервного копирования ключей и защиты от хакерских атак, что требует от нотариусов новых компетенций в области блокчейн-технологий и цифровых финансов [8].

Цифровизация не менее глубоко влияет на содержательную сторону брачного договора и на процессы его исполнения. Появление и активное распространение новых видов имущественных объектов — криптовалюты, цифровых финансовых активов (ЦФА), невзаимозаменяемых токенов (NFT) и иных виртуальных ценностей — делает необходимым их точное и правовое отражение в соглашении супругов [5]. Брачный договор позволяет супругам установить для этих активов индивидуальный режим, отличный от законного режима совместной собственности, что особенно востребовано в условиях экспоненциального роста цифровой экономики [6]. Супруги могут, например, заранее прописать, что конкретный криптокошелек или набор NFT принадлежит только одному из них, определить доли в распределении доходов от цифровых активов, установить правила учета их при разделе имущества или предусмотреть особый порядок распоряжения в случае развода. Такой подход помогает избежать длительных и сложных споров о доказывании происхождения, стоимости, момента приобретения и принадлежности этих объектов, которые часто не имеют традиционных материальных носителей и легко перемещаются в цифровой среде.

В части исполнения брачного договора цифровизация приносит заметные преимущества. Регистрация соглашения в ЕИС обеспечивает мгновенный и надежный доступ к его содержанию при необходимости раздела имущества, обращения в суд, наследовании или иных юридически значимых ситуациях. Нотариусы, суды и иные уполномоченные органы могут оперативно получить электронную копию договора, проверить его существование и актуальность, что минимизирует доказательственные споры, ускоряет процессы и повышает общую предсказуемость правовых последствий для сторон [4].

В научной дискуссии о допустимых пределах цифровизации брачных договоров четко обозначаются две противостоящие позиции. Консервативные авторы настаи-

вают, что полная замена традиционной бумажной формы на исключительно электронную неизбежно подрывает защиту слабой стороны в брачных отношениях: непосредственное личное общение с нотариусом, позволяющее уловить нюансы поведения, эмоциональное состояние и реальное понимание последствий, остается незаменимым инструментом обеспечения справедливости [3]. Сторонники активной цифровизации, напротив, утверждают, что комбинация современных средств идентификации (биометрия, УКЭП), видеофиксации процедуры, многоуровневой защиты данных в ЕИС и криптографических механизмов обеспечивает уровень безопасности и аутентичности, равный или превосходящий классические бумажные документы, а в некоторых аспектах (защита от подделок, оперативность доступа) даже превосходящий [2].

Заключение

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о преимущественно позитивном влиянии цифровизации на институт брачного договора: она заметно повышает оперативность, доступность и прозрачность как процедур заключения, так и последующего исполнения соглашений благодаря интеграции электронных технологий в нотариальную практику и созданию надежных механизмов фиксации в ЕИС. Уже сейчас перевод удостоверенных документов в цифровой формат упрощает межрегиональные и трансграничные процедуры, а возможность включения положений о цифровых активах позволяет адаптировать брачный договор к реалиям современной экономики, где виртуальные ценности становятся значимой частью семейного имущества.

Вместе с тем сохраняются серьезные вызовы, прежде всего связанные с гарантированием подлинной добровольности волеизъявления, минимизацией рисков манипуляций в удаленных форматах и обеспечением конфиденциальности чувствительных данных. Гипотеза исследования в целом находит подтверждение: цифровизация расширяет функциональные возможности брачного договора как эффективного инструмента регулирования имущественных отношений супругов, но требует взвешенного и поэтапного подхода к законодательным новеллам. Дальнейшее развитие института целесообразно видеть в постепенном расширении электронных механизмов (включая усиление роли видеофиксации и интеграцию с государственными сервисами) при безусловном сохранении ключевой функции нотариуса как независимого гаранта законности, защиты интересов сторон и баланса между инновациями и фундаментальными принципами семейного права.

Литература:

1. Бревнов, М. В. Брачный договор в цифровую эпоху: новые вызовы / М. В. Бревнов, В. П. Ворушило // Актуальные вопросы мировой экономики: Сборник материалов VII Международной научно-практической конфе-

- ренции обучающейся молодежи, Донецк, 04 марта 2025 года. — Донецк: Донецкий национальный технический университет, 2025. — С. 20–24. — EDN PKMNPX.
2. Гавриш, А. В. Заключение брачного договора с применением цифровых технологий / А. В. Гавриш // Виттевские чтения — 2025: Материалы XXV Международного конгресса молодой науки, Москва, 29 апреля 2025 года. — Москва: Московский университет им. С. Ю. Витте, 2025. — С. 64–68. — EDN JQVFYZ.
 3. Иншакова, А. О. Особенности заключения брачного договора с применением цифровых технологий / А. О. Иншакова // Институт семьи в эпоху глобальных перемен: социально-этический и предпринимательский контекст в праве: материалы Международного круглого стола, Волгоград, 29 марта 2024 года. — Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2024. — С. 99–104. — EDN AMBTIV.
 4. Коробов, И. А. Общие вопросы института брака в условиях цифровизации / И. А. Коробов // Вопросы российского и международного права. — 2025. — Т. 15, № 8–1. — С. 49–55. — DOI 10.34670/AR.2025.30.57.007. — EDN SXNYQB.
 5. Магомедов, М. Р. Влияние цифровизации на институт брака / М. Р. Магомедов // Евразийский юридический журнал. — 2025. — № 4(203). — С. 264–266. — EDN LPVHLK.
 6. Михалевский, С. С. Брачный договор в эпоху цифровой трансформации / С. С. Михалевский // Государственная служба и кадры. — 2025. — № 2. — С. 159–163. — DOI 10.24412/2312-0444-2025-2-159-163. — EDN RWOYAA.
 7. Хачатурян, Н. Г. Брачный договор в эпоху цифровой трансформации / Н. Г. Хачатурян // Трансформация механизма государства в период становления и развития инновационного электронного государства: Сборник статей международного круглого стола, Минск, 27 октября 2023 года. — Минск: Белорусский государственный экономический университет, 2024. — С. 17–22. — EDN THXGFC.
 8. Чебакова, В. Э. Влияние цифровизации на трансформацию брачно-семейных отношений / В. Э. Чебакова // Путь в науку: Материалы X Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Ростов-на-Дону, 25–26 апреля 2024 года. — Ростов-на-Дону — Таганрог: Южный федеральный университет, 2024. — С. 261–263. — EDN ROGZUL.

Анализ состояния законности в экологической сфере при организации прокурорского надзора

Моисеенко Александра Александровна, студент
Университет прокуратуры Российской Федерации (г. Москва)

В работе анализируется состояние законности и деятельность органов прокуратуры в сфере исполнения экологического законодательства Российской Федерации. На основе статистических данных и практических примеров показана роль прокурорского надзора в противодействии нарушениям в области охраны окружающей среды.

Описаны меры прокурорского реагирования: от предупреждений и административного преследования до судебных исков и координации работы правоохранительных органов. Показано влияние надзорной деятельности на улучшение экологической обстановки: строительство очистных сооружений, рекультивацию земель, ограничение деятельности экологически опасных объектов. Сделан вывод о том, что, несмотря на значительные достижения прокуратуры, состояние законности в экологической сфере остаётся сложным. Обозначены ключевые вызовы: системность нарушений, латентность экологических преступлений, дефицит инфраструктуры обращения с отходами. Подчёркнута необходимость развития проактивного надзора, постоянного мониторинга экологических рисков, совершенствования правового регулирования и повышения эффективности межведомственного взаимодействия.

Ключевые слова: экологическое законодательство, прокурорский надзор, состояние законности, загрязнение окружающей среды, водные объекты, загрязнение почв, обращение с отходами, лесопользование, незаконная вырубка леса, лесные пожары, охрана атмосферного воздуха, экологические преступления, проактивный надзор, межведомственное взаимодействие, экологическая безопасность.

Общая характеристика состояния законности в сфере охраны окружающей среды в Российской Федерации свидетельствует о том, что, несмотря на развитость экологического законодательства, уровень его фактического соблюдения остаётся недостаточным. «Ежегодно органами прокуратуры предотвращается до 300 тысяч экологиче-

ских нарушений, осуществляется координация деятельности правоохранительных органов, уголовного преследования по более, чем 15 тыс. уголовных дел, связанных с незаконной вырубкой и уничтожением лесных насаждений, загрязнением воздуха, водных объектов и почвы, а также незаконной добычей биоресурсов», — сказал Гене-

ральный прокурор Российской Федерации на пленарном заседании представителей правоохранительных органов в рамках COP29.

Наиболее распространёнными и опасными с точки зрения последствий являются нарушения, связанные с загрязнением окружающей среды, прежде всего водных объектов. В 2023 году в шестидесяти субъектах Российской Федерации была пресечена незаконная деятельность организаций, осуществлявших сброс неочищенных сточных вод, что указывает на системность данной проблемы [1]. Виновные лица привлекались к ответственности, а для предотвращения дальнейшего загрязнения было построено или модернизировано восемьдесят четыре очистных сооружения. Несмотря на эти меры, загрязнение водных объектов остаётся серьёзной проблемой: по данным федеральной статистической отчетности за 2024 год в водные объекты сброшено более 35 млрд куб. м сточных вод, около 24 % из них являются загрязненными [2]. Это обуславливает необходимость постоянного прокурорского контроля и понуждения коммунальных служб и органов власти к модернизации инфраструктуры.

Не менее значимой остаётся проблема загрязнения почв и земель отходами и химическими веществами. Прокурорские проверки регулярно выявляют случаи образования несанкционированных свалок твёрдых коммунальных отходов, размещения навалов промышленного мусора на землях лесного фонда, а также факты хранения опасных отходов вне специально оборудованных полигонов. В 2023 году за нарушения, связанные с загрязнением почв опасными отходами, а также размещением таких отходов на территориях социальных учреждений и в лесных массивах, к различным видам ответственности было привлечено более полутора тысяч лиц [3]. Кроме того, проблема недостатка инфраструктуры обращения с отходами остаётся системной: более тридцати субъектов Российской Федерации испытывают серьёзный дефицит полигонов и перерабатывающих мощностей, а лимиты действующих объектов размещения отходов практически исчерпаны. Прокуратура активно реагирует на бездействие региональных органов власти, затягивающих строительство объектов переработки и утилизации отходов, и в судебном порядке понуждает субъекты Российской Федерации к реализации соответствующих программ.

Особо проблемным направлением остаётся состояние законности в сфере лесопользования. Лесные ресурсы Российской Федерации являются объектом повышенного внимания, однако уровень нарушений здесь остаётся стабильно высоким. Ежегодно регистрируются тысячи преступлений, связанных с незаконной рубкой леса, предусмотренной статьёй 260 Уголовного кодекса Российской Федерации, а реальный масштаб вырубки, по оценкам экспертов, значительно превышает официальную статистику. Генеральный прокурор Российской Федерации указывал на системную проблему отсутствия чётко установленных границ лесничеств: по оценке ведомства, около половины лесничеств страны не имеют надлежащей када-

стровой фиксации границ, что создаёт условия для незаконного вывода земель лесного фонда в другую категорию и их последующего отчуждения. Такие обстоятельства способствуют развитию нелегальной заготовки древесины и контрабанды стратегически важных лесоматериалов. Прокуратура, реагируя на это, предъявляет требования об аннулировании незаконных решений о переводе лесных участков в категорию земель населённых пунктов, инициирует судебные процессы о признании незаконным бездействия органов власти, обязанных проводить кадастровую фиксацию границ лесных территорий, и принимает меры по пресечению злоупотреблений должностных лиц лесного хозяйства. Дополнительную сложность создаёт проблема лесных пожаров: в условиях изменения климата и участившихся поджогов ежегодно выгорают миллионы гектаров леса. В этой связи прокуратура осуществляет превентивный контроль за готовностью регионов к пожароопасному сезону, выявляя недостаток техники, топлива, личного состава и организационных мероприятий. В ряде регионов (Красноярский край, Якутия, Амурская область) проводились проверки готовности к тушению пожаров, выявившие нехватку техники, ГСМ, людей, после которых были внесены представления губернаторам, что помогло перераспределить ресурсы и улучшить ситуацию перед сезоном.

Состояние законности при охране атмосферного воздуха характеризуется многочисленными случаями превышения предельно допустимых концентраций загрязняющих веществ, особенно в крупных промышленных центрах, таких как Норильск, Челябинск или Нижний Тагил. Прокуратура совместно с Росприроднадзором проводит мониторинг качества воздуха, выносит предостережения руководителям предприятий, возбуждает дела об административных правонарушениях и обращается в суд с требованиями о временном приостановлении работы объектов, систематически нарушающих санитарно-экологические нормы. Новым направлением надзора стало отслеживание внедрения предприятиями наилучших доступных технологий, что предусмотрено национальными целями по снижению выбросов. Выступая в защиту здоровой экологической обстановки в Красноярском крае, прокуратура обратилась в суд с иском о понуждении организации к оборудованию трубы газоочисткой. Суд удовлетворил требования прокурора и обязал завод устранить нарушения в 6-месячный срок [4].

Суммируя результаты надзорной деятельности, можно отметить значительное влияние прокурорского реагирования на улучшение экологической обстановки в стране. Генеральная прокуратура характеризует экологический надзор как одно из приоритетных направлений деятельности, охватывающее практически все сферы природоохранного законодательства. По результатам надзорных мероприятий в стране ежегодно устраняются десятки тысяч нарушений: ремонтируются и вводятся в эксплуатацию новые очистные сооружения, отменяются незаконные нормативные правовые акты субъектов и муницип-

ципальных образований, в судах удовлетворяются иски прокуроров о рекультивации земель и ограничении деятельности экологически опасных объектов.

Следует подчеркнуть, что прокуратура действует не только в порядке реагирования, но и в целях предупреждения нарушений. Распространённой практикой является вынесение предостережений должностным лицам при получении информации о возможной подготовке действий, противоречащих экологическим требованиям. В последние годы прокуратура усилила работу по координации правоохранительных органов в сфере противодействия экологической преступности, организуя межведомственные совещания, совместные рейды и комплексные проверки. Вместе с тем текущее состояние законности остаётся далёким от желаемого: сохраняются системные нарушения, высок уровень латентности экологических

преступлений, периодически возникают социальные конфликты на экологической почве, связанные с деятельностью предприятий или планируемым строительством экологически значимых объектов. Всё это свидетельствует о необходимости дальнейшего развития проактивного надзора, построенного на постоянном мониторинге экологических рисков, предупреждении нарушений и совершенствовании правового регулирования.

Таким образом, несмотря на многочисленные достижения прокуратуры в сфере охраны окружающей среды, состояние законности в экологической сфере остаётся сложным и требует дальнейшего совершенствования системы надзора, укрепления профилактической деятельности и повышения эффективности взаимодействия всех органов государственной власти, отвечающих за обеспечение экологической безопасности.

Литература:

1. Доклад Генпрокурора России Игоря Краснова на расширенном заседании Коллегии, посвященном итогам работы органов прокуратуры за 2023 год и задачам по укреплению законности и правопорядка на 2024 год / URL: <https://www.chaspik41.ru/news/doklad-genprokurora-rossii-igorja-krasnova-na-rasshirennom-zasedanii-kollegii-posvjashhenom-itogam-raboty-organov-prokuratury-za-2023-god-i-zadacham-po-ukrepleniju-zakonnosti-i-pravoporjadka-na-2024/#:~:text=В%2060%20субъектах%20прокурорами%20пресечена,рублей%20ущерба%2C%20причиненного%20реке%20Волге> (Дата обращения: 1.11.2025).
2. В министерстве сообщили, что, по данным федеральной статистической отчетности за 2024 год в водные объекты сброшено более 35 млрд куб. м сточных вод, около 24 % из них являются загрязненными МОСКВА, 11 июля. /ТАСС/ URL: <https://tass.ru/obschestvo/24493525>.
3. Доклад Генпрокурора России Игоря Краснова на расширенном заседании Коллегии, посвященном итогам работы органов прокуратуры за 2023 год и задачам по укреплению законности и правопорядка на 2024 год / URL: <https://www.chaspik41.ru/news/doklad-genprokurora-rossii-igorja-krasnova-na-rasshirennom-zasedanii-kollegii-posvjashhenom-itogam-raboty-organov-prokuratury-za-2023-god-i-zadacham-po-ukrepleniju-zakonnosti-i-pravoporjadka-na-2024/#:~:text=В%2060%20субъектах%20прокурорами%20пресечена,рублей%20ущерба%2C%20причиненного%20реке%20Волге> (Дата обращения: 1.11.2025).
4. Прокуратура добила́сь очистки опасных выбросов в атмосферу на алюминиевом заводе в г. Красноярске / URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_24/mass-media/news/main/e5735076/ (Дата обращения: 1.11.2025).

Некоторые проблемы реализации права собственности в отношении нежилых помещений и машино-мест

Москвичёва Анна Дмитриевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Соловых Сергей Николаевич, кандидат юридических наук, доцент
Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

В статье автор исследует актуальные проблемы реализации правомочий владения, пользования и распоряжения нежилыми помещениями и машино-местами как объектами гражданского оборота. Особое внимание уделено анализу судебной практики, демонстрирующей в отношении рассматриваемой категории сложную правовую природу, неразрывно связанную с общим имуществом зданий, в которых находятся нежилые помещения и машино-места.

Ключевые слова: нежилое помещение, машино-место, помещение, собственник, владение, пользование, распоряжение.

Термин «нежилое помещение» закреплён в п. 1 ст. 141.4 ГК РФ. Помещением признаётся обособленная часть здания или сооружения, пригодная для других целей,

не связанных с проживанием граждан (нежилое помещение), и подходящая для использования в соответствующих целях.

Таким образом, ключевым признаком рассматриваемой категории является невозможность использовать соответствующее помещение для проживания граждан. В противном случае, помещение будет являться жилым.

Вместе с тем, согласно ст. 130 ГК РФ, нежилое помещение признается недвижимым имуществом, а потому, для возникновения права собственности на него, обязательна его государственная регистрация, в соответствии с п. 1 ст. 131 ГК РФ.

Однако в современной действительности реализация полномочий собственника в отношении нежилого помещения связана с некоторыми проблемами, обусловленными, в том числе, недостатками законодательного регулирования.

Само помещение может быть образовано внутри какого-либо здания или сооружения путем раздела. Только после такого раздела помещение будет самостоятельным объектом гражданского оборота, а соответственно, и возникает возможность оформления права собственности на такое помещение. Вместе с тем, само здание, из которого помещение было образовано, уже не будет являться самостоятельным объектом права собственности, в том виде, в котором оно было до раздела.

Первой, и основной категорией, вызывающей споры цивилистов, является само понятие «помещение». Логически представляется, что помещение — не отдельное здание, а пространство внутри него, что и закреплено в вышеупомянутой ст. 141.4 ГК РФ. На вопрос о том, является ли признак изолированности помещения обязательным, также четкого ответа в нормах права не содержится.

Так, в соответствии с п. 34 ч. 1 ст. 26 ФЗ «О государственной регистрации недвижимости», основанием приостановления государственной регистрации права собственности на нежилое помещение является его необособленность. То есть нежилое помещение не обязательно должно быть изолированным (иметь отдельный вход и не использоваться для доступа в иное помещение), в отличие от жилого, но обязательно должно быть обособленным от других помещений, то есть отграниченным от остального объема здания (сооружения) строительными конструкциями. Таким образом, проблема в реализации права собственности может возникнуть уже на этапе его регистрации.

Сложно представить обособленность, например, машино-мест. Согласно абз. 3 ч. 1 ст. 130 ГК РФ машино-местом являются «части здания или сооружения» являющиеся недвижимой вещью и предназначенные для размещения транспортных средств, если границы таких частей зданий или сооружений описаны в установленном законодательством о государственном кадастровом учете порядке.

При этом их собственникам принадлежит не только право собственности на само «машино-место», а, согласно п. 2 ст. 287.5 ГК РФ и доля в праве собственности на общее имущество в таких здании или сооружении — так назы-

ваемых вспомогательных помещениях, которые и являются нежилыми.

Обособленность, на практике, выражается не в строительных конструкциях, а графическом изображении границ — разметке, отграничивающей одно машино-место от другого.

Однако в 2021 г. была введена ст. 141.4 ГК РФ, в соответствии с п. 3 которой машино-места как недвижимые вещи могут быть образованы в том числе в результате раздела недвижимой вещи (здания, сооружения, в которых они образуются, помещения), то есть они являются самостоятельным объектом прав и для их продажи обязательно соблюдать требования к продаже доли в общем имуществе, например, получать согласие остальных собственников.

Понимание сути термина «нежилое помещение» и «машино-место» является важным и для реализации отдельных правомочий собственника, например, при сдаче такого помещения в аренду.

Как уже было определено, нежилое помещение — часть какого-либо здания, сооружения. Если в аренду сдается все здание целиком, содержащее в себе не только нежилые помещения, но и машино-места, то отдельно оговаривать нежилое помещение и машино-место, их идентификационные признаки необходимости нет. Однако в случае, если предметом сделки является конкретное нежилое помещение или машино-место, то его необходимо охарактеризовать и идентифицировать. Здесь обязательно указание, частью какого объекта является данное нежилое помещение. Потому и невозможно сдать в аренду общее имущество в многоквартирном доме, часть которого может попадать под категорию нежилого помещения, например, чердак или подвал. Иное бы противоречило нормальному течению и стабильности гражданского оборота.

Споры, связанные с недостаточным пониманием термина «нежилое помещение», возникают и при переводе помещения из нежилого в жилое и наоборот.

Согласно п. 1 ст. 22 ЖК РФ, нежилое помещение может быть переведено в жилое, а жилое — в нежилое, но с соблюдением требований Жилищного кодекса РФ и законодательства о градостроительной деятельности. Однако на практике возникают ситуации, когда ограниченное понимание самого термина «помещение» вызывают необоснованные отказы органов местного самоуправления в таком переводе, например, когда рассматриваемым объектом является не помещение, а здание, то есть осуществляется перевод нежилого здания в жилой дом.

В таких ситуациях нужно руководствоваться положениями Жилищного кодекса РФ не только о нежилых помещениях, но и о жилых, к которым, несмотря на кажущуюся ограниченность термина «помещение», в соответствии с п. 1 ч. 1, ч. 2 ст. 16 ЖК РФ относятся также жилой дом, часть жилого дома.

Подобная ситуация была предметом рассмотрения Первомайского районного суда г. Краснодара. Так, истец хотел перевести из нежилого помещения в жилое летнюю

кухню, которая, согласно заключениям соответствующих служб, соответствовала всем требованиям, предъявляемым к жилым помещениям. Однако орган местного самоуправления отказал в таком переводе лишь потому, что «объект перевода (здание) не соответствует виду объекта, который может быть переведен в жилое помещение в соответствии с Жилищным кодексом РФ». Суд указал, что формальное толкование данного понятия при рассмотрении таких заявлений недопустимо, и руководствоваться нужно также вышеупомянутой ст. 16 ЖК РФ. Требования истца были удовлетворены, на орган местного самоуправления возложена обязанность перевода указанной летней кухни в жилое помещение.

Таким образом, вопросы, связанные с реализацией правомочий собственников нежилых помещений, являющихся объектами комплексного регулирования, которое может вызвать спорные вопросы и стать поводом для обращения в суд.

Кроме того, одним из поводов обращения в суды являются споры об оплате собственниками нежилых помещений расходов на отопление, водоснабжение, электроэнергию общего имущества, так называемые общедомовые нужды, если такие нежилые помещения располагаются внутри многоквартирного дома.

С одной стороны, все представляется ясным, если учитывать статью 39 ЖК РФ, которая в п. 1 устанавливает, что собственники помещений в многоквартирном доме несут бремя расходов на содержание общего имущества в многоквартирном доме. Поскольку указаний на то, собственники каких помещений в многоквартирном доме несут такое бремя, жилых или не жилых, становится логичным предположить, что собственники и нежилых помещений должны оплачивать бремя содержания общедомового имущества.

Но на практике возникают споры, когда нежилое помещение располагается рядом с многоквартирным домом, но не в нем. Исходя из толкования ст. 39 ЖК РФ, для несения бремени содержания общедомового имущества, помещение должно находиться именно внутри многоквартирного дома, а не рядом с ним. Иное бы казалось странным, ведь почему собственник, скажем, магазина рядом с домом должен оплачивать отопление подъезда, хотя он им и не используется, а имеет отдельный вход в торговое предприятие. Однако судами установлен иной правоприменительный подход. А если на функционирование инженерных систем необходима электроэнергия, то ее тоже следует оплачивать.

В таких ситуациях нужно устанавливать, имеется ли связь между зданиями в форме совместных инженерных систем, необходимых для эксплуатации обоих зданий, и может ли нежилое помещение нормально функционировать без инженерных систем многоквартирного дома.

Подобный спор был рассмотрен Арбитражным судом Белгородской области. Управляющая компания «Молодежная» обратилась в суд с иском о взыскании задолженности по оплате электроэнергии на общедомовые нужды

за три года с юридического лица, которому на праве собственности принадлежит нежилое помещение, располагающееся формально по тому же адресу, что и многоквартирный дом, но стоящее отдельно от последнего, на чем и были основаны возражения ответчика против иска. Однако, как установила строительно-техническая экспертиза, нежилое помещение неразрывно связано с инженерными сетями многоквартирного дома, для функционирования которых необходима электроэнергия, а значит ответчик обязан ее оплачивать. Последним аргументом стал ответ эксперта на один из поставленных вопросов, в соответствии с которым нормальное функционирование нежилого помещения невозможно без инженерных систем многоквартирного дома. Ответчик мог проложить собственные инженерные системы, но не сделал этого. Указанный судебный акт суда первой инстанции рассматривался Девятнадцатым арбитражным апелляционным судом в порядке апелляции, Арбитражным судом Центрального округа — в порядке кассации, а в передаче дела на кассационное рассмотрение Верховного суда было отказано.

Другим спорным вопросом, связанным с содержанием общедомового имущества собственниками нежилых помещений, является необходимость несения бремени содержания такого имущества в случаях, когда нежилое помещение располагается внутри многоквартирного дома, однако пользование помещением осуществляется без эксплуатации общедомового имущества.

Здесь представляется интересным Постановление Президиума Высшего Арбитражного суда РФ от 9 ноября 2010 г. № 4910/10. Собственник нежилого помещения в многоквартирном доме имел собственное электроснабжение, водоснабжение и водоотведение, использовал и оплачивал их отдельно от собственников жилых помещений в многоквартирном доме, а соответственно, общедомовым имуществом не пользовался. Однако управляющая компания обратилась в суд с иском о взыскании с собственника задолженности, так как стоимость услуг по содержанию общего имущества содержала в себе энергоснабжение, водоснабжение, водоотведение, которые, как было указано выше, собственник оплачивал самостоятельно. И если суд первой инстанции в иске управляющей компании отказал, то Президиум ВАС РФ в указанном выше постановлении, данное решение отменил, так как несение собственником расходов на содержание своего имущества не освобождает от бремени содержания общедомового имущества.

Таким образом, обязанность компенсации затрат на содержание общего имущества неразрывно связано с самой возможностью реализации правомочий собственника относительно общего имущества, а не фактической реализацией таких полномочий.

Кроме того, вызывает интерес вопрос содержания общедомового имущества собственником машино-места. В соответствии со ст. 287.5 ГК РФ, собственникам машино-мест принадлежат доли в праве общей собственности на общее имущество.

В соответствии со ст. 210 ГК РФ, собственник несет бремя содержания принадлежащей ему доли в общем имуществе. При этом размер платы за содержание общего имущества зависит от размера доли конкретного собственника такого имущества, что установлено ст. 249 ГК РФ. Следовательно, собственник машино-места обязан оплачивать содержание общего имущества в зависимости от размера его доли в праве, то есть от площади машино-места. При этом, собственник жилого помещения, а не машино-места может платить за содержание общего имущества меньше или больше, чем собственник машино-места.

Представляется, что допустимо устанавливать также различные тарифы для собственников жилых, нежилых помещений и машино-мест. Отдельно следует отметить, что любая дифференциация должна быть экономически обоснованной.

Вместе с тем, такие выводы подтверждаются и судебной практикой. Так, плата за содержание общего имущества может быть разной для собственников жилых и нежилых помещений, в том числе машино-мест. Такое дифференцирование должно быть утверждено на общем

собрании собственников. Однако недопустима ситуация дифференциации бремени содержания для разных собственников машино-мест, например, для тех, у кого есть жилое помещение в собственности, и для тех, у кого его нет. Различия в правовом положении собственников в таком случае будут не обоснованы.

Таким образом, нежилое помещение — категория, которая вызывает неоднозначность правового регулирования, в особенности при определении границ такового внутри здания, обеспечивающего его функционирование. Необходимо продолжать работу по изучению рассматриваемой категории, разработке норм, позволяющих детально определить порядок пользования отдельными видами нежилых помещений и машино-мест, в частности, общим имуществом в многоквартирных домах, что требует не только решения проблем на законодательном уровне, но и совершенствования правоприменительной практики. Думается, что перспективным направлением исследований является регламентация общих положений о сделках с недвижимым имуществом, а также совершенствование правового регулирования отдельных сделок с ним.

Литература:

1. Максимова А. В. Нежилое помещение как объект гражданского права / А. В. Максимова, Е. А. Логинов. — Текст: непосредственный // Вестник магистратуры. — 2015. — № 5–3. — С. 64–66.
2. Кислицина О. В. Правовой режим помещений как объекта гражданских прав / О. В. Кислицина, Ю. В. Белова. — Текст: непосредственный // Вопросы современной юриспруденции. — 2016. — № 8–9. — С. 49–53.
3. Василенко А. В. Правовое регулирование машино-места как объекта недвижимости / А. В. Василенко. — Текст: непосредственный // Бюллетень науки и практики. — 2019. — № 5. — С. 50–53.
4. Быданов А. В. Машино-место: проблемы теории и практики / А. В. Быданов. — Текст: непосредственный // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». — 2017. — № 1 (9). — С. 39–43.

Суррогатное материнство: правовая природа, основные проблемы и тенденции развития. Особенности правового статуса суррогатной матери и генетических родителей

Назарбегова Алина Аликовна, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

Суррогатное материнство приобретает всё большую значимость на протяжении последних тридцати лет, особенно на фоне прогресса в области вспомогательных репродуктивных технологий и изменения социокультурных норм. Важно отметить, что искусственная инсеминация является самым технически простым методом искусственного оплодотворения, используемым уже более двух веков. Некоторые источники сообщают, что первое искусственное оплодотворение женщины состоялось во Франции в 1785 году. С одной стороны, суррогатное материнство предлагает эффективное решение для

женщин, которые не могут реализовать свое право и сталкиваются с бесплодием или медицинскими противопоказаниями к вынашиванию ребенка. С другой стороны, этот процесс ставит перед обществом ряд правовых, этических и социальных вопросов.

Начнем с того, что суррогатное материнство — это правоотношение между суррогатной матерью и потенциальными родителями или одинокой женщиной, чьи биологические материалы используются для оплодотворения эмбриона, который в дальнейшем будет помещен в тело суррогатной матери.

На основании данного определения можно сделать вывод, что применение технологий суррогатного материнства возможно только по медицинским показаниям. Оказание услуг по использованию суррогатного материнства для здоровой женщины (например, если она не хочет проходить через процесс беременности и родов по эстетическим или косметологическим мотивам) будет рассматриваться как грубое нарушение законодательства.

Суррогатное материнство можно разделить на альтруистическое и коммерческое. Альтруистическое суррогатное материнство не влечет за собой никакой финансовой компенсации для суррогатной матери. В отличие от этого, коммерческое суррогатное материнство подразумевает оплату суррогатной матери за вынашивание ребенка, подразумевая прибыль, в то время как компенсируемое суррогатное материнство просто подразумевает покрытие понесенных расходов и потери заработной платы.

На данный момент наука и медицина в целом, активно развиваются, тем самым увеличивается продолжительность жизни человека, снижается смертность населения и наблюдается его ускоренный рост. Затем быстрый рост населения заканчивается, поскольку коэффициент рождаемости снижается, один из способов увеличить этот коэффициент — суррогатное материнство. Средний коэффициент рождаемости в России сократился вдвое, то есть среднее число детей на одну женщину составило в 1950-х годах 2,88, в 2022 году — 1,79 [1].

Правовая основа суррогатного материнства определяется стремлением преодолеть бесплодие и повысить качество жизни. В то же время законодатель в п. 9 ст. 55 Закона об основах охраны здоровья [2] прямо не определяет цель, которой руководствуется женщина или потенциальные родители при применении такой ВРТ.

В российском законодательстве договор между генетическими родителями и суррогатной матерью является правовой основой отношений суррогатного материнства [2]. Среди ученых идут дискуссии о том, к какому виду договоров его относить. Одни считают, что это гражданско-правовой договор, другие относят к семейно-правовому [3].

Долгое время в российском законодательстве отсутствовало понятие договора и только в конце 2011 года неопределенность получила разрешение с принятием Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан», в котором есть специальная статья (статья 55).

Но нужно учесть наличие третьей стороны — медицинской организации, однако настоящее законодательство не содержит требования к форме, порядку заключения, изменения и расторжения данного договора, что вызывает затруднения [4].

Таким образом, чтобы отношения в сфере суррогатного материнства были урегулированы надлежащим образом, необходимо заключать договор, который будет иметь юридическую силу и в котором будут излагаться ожидания, обязанности и роли всех сторон [5].

С учетом положений части 9 статьи 55 ФЗ № 323 правило, предусмотренное абзацем вторым пункта 4 статьи 51 СК РФ [6], распространяется также на случаи, когда договор на вынашивание ребенка суррогатной матерью заключен одинокой женщиной. Судам также стоит учитывать, что если суррогатная мать отказалась дать согласие на регистрацию родителей указанных выше лиц (потенциальных родителей), это обстоятельство не может быть безусловным основанием для отказа в удовлетворении иска этих лиц о признании их родителями ребенка и передаче им ребенка на воспитание. Для корректного рассмотрения дела суду необходимо проверить, был ли заключен договор о суррогатном материнстве и каковы условия этого соглашения, являются ли истцы генетическими родителями ребенка, по каким причинам суррогатная мать не согласилась на запись истцов в качестве родителей, и с учетом установленных обстоятельств дела, а также норм статьи 3 Конвенции о правах ребенка разрешить спор в интересах ребенка [7, 8].

С одной стороны, суррогатное материнство может быть хорошей альтернативой, поскольку суррогатная мать получает необходимые ей деньги, в то время как бесплодная пара получает своего долгожданного биологического ребенка, существует большой риск того, что суррогатные матери могут стать жертвами торговли людьми, подвергнуться эксплуатации или нарушению прав человека. Также появляется все больше доказательств того, что коммерческое суррогатное материнство может привести к эксплуатации женщин и детей и сосредоточиться на желаниях заказчиков, а не на наилучших интересах ребенка.

Ст. 54 Семейного кодекса четко устанавливает право ребенка знать своих родителей. Анализируя это, возникают непосредственно морально-этические проблемы суррогатного материнства. Бесплодные родители, решившие воспользоваться услугами суррогатной матери, должны пройти через процедуру ЭКО, что позволит ребенку насчитывать до 5 родителей. То есть, у него будут бесплодные мама и папа, которые покупают яйцеклетку у чужой женщины и сперматозоид у чужого мужчины, самого ребенка вынашивает суррогатная мать. Таким образом, 5 человек участвовали в создании одного индивида, что может негативно повлиять на психику ребенка, если впоследствии он узнает о своем происхождении.

Если смотреть на отрицательную часть суррогатного материнства, есть риск возникновения споров между биологическими родителями и суррогатной матерью. С точки зрения закона суррогатная мать не имеет права претендовать на ребенка, но что, если между ними произойдет психологическая связь и женщина, которая вынашивала плод, не захочет его отдавать? Какая дальнейшая судьба ребенка, когда возникают такие разногласия? Юридически именно генетические родители считаются родителями данного ребенка. Я думаю о сложности такого рода вопросов и необходимости регулирования с точки зрения закона. Многочисленные физические и эмоциональные испытания, через которые проходят суррогатные матери,

биологические родители и сами дети, важно учитывать при рассмотрении суррогатного материнства.

Альтернативой суррогатного материнства может стать усыновление ребенка. В 2023 году в России было 358 000 сирот. Усыновление ребенка — сложная и длительная процедура для тех бездетных пар, которые хотят дать дом этим детям. Существует острая необходимость в изменении и упрощении процедуры усыновления для всех. Это снизит статистику обратившихся к суррогатному материнству.

За прошедшие годы, несмотря на глобальную пандемию в 2020 году, число людей, обращающихся к суррогатному материнству, как к пути к родительству, и женщин, предлагающих помочь воплотить эти мечты в реальность, продолжает расти.

Разберем положительные стороны данной процедуры. Большинство суррогатных матерей — 69 %, не испытывали никаких осложнений беременности в 2023 году. Это положительная тенденция по сравнению с 53 % в 2021 году.

Еще одним плюсом является то, что частота суррогатных матерей, страдающих послеродовой депрессией (28 % против 14 %) и тревожностью (23 % против 10 %), значительно снизилась по сравнению с результатами 2020 года. Кроме того, в 2023 году 94 % суррогатных матерей не испытывали никаких проблем в послеродовой период по сравнению с 69 % в 2020 году.

Все эти данные показывают, что суррогатное материнство может иметь свои плюсы и тенденции в развитии как жизнеспособный вариант для людей, надеющихся стать родителями.

Говоря об особенностях правового статуса суррогатной матери и биологических родителей, возникают сложности, так как в действующем законодательстве практически не регулируется данная сферы отношений. На основе опыта зарубежных государств и, анализируя сложившуюся в этой области судебную практику нашей страны, в настоящей статье будут использоваться методы анализа и метод толкования норм права, а также сформу-

лированы и обоснованы предполагаемые изменения и дополнения в сегодняшнее законодательство.

В России суррогатное материнство регулируется законодательством и нормативными актами, которые были изменены в декабре 2022 года. Кто сейчас может воспользоваться программой суррогатного материнства? Во-первых, супружеская пара граждане РФ, как состоящие в официально зарегистрированном браке, так и не состоящие в нем. Во-вторых, одинокая женщина гражданка РФ. В-третьих, супружеская пара, в которой один из супругов гражданин или гражданка РФ. У всех женщин в этом списке должны быть медицинские показания к суррогатному материнству. Программой не могут воспользоваться одинокие мужчины и иностранные граждане.

Требования к суррогатной матери. Согласно ст.55 Федерального закона [2], суррогатной матерью может быть женщина: 1) в возрасте от 20 до 35 лет, имеющая гражданство Российской Федерации 2) имеющая не менее одного здорового собственного ребенка 3) получившая медицинское заключение об удовлетворительном состоянии здоровья 4) давшая письменное согласие на медицинское вмешательство 5) женщина, состоящая в браке, зарегистрированном в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, может быть суррогатной матерью только с письменного согласия супруга 6) суррогатная мать не может быть одновременно донором яйцеклетки.

Таким образом, суррогатное материнство требует новых законов и нормативных актов, также должны учитывать меняющиеся общественные модели, чтобы гарантировать, что они остаются актуальными и эффективными в решении проблем, связанных с суррогатным материнством, при этом защищая основные права отдельных лиц. В будущем было бы полезно получить более ясную картину различий в динамике и понимании, а также того, как этот процесс — клинически, социально и юридически — осуществляется в различных типах соглашений о суррогатном материнстве.

Литература:

1. Dattani S. Fertility Rate / S. Dattani, L. Rodés-Guirao, M. Roser // Our World in Data. URL: <https://ourworldindata.org/fertility-rate>
2. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2024) принят Государственной Думой 1 ноября 2011 года, одобрен Советом Федерации 9 ноября 2011 года и подписан Президентом.
3. Шадрин, В. В. Правовая природа суррогатного материнства / В. В. Шадрин. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2015. — № 22 (102). — С. 641-645. — URL: <https://moluch.ru/archive/102/23297>.
4. Боннер А. Т. Искусственное оплодотворение: достижения и просчеты современной медицины и человеческие драмы // Закон. — 2015. — № 9. — С. 168–187.
5. Толстикова О. М. Проблемы правового регулирования суррогатного материнства в России // Сибирский юридический вестник. — 2017. — № 1 (26). — С. 84.
6. «Семейный кодекс Российской Федерации» от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023).
7. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 16 мая 2017 г. № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей».

8. Шамраева И. Л. Особенности правового регулирования суррогатного материнства // Право и политика. 2019. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pravovogo-regulirovaniya-surrogatnogo-materinstva> (дата обращения: 21.03.2026).

Общество с ограниченной ответственностью как вид коммерческих организаций

Николаев Александр Валерьевич, студент магистратуры;
Гумерова Эльмира Фаиловна, кандидат юридических наук, доцент
Набережночелнинский филиал Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова

В статье автор рассматривает один из самых известных и распространенных видов коммерческих организаций — общество с ограниченной ответственностью. Определяются признаки обществ с ограниченной ответственностью, а также затрагиваются вопросы правового регулирования создания и функционирования данных коммерческих организаций.

Ключевые слова: признаки, общество с ограниченной ответственностью, имущественная обособленность, единство структуры, наименование организации, коммерческая организация

Общество с ограниченной ответственностью (далее — ООО) являются одним из популярных видов коммерческих организаций в России. Данная популярность и востребованность вызывают неподдельный интерес в изучении их сущности и структуре, требующий рассмотрения большого количества нормативно-правовых актов, регулирующих их деятельность.

Прежде всего регулирование их деятельности начинается с основного закона страны — с Конституции. Статья 34 Конституции РФ закрепляет право граждан на осуществление предпринимательской деятельности, устанавливая, что она не должна быть направлена на ограничение конкуренции и монополизацию. Статья 8 Конституции устанавливает общие начала рыночной экономики, благодаря чему возможно развитие предпринимательства. [1] В целом, положения статьи 34–37 Конституции РФ провозглашают право на свободный труд и осуществление предпринимательской деятельности.

Основными профильными законами, регулирующими деятельность ООО являются Гражданский кодекс РФ (далее — ГК РФ) и ФЗ от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее — Закон «Об ООО»). Так, закон «Об ООО» конкретизирует и раскрывает положения ГК РФ о юридических лицах применительно к ООО, детализируя их особенности, устанавливая порядок их создания, реорганизации и прекращения, а также права и обязанности их участников.

Также порядок создания и осуществления деятельности производится федеральным законом от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей».

Определенные функциональные особенности отдельных видов ООО раскрываются в Федеральном законе от 29.04.2008 № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обо-

роны страны и безопасности государства», Федеральном законе от 02.12.1990 № 395–1 «О банках и банковской деятельности», Федеральном законе от 02 декабря 1990 г. № 395–1 «О банках и банковской деятельности», Федеральном законе от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений», Федеральным законом от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства», Законом Российской Федерации от 11 марта 1992 г. № 2487–1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации», Законом Российской Федерации от 27 ноября 1992 г. № 4015–1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации». [2, С.98]

Наличие столь многообразных нормативных актов, регулирующих вопросы, связанные с деятельностью ООО доказывают их многогранность и неоднозначность, требующие детального изучения и рассмотрения, а также использование данного вида предпринимательства в обширных сферах жизни. Для понимания сущности ООО как вида коммерческих организаций необходимо обратиться к их признакам.

Во-первых, ООО представляют собой коммерческую организацию, цель которой прежде всего сводится к извлечению прибыли при осуществлении предпринимательской деятельности. При этом, правоспособность отдельных ООО может иметь специфику, связанную с осуществлением той или иной деятельности. Например, ООО, осуществляющие работу на рынке кредитования, не могут осуществлять страховую, торговую или производственную деятельность. Также определенным ограничителем в правоспособности ООО можно назвать необходимость в наличии лицензии при осуществлении ряда видов предпринимательской деятельности. Так, общества, осуществляющие свою деятельность в сфере регистрационных действий ценных бумаг, должны иметь лицензию.

Во-вторых, ООО имеют единство организационной структуры, что предполагает единую систему органов управления общества, определяющие ее структуру. Общее собрание участников общества является высшим органом управления общества, в функции которого заложено решение вопросов формирования основных направлений деятельности общества, а также решение иных особо важных задач и вопросов. [3]

Необязательным органом, который может присутствовать в структуре ООО является наблюдательный совет (или совет директоров).

Единоличный исполнительный орган в составе структуры общества называется директором организации (генеральным директором, президентом) и осуществляет функции руководства общества по текущим вопросам.

На общем собрании участников может быть принято решение о создании ревизионной комиссии, осуществляющей функции финансово-хозяйственного контроля общества.

Устав является единственным учредительным документом общества. Учредители вправе разработать его самостоятельно, либо использовать типовую форму, установленную законодательством. У учредителей также существует право заключения между собой соглашения, которое регулирует порядок ведения совместных дел в рамках учреждения ООО. Однако он не относится к числу учредительных документов, чем создает определенную коллизию, поскольку может вводить дополнительные полномочия участников общества.

В-третьих, ООО должно иметь обособленное имущество и отвечать им по своим обязательствам. Подобный признак олицетворяет финансовую самостоятельность общества и является гарантией прав кредиторов. Для возможности быть участником предпринимательской ниши, его участники должны иметь имущественный капитал. Стоит отметить, что обособленное имущество ООО формируется за счет имущественной платы учредителей, вносимой ими в качестве оплаты своих долей в уставном капитале общества. Главная цель обособления имущества заключается в том, чтобы при неблагоприятных исходах осуществления предпринимательской деятельностью, кредиторы общества могли удовлетворить свои притязания за счет него. Однако, закон устанавливает минимальный размер уставного капитала общества в размере 10 000 рублей, что не может покрыть реальные убытки хотя бы одного потенциального кредитора. На наш взгляд, хотя на практике учредители и стараются не ограничиваться этим барьером и устанавливают его гораздо выше, данный порог должен быть пересмотрен, поскольку су-

ществуют и иные участники рынка, которые ограничиваются законодательной суммой, что в свою очередь может существенно отражаться на правах кредиторов.

На практике, к сожалению, суды самостоятельно применяют и обратное правило, обязуя нести общество ответственность по обязательствам учредителя, хотя по общему правилу так быть не должно. Общество может нести ответственность по обязательствам своих учредителей лишь при последующем одобрении данных действий общим собранием участников. [4] Верховный суд РФ в очередной раз напомнил об этом нижестоящим судам в своем определении.

В-четвертых, ООО выступает в гражданском обороте от своего имени и речь в данном случае сводится прежде всего к его наименованию. Лишь коммерческие организации, коим являются ООО обладают фирменным наименованием и выступают в предпринимательских отношениях под ним с целью возможности их идентификации от иных субъектов предпринимательской деятельности. Оно отражается в их учредительном документе - уставе и должно состоять из указания на организационную форму общества и собственно наименования. [5, С.84]

В-пятых, способность общества приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности. Никто не ограничивает ООО в праве свободного выстраивания отношений в предпринимательском поле в рамках законном установленных правил, поскольку они вольны в выстраивании легальных отношений, основанных на равенстве и автономии сторон. В данном признаке также проявляется возможность нести самостоятельную имущественную ответственность. Так, все что является балансом имущества может является капиталом, которым общество отвечает по своим долгам. [6]

Таким образом, можно сделать вывод, что обществу с ограниченной ответственностью в целом присущи признаки, которые характеризуют коммерческие организации в целом. Общество с ограниченной ответственностью представляет собой один из самых популярных коммерческих организаций. Детальное его изучение, позволяет рассмотреть возможности усовершенствования отдельных его признаков, в частности в вопросе увеличения размера уставного капитала общества, являющегося имущественным признаком юридического лица.

Правовое регулирование ООО в целом занимает огромный и разнообразный сектор правовых актов, начиная с Конституции РФ и продолжая свое развитие в кодифицированных актах и федеральных законах, что подчеркивает разноплановость и сложность правовой природы обществ с ограниченной ответственностью.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (с изм. от 06.10.2022) // Российская газета. — 1993. — 25 декабря. — № 237; официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.
2. Вихляева В. Н., Орлова Е. Е., Шубина О. А. Общая характеристика и правовое положение общества с ограниченной ответственностью / Индустриальная Россия: вчера, сегодня, завтра. — 2025. — С.97–102.

3. Федеральный закон от 05 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025.) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1998. — № 7. — ст. 785.
4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 14.02.2023 N 48-КГ22-25-К7 (УИД 74RS0003-01-2021-002166-14 (Документ опубликован не был) [Электронный ресурс]. Режим доступа: СПС «Консультант плюс». — 2021.
5. Гартин Ю. А., Буркина М. В. Понятие и правовая природа общества с ограниченной ответственностью / Право и государство: теория и практика. — 2022. — С. 83–85.
6. Шмелев Р. В. Общество с ограниченной ответственностью как организационно-правовая форма юридического лица (Документ опубликован не был) [Электронный ресурс]. Режим доступа: СПС «Консультант плюс». — 2021.

Ответственность сторон по договору аренды в гражданском праве Российской Федерации

Новикова Ольга Евгеньевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматриваются вопросы гражданско-правовой ответственности сторон договора аренды в российском праве. Анализируются основные обязанности арендодателя и арендатора, а также последствия нарушения условий договора. Особое внимание уделяется проблемам правоприменительной практики, связанным с взысканием арендной платы, возмещением убытков и расторжением договора аренды. В результате исследования делается вывод о необходимости более четкого определения условий ответственности сторон и повышения качества договорной практики.

Ключевые слова: договор аренды, гражданское право, ответственность сторон, арендная плата, правоприменительная практика, гражданско-правовые обязательства.

Договор аренды является одним из наиболее распространенных гражданско-правовых договоров, регулирующих имущественные отношения между субъектами гражданского оборота. Посредством данного договора осуществляется передача имущества во временное владение и пользование за определенную плату, что позволяет эффективно использовать имущество без перехода права собственности.

Правовое регулирование договора аренды осуществляется нормами Гражданского кодекса Российской Федерации. В соответствии со статьей 606 Гражданского кодекса Российской Федерации по договору аренды одна сторона обязуется предоставить другой стороне имущество за плату во временное владение и пользование либо во временное пользование [2].

Несмотря на достаточно подробное законодательное регулирование, в правоприменительной практике нередко возникают проблемы, связанные с исполнением обязательств сторонами договора аренды. Наиболее распространенными являются споры о взыскании арендной платы, возмещении убытков и расторжении договора. В этой связи особую актуальность приобретает исследование вопросов ответственности сторон по договору аренды.

Для правильного понимания ответственности сторон необходимо рассмотреть основные обязанности арендодателя и арендатора.

Арендодатель обязан передать имущество арендатору в состоянии, соответствующем условиям дого-

вора и назначению имущества. Кроме того, арендодатель обязан обеспечить возможность использования имущества в течение всего срока действия договора. В случае нарушения этих обязанностей арендатор вправе требовать устранения недостатков имущества или уменьшения арендной платы.

Арендатор, в свою очередь, обязан использовать имущество в соответствии с условиями договора и его назначением, своевременно вносить арендную плату и поддерживать имущество в надлежащем состоянии. Нарушение данных обязанностей может повлечь применение мер гражданско-правовой ответственности.

В научной литературе отмечается, что выполнение сторонами своих обязанностей является необходимым условием стабильности арендных отношений и эффективного использования имущества [1].

Ответственность сторон договора аренды регулируется общими положениями гражданского законодательства об ответственности за нарушение обязательств. Основными формами ответственности являются возмещение убытков, взыскание неустойки и расторжение договора.

Одним из наиболее распространенных видов ответственности является взыскание задолженности по арендной плате. В случае несвоевременной оплаты арендной платы арендодатель вправе обратиться в суд с требованием о взыскании задолженности и неустойки.

Также возможна ответственность арендатора за повреждение или утрату арендованного имущества. Если иму-

щество было повреждено по вине арендатора, он обязан возместить причиненные убытки.

Арендодатель также может нести ответственность перед арендатором. Например, если имущество было передано в ненадлежащем состоянии или его использование оказалось невозможным, арендатор вправе требовать уменьшения арендной платы либо расторжения договора.

Таким образом, ответственность сторон направлена на обеспечение надлежащего исполнения обязательств и защиту интересов участников арендных правоотношений.

Анализ судебной практики показывает, что значительное количество споров по договорам аренды связано с ненадлежащим исполнением сторонами своих обязательств.

Одной из наиболее распространенных категорий споров являются споры о взыскании арендной платы. В таких делах суды устанавливают факт использования имущества арендатором и проверяют наличие задолженности по оплате аренды.

Другой распространенной категорией являются споры о расторжении договора аренды. Основанием для расторжения договора может являться существенное нарушение условий договора одной из сторон.

Кроме того, в судебной практике встречаются споры о возмещении убытков, причиненных повреждением

арендованного имущества. В таких случаях суды оценивают степень вины сторон и обстоятельства причинения ущерба.

Разъяснения высших судебных органов играют важную роль в формировании единообразной правоприменительной практики. Они позволяют уточнять порядок применения норм гражданского законодательства и способствуют более эффективному разрешению споров [3].

Таким образом, ответственность сторон является важным элементом правового регулирования договора аренды. Она направлена на обеспечение надлежащего исполнения обязательств и защиту прав участников гражданского оборота.

Проведенный анализ показал, что большинство споров, связанных с договорами аренды, возникает из-за ненадлежащего исполнения обязательств сторонами. Это свидетельствует о необходимости более внимательного подхода к составлению договоров аренды и соблюдению требований законодательства.

Совершенствование правового регулирования ответственности сторон по договору аренды должно быть направлено на повышение правовой определенности договорных условий и развитие единообразной судебной практики.

Литература:

1. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга третья: Договоры о передаче имущества. — М.: Статут, 2017.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ.
3. Гражданское право: учебник: в 2 т. / под ред. Е. А. Суханова. — М.: Статут, 2019.
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

Договор аренды в гражданском праве России: вопросы теории и правоприменительной практики

Новикова Ольга Евгеньевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты правового регулирования договора аренды в гражданском праве Российской Федерации. Анализируются особенности правовой природы договора аренды, его существенные условия, а также основные проблемы правоприменительной практики, возникающие при заключении, исполнении и прекращении арендных правоотношений. Особое внимание уделяется анализу норм гражданского законодательства и судебной практики по спорам, связанным с арендными отношениями. Делается вывод о необходимости совершенствования правового регулирования договора аренды и повышения качества договорной практики.

Ключевые слова: договор аренды, гражданское право, арендные отношения, правоприменительная практика, гражданское законодательство, обязательственное право.

В современном гражданском обороте договор аренды занимает одно из наиболее значимых мест среди гражданско-правовых договоров. Посредством данного договора

осуществляется передача имущества во временное владение и пользование за определенную плату, что позволяет эффективно использовать имущество без перехода права

собственности. В условиях развития рыночной экономики арендные отношения широко применяются как в предпринимательской деятельности, так и в сфере имущественных отношений между гражданами и организациями.

Правовое регулирование арендных отношений осуществляется нормами гражданского законодательства Российской Федерации. Основные положения, регулирующие договор аренды, закреплены в главе 34 Гражданского кодекса Российской Федерации. Согласно статье 606 Гражданского кодекса Российской Федерации по договору аренды одна сторона (арендодатель) обязуется предоставить другой стороне (арендатору) имущество за плату во временное владение и пользование либо во временное пользование [2].

Несмотря на достаточно подробное законодательное регулирование, в теории гражданского права и в правоприменительной практике сохраняется ряд проблем, связанных с толкованием и применением норм, регулирующих арендные отношения. Это обуславливает необходимость дальнейшего научного исследования договора аренды и анализа существующих подходов к его правовому регулированию.

Целью настоящего исследования является анализ теоретических положений и правоприменительной практики, связанных с договором аренды в гражданском праве Российской Федерации.

В юридической науке договор аренды рассматривается как один из базовых гражданско-правовых договоров, регулирующих имущественные отношения между субъектами гражданского оборота. Основной особенностью данного договора является временный характер пользования имуществом, при котором право собственности на имущество сохраняется за арендодателем.

По мнению ряда ученых, договор аренды относится к числу договоров о передаче имущества во временное владение и пользование и является важным элементом системы гражданско-правовых обязательств [1]. В научной литературе подчеркивается, что данный договор обеспечивает возможность эффективного использования имущества и способствует развитию экономических отношений.

Существенными условиями договора аренды являются предмет договора, срок аренды и размер арендной платы. Предмет договора должен быть индивидуально определен таким образом, чтобы можно было установить имущество, передаваемое в аренду. Отсутствие согласования существенных условий может привести к признанию договора незаключенным [3].

Кроме того, важное значение имеют права и обязанности сторон договора аренды. Арендодатель обязан передать имущество в состоянии, соответствующем условиям договора и его назначению, а арендатор обязан использовать имущество в соответствии с условиями договора и своевременно вносить арендную плату.

Анализ судебной практики показывает, что значительная часть споров, связанных с договорами аренды, возникает в связи с ненадлежащим исполнением сторонами своих обязательств. Наиболее распространенными являются споры о взыскании задолженности по арендной плате, расторжении договора аренды, а также возврате арендованного имущества.

Одной из наиболее распространенных проблем является признание договора аренды незаключенным. Такие ситуации возникают, когда стороны не согласовали существенные условия договора, прежде всего предмет аренды. Судебная практика показывает, что в подобных случаях суды уделяют особое внимание возможности индивидуализации объекта аренды.

Другой распространенной категорией споров являются споры о расторжении договора аренды. Основанием для расторжения договора может являться существенное нарушение условий договора одной из сторон. Например, арендодатель вправе требовать расторжения договора в случае систематической неуплаты арендной платы.

Важную роль в разрешении подобных споров играет судебная практика. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации содержат разъяснения, направленные на обеспечение единообразного применения норм гражданского законодательства судами [4].

Таким образом, договор аренды является одним из наиболее значимых институтов гражданского права Российской Федерации. Он играет важную роль в регулировании имущественных отношений и широко применяется в различных сферах экономической деятельности.

Вместе с тем анализ научной литературы и судебной практики показывает, что в правовом регулировании арендных отношений сохраняется ряд проблем, связанных с определением существенных условий договора, исполнением обязательств сторонами и разрешением возникающих споров.

Совершенствование правового регулирования арендных отношений должно быть направлено на повышение правовой определенности договорных условий, а также на формирование единообразной правоприменительной практики.

Литература:

1. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга третья: Договоры о передаче имущества. — М.: Статут, 2017.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ.
3. Гражданское право: учебник: в 2 т. / под ред. Е. А. Суханова. — М.: Статут, 2019.
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

Проблемы реализации права иностранных граждан на объединение в профессиональные союзы и пути их решения

Павлова Александра Сергеевна, студент;

Трапезникова Дарья Сергеевна, студент

Научный руководитель: Замрыга Дарья Викторовна, старший преподаватель

Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

В статье исследуются проблемы реализации права иностранных граждан на объединение в профессиональные союзы в Российской Федерации. Анализируется законодательство России, государств — членов ЕАЭС и стран БРИКС, выявляются ограничения, связанные с толкованием термина «проживающие», и предлагаются пути их преодоления. Особое внимание уделяется вопросам платформенной занятости как новой сферы трудовых отношений, требующей адекватного правового регулирования и социальной защиты работников, включая иностранных граждан. На основе сравнительно-правового анализа формулируются рекомендации по совершенствованию российского законодательства и развитию международного сотрудничества профсоюзов.

Ключевые слова: профессиональные союзы, иностранные граждане, трудовые права, платформенная занятость, ЕАЭС, БРИКС, социальная защита, цифровая экономика, правовое регулирование.

Проблема защиты прав иностранных работников в условиях глобализации неуклонно возрастает. Одним из ключевых инструментов данной проблемы является право на объединения в профессиональные союзы, но реализация данного права, особенно гражданами, временно пребывающими в России, затруднена.

Согласно Федеральному закону № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» иностранные граждане и лица без гражданства, проживающие на территории Российской Федерации, могут состоять в российских профсоюзах, за исключением случаев, установленных федеральными законами или международными договорами Российской Федерации. В договоре о Евразийском экономическом союзе закрепляется правило, что трудящийся государства-члена имеет право вступать в профессиональные союзы наравне с гражданами государства трудоустройства. В законодательстве стран, являющимися членам данного договора вопрос об участии иностранных граждан в профессиональных союзах разрешается по-разному.

Например, в Армении Закон от 31 декабря 2000 г. № ЗР-135 «О профессиональных союзах» устанавливает возможность участия в профессиональных союзах лиц, работающих на территории Республики Армения или за ее пределами, в том числе иностранных граждан, независимо от статуса их пребывания на территории Армении.

Что касается законодательства Российской Федерации, в котором для иностранных граждан отсутствует такая возможность, то ключевой проблемой здесь является толкование термина «проживающие». В законодательстве Российской Федерации под проживающими понимаются лица, которые получили разрешение на временное проживание, либо же вид на жительство. Однако правовой статус большинства трудовых мигрантов считается недостаточно устойчивым для выдачи такого разрешения [3, с. 40].

Предполагается, что временно пребывающие работники не заинтересованы в долгосрочных трудовых отношениях,

а также в решении вопросов, связанных с развитием организации, а их краткосрочное членство может дезорганизовать работу профсоюза. А также иностранное лицо, вступая в профсоюз, может злоупотребить своим правом, а именно это связано с усложнением процедуры увольнения.

Но тем не менее, ограничение данного права лишает иностранных работников механизма коллективной защиты. Это может сказаться на трудовом коллективе, так как создается барьер, который ведет к отчуждению от российских работников, а у профсоюза нет обязанности защищать работников, которые не могут стать его членами, что может повлиять, например, на ведение коллективных переговоров.

Но данную проблему можно решить следующими изменениями. Ввиду того, что иностранные работники обладают различным правовым статусом, то разумным предложением представляется можно считать предоставление права на вступление в профсоюзы тем иностранным лицам, чья связь с Российской Федерацией является наиболее долгосрочной, например, к ним относятся высококвалифицированные специалисты, работающие на основании разрешения на работу, так как у данной категории работников интересы рассчитаны на долгосрочные трудовые отношения и их количество относительно небольшое.

Также еще одним решением могло бы стать активное развитие международного сотрудничества российских профсоюзов с профсоюзными организациями стран, из которых прибывают мигранты. Благодаря совместным усилиям, можно было бы намного эффективнее представлять и защищать интересы всех работников, независимо от их гражданства.

На данный момент БРИКС активно рассматривает расширение координации и сотрудничества по продвижению качественной и инклюзивной занятости, укрепление связей внутри БРИКС по вопросам труда, обмен опытом и информацией по вопросам труда и занятости [5, с. 9].

С данной целью внедряется так называемая «платформенная занятость», которая подразумевает взаимодействие трех участников: цифровой платформы, заказчика и исполнителей. Платформа представляет высокотехнологичный цифровой сервис, который позволяет нанимать работодателям Российской Федерации высококвалифицированных специалистов из стран БРИКС [6].

Цифровые платформы, выступая посредниками между исполнителями и заказчиками, создали новый, практически не регулируемый сектор рынка труда. Преимуществом данной платформы является гибкость графика, легкий вход на рынок труда и возможность быстрого заработка, что особенно важно для уязвимых категорий населения. Однако эти плюсы перевешиваются серьезными недостатками: нестабильностью и непредсказуемостью дохода, отсутствием социальных гарантий (медицинское и пенсионное страхование, оплата больничных), высоким уровнем стресса и переработок.

Государственное регулирование платформенной занятости может осуществляться в трех направлениях. Первое направление предполагает, что между платформой и исполнителем возникают трудовые отношения, следовательно исполнителю присущи все социальные гарантии, что, по мнению ученых, может уничтожить экономическую целесообразность существования этого сектора. Второе направление основано на добровольном предоставлении социальных гарантий при сохранении гражданско-правового характера отношений. Третье направление предполагает полное отсутствие регулирования, что ученые признают опасным и нереалистичным в современных условиях [4, с. 258].

Например, Бразилия придерживается первого направления. После долгих судебных разбирательств федеральное правительство создало группу для разработки законопроекта, который создает для водителей-курьеров специальный статус «самозанятого работника платформы». Несмотря на то, что их отношения с платформой не признаются трудовыми с юридической точки зрения, новый законопроект предоставляет им те же права, что и работникам по найму: минимальную почасовую оплату, ограничение рабочего времени, право на коллективные переговоры, прозрачность алгоритмов и обязательные социальные гарантии. Такое регулирование, по сути, уравнивает их в правах с наемными работниками, что, с одной стороны, улучшает их положение, а с другой — может подтолкнуть часть бизнеса к уходу в теневой сектор [7, с. 114].

В Российской Федерации был принят закон, вступающий в силу с 1 октября 2026 года, который закрепляет гражданско-правовой характер отношений между платформой и исполнителем. Платформенным работникам предлагается дать особый статус, отличный от статуса самозанятого, с правом работать на нескольких платформах одновременно и создавать общественные объединения, принимать или отклонять заказ после ознакомления с его условиями, самостоятельно выбирать время и место работы. При этом ответственность за установление стан-

дартов, контроль за занятыми возлагается на сами платформы, а санкцией для них является исключение из реестра и переквалификация отношений в трудовые в случае нарушений. Этот подход стремится сохранить гибкость сектора, но вызывает опасения относительно оставшейся социальной незащищенности работников.

В Китае регулирование платформенной занятости основано на ненормативных актах. Основным документом является «Руководство о защите прав и интересов работников в новых формах занятости», которое распространяется на лиц, выполняющих онлайн-задания платформ и получающих вознаграждение, исключая самостоятельно осуществляющую предпринимательскую деятельность [8, с. 577]. Руководство регламентирует учет рабочего времени, включая периоды ожидания заказов и подготовки к работе, и обязывает платформы устанавливать максимальную продолжительность работы и время отдыха, с учетом мнения профсоюзов или представителей работников. При превышении лимита система должна приостанавливать прием заказов. Также закреплены требования к прозрачности внутренних правил и порядку консультаций с работниками.

Для разрешения споров предусмотрены механизмы обращения в комитеты посредничества, арбитраж, суды и инспекцию труда.

Такой подход позволяет гибко адаптироваться к изменениям, но не имеет обязательной юридической силы.

В государствах, недавно присоединившихся к БРИКС, — Египте, Эфиопии, Иране и Объединенных Арабских Эмиратах, — в настоящее время отсутствует единый специализированный подход в законодательстве. В большинстве из указанных стран не разработаны специальные нормы, определяющие правовой статус работников цифровых платформ, а также механизмы их социальной защиты, что создает правовую неопределенность и повышает риски для данной категории занятых.

Из этой группы выделяются Объединенные Арабские Эмираты, где в силу особенностей миграционного законодательства подавляющее число платформенных работников составляют иностранные граждане. В соответствии с действующим правовым режимом, указанные лица обязаны заключать формальные трудовые договоры при получении разрешения на работу. Данное требование обеспечивает работникам полный объем установленных законодательством гарантий, включая социальное страхование и судебную защиту трудовых прав.

На основании проведенного анализа можно сделать вывод, что основной проблемой при реализации права иностранных граждан на объединение в профессиональные союзы остается обеспечение эффективной защиты их прав. Существующие законодательные ограничения, связанные с трактовкой термина «проживающие» в российском законодательстве, создают барьеры для коллективной защиты трудовых прав временно пребывающих мигрантов. Перспективным направлением решения данной проблемы представляется дифференцированный

подход, предусматривающий предоставление профсоюзных прав категориям иностранных работников с наиболее устойчивой правовой связью с Российской Федерацией, а также развитие международного сотрудничества профсоюзных организаций.

Правовое регулирование платформенной занятости в странах БРИКС демонстрирует значительную дифференциацию подходов, отражающую поиск баланса между гибкостью цифровой экономики и необходимостью обеспечения социальных гарантий работников. Каждая из рассмотренных юрисдикций формирует уникальную модель регулирования: от жесткой бразильской системы, практически уравнивающей права платформенных работников с наемными сотрудниками, до китайской модели «мягкого права», основанной на рекомендательных нормах

и алгоритмическом контроле рабочего времени. Российский подход ориентирован на сохранение гражданско-правовой природы отношений при создании специального статуса платформенных работников, тогда как опыт новых членов БРИКС, за исключением ОАЭ, характеризуется сохранением правового вакуума в данной сфере.

В контексте расширения БРИКС актуальной задачей становится выработка согласованных подходов к регулированию платформенной занятости, позволяющих сочетать преимущества цифровой экономики с гарантией достойного труда. Многоуровневое регулирование, включающее как законодательные установления, так и инструменты мягкого права, представляется наиболее адекватным ответом на вызовы развивающегося сектора платформенной занятости.

Литература:

1. Федеральный закон от 12.01.1996 г. N 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» // СЗ РФ. — 1996. — № 3. — Ст. 148
2. Федеральный закон от 31.07.2025 N 290-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. — 2025.
3. Коробченко, В. В., Сафонов, В. А. Реализация иностранными гражданами права на объединение в профессиональные союзы: проблемы и пути решения / В. В. Коробченко, В. А. Сафонов // Сибирское юридическое обозрение. — 2019. — № 1. — С. 36–42. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-inostrannymi-grazhdanami-prava-na-obedinenie-v-professionalnye-soyuzy-problemy-i-puti-resheniya> (дата обращения: 14.02.2026).
4. Новиков, Д., Ногайлиева, Ф. Правовое регулирование платформенной занятости в странах БРИКС / Д. Новиков, Ф. Ногайлиева // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2025. — № 1. — С. 247–279. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-platformennoy-zanyatosti-v-stranah-briks> (дата обращения: 14.02.2026).
5. Судакова, Н. Е. Инклюзивные принципы устойчивого развития в перспективе расширения БРИКС: Россия как драйвер глобальной трансформации / Н. Е. Судакова // Общество: политика, экономика, право. — 2024. — № 2. — С. 1–11. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/inklyuzivnye-printsiipy-ustoychivogo-razvitiya-v-perspektive-rasshireniya-briks-rossiya-kak-drayver-globalnoy-transformatsii> (дата обращения: 14.02.2026).
6. Международная платформа занятости для стран БРИКС: официальный сайт. — URL: <https://bricsprof.org/> (дата обращения: 14.02.2026)
7. Amorim H., Moda F. Work by app: algorithmic management and working conditions of Uber drivers in Brazil. Work Organization, Labor & Globalization, 2020, vol. 14, no. 1, pp. 101–118. — URL: https://www.researchgate.net/publication/342910602_Work_by_app_algorithmic_management_and_working_conditions_of_Uber_drivers_in_Brazil (дата обращения 14.02.2026)
8. Tianyu W., Fang L. C. Internet Platform Employment in China: Legal Challenges and Implications for Gig Workers through the Lens of Court Decisions. Industrial Relations, 2021, vol. 76, no. 3, pp. 541–564. — URL: https://www.researchgate.net/publication/356308885_Internet_Platform_Employment_in_China_Legal_Challenges_and_Implications_for_Gig_Workers_through_the_Lens_of_Court_Decisions (дата обращения: 14.02.2026)

Особенности правового регулирования охраны труда женщин в трудовом праве Российской Федерации

Пахомова Алёна Юрьевна, студент

Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова

Статья посвящена анализу особенностей правового регулирования охраны труда женщин в Российской Федерации. Рассматриваются конституционные основы специальной защиты женщин в сфере труда, место соответствующих норм в системе трудового права, содержание главы 41 Трудового кодекса РФ, ограничения применения труда женщин на

отдельных работах, гарантии беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей, а также основные проблемы правоприменения. Делается вывод о том, что современное регулирование должно сохранять защитную направленность, но при этом опираться на принцип соразмерности, исключать избыточные ограничения и обеспечивать реальное исполнение уже закрепленных гарантий.

Ключевые слова: охрана труда, труд женщин, дифференциация трудового права, ограничения труда женщин, трудовое законодательство.

Охрана труда женщин в российском трудовом праве представляет собой самостоятельный блок норм. Его содержание определяется общими принципами трудового права и конституционной защитой материнства. Конституция РФ закрепляет право каждого на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, а также устанавливает защиту материнства и детства [6]. Из этого следует, что регулирование труда женщин строится одновременно на двух началах, на равенстве в сфере труда и допустимости специальных гарантий, связанных с охраной здоровья и материнства.

В научной литературе этот вопрос рассматривается именно через соотношение равенства и дифференциации. А. М. Лушников писал о развитии женского вопроса, феминизма и гендерного равенства в аспекте отечественной науки трудового права [8, с. 182–189]. Е. А. Крупин уже применительно к современному этапу прямо ставит проблему соотношения равенства, дифференциации и дискриминации в регулировании труда женщин и лиц с семейными обязанностями [7, с. 394–396]. Т. Л. Адриановская выводит исследование на уровень категории правовой защиты женщин в трудовых отношениях и связывает его с защитной функцией трудового права [1].

Тема охраны труда женщин в российской науке разработана достаточно глубоко, однако акценты в изучении менялись. Ранние работы в большей степени были сосредоточены на защитной функции права и на обосновании специальных гарантий как самостоятельной части трудового законодательства. На это указывают и тематика, и структура исследований Р. Л. Суняевой [1], А. Я. Петрова [11], Т. М. Москвичевой, Т. Л. Адриановской [17]. В частности, Т. М. Москвичева рассматривает не только льготы и гарантии, но и особенности приема на работу, рабочего времени, времени отдыха, переводов и прекращения трудового договора применительно к женщинам и лицам с семейными обязанностями [11]. Т. Л. Адриановская, в свою очередь, строит исследование через категории правовой защиты, правового статуса женщины и истории защиты труда женщин в России [1].

Современные исследования заметно чаще ставят вопрос о допустимых пределах специальной защиты. Г. С. Скачкова связывает новации в охране труда женщин с государственной стратегией в интересах женщин и подчеркивает тенденцию расширения трудовых прав женщин и возможностей для их реализации [18, с. 31–36]. Т. Кочанова анализирует реформу законодательства о перечнях работ, недоступных или ограниченно доступных для женщин, и показывает, как право переходит от модели запрета к мо-

дели ограничения [4]. А. В. Дзюбак рассматривает проблему в сравнительном аспекте, сопоставляя российское регулирование с зарубежным и тем самым позволяя увидеть, какие элементы специальной защиты имеют устойчивую международную природу, а какие являются результатом национальной правовой политики [2].

Важное место занимает и международно-правовое измерение темы. А. В. Миронова специально исследует международно-правовое регулирование труда женщин [10]. Международное право исходит одновременно из двух положений. С одной стороны, требуется устранение дискриминации женщин в сфере занятости. С другой стороны, специальные меры по охране материнства признаются допустимыми и не рассматриваются как дискриминационные. Такая логика закреплена в Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, где прямо указано, что специальные меры, направленные на защиту материнства, не считаются дискриминационными [5].

Конституционная модель российского регулирования строится на совмещении равенства и специальных гарантий [21]. Формальное равенство в трудовых отношениях закреплено в Конституции и в статье 3 ТК РФ, запрещающей дискриминацию в сфере труда [21]. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин требует устранять дискриминацию в области занятости и обеспечивать женщинам равные права на труд и равные возможности при приеме на работу [5]. Одновременно статья 4 Конвенции прямо указывает, что специальные меры, направленные на защиту материнства, не являются дискриминационными [5]. Европейская социальная хартия содержит специальный блок норм о праве работающих женщин на охрану материнства, а Европейский комитет по социальным правам рассматривает эту защиту как часть права на безопасные и здоровые условия труда в период беременности и материнства [3].

В действующем российском праве центральное место занимает глава 41 ТК РФ, посвященная особенностям регулирования труда женщин и лиц с семейными обязанностями [21]. Структура главы показывает, что законодатель всё больше рассматривает этот вопрос в рамках общего контекста семейных обязанностей, а не как исключительно женский вопрос. Это означает, что современная модель опирается не только на биологические особенности, но и на социальную роль по уходу за детьми и семьей. Такой подход сближает российское право с общими тенденциями по расширению гарантий для работников, выполняющих аналогичные семейные функции.

Ключевой нормой в рассматриваемой сфере остается статья 253 ТК РФ [21]. В ее действующей редакции речь идет не о запрете женского труда как такового, а об обеспечении охраны здоровья женщин на отдельных работах путем ограничения применения их труда на работах с вредными и опасными условиями труда, а также на подземных работах. При этом сам законодатель отдельно выделяет исключения, связанные с нефизическими работами, санитарным и бытовым обслуживанием, обучением и стажировкой. Прежняя модель была построена на жестких запретительных формулах, но после изменений, связанных с федеральным законом от 2 июля 2021 г. № 311-ФЗ, акцент перенесен на ограничение труда в связи с охраной здоровья [14].

Подзаконное развитие статьи 253 осуществляется прежде всего через приказ Минтруда России от 18 июля 2019 г. № 512н [15]. Этот акт утвердил перечень производств, работ и должностей с вредными и опасными условиями труда, на которых ограничивается применение труда женщин. Минтруд при принятии приказа специально подчеркивал, что новый перечень исключает произвольные ограничения и служит гарантией права женщин на справедливые условия труда [15]. В 2021 году в перечень были внесены изменения [13], а в феврале 2025 года был опубликован очередной акт о внесении изменений в этот перечень [12]. Следовательно, законодатель не только сохраняет саму модель специального регулирования, но и регулярно ее корректирует.

Переход к новой модели хорошо описан в научной литературе [4]. Т. Кочанова писала, что первые списки запрещенных для женщин профессий в России появились еще в 1970-х годах и включали более 600 позиций. В действовавшем позднее аналогичном перечне насчитывалось свыше 450 работ. В обновленном перечне, действующем с 2021 года, число таких позиций сократилось примерно до 100 [4].

Специальная охрана труда женщин проявляется и в регулировании физических нагрузок. Приказ Минтруда России от 14 сентября 2021 г. № 629н утвердил предельно допустимые нормы нагрузок для женщин при подъеме и перемещении тяжестей вручную [16]. Согласно этим нормам при чередовании с другой работой допускается подъем груза до 10 кг, при постоянной работе в течение смены до 7 кг, суммарная масса грузов в течение каждого часа смены не должна превышать 350 кг с рабочей поверхности и 175 кг с пола, а разовый подъем без перемещения не должен превышать 15 кг [16]. Современная охрана труда женщин связана не только с допуском или недопуском к определенным профессиям, но и с детальным нормированием самой трудовой нагрузки [19, с. 1–8].

Наиболее детально в российском законодательстве урегулировано положение беременных женщин. По статье 254 ТК РФ беременной женщине на основании медицинского заключения и по ее заявлению должны быть снижены нормы выработки или нормы обслуживания либо она должна быть переведена на другую работу, исключая

ующую воздействие неблагоприятных производственных факторов, с сохранением среднего заработка по прежней работе [21]. Статья 259 ТК РФ запрещает направлять беременных женщин в служебные командировки и привлекать их к сверхурочной работе, работе в ночное время, выходные и нерабочие праздничные дни [21]. В отношении женщин, имеющих детей до трех лет, законодатель использует более мягкую конструкцию. Их привлечение к таким видам работ допускается только с письменного согласия и при отсутствии медицинских противопоказаний [21].

Существенное значение имеют гарантии, связанные с материнством и уходом за ребенком [21]. Статья 258 ТК РФ предусматривает дополнительные перерывы для кормления ребенка, которые включаются в рабочее время и подлежат оплате в размере среднего заработка [21]. Статья 260 ТК РФ позволяет женщине использовать ежегодный оплачиваемый отпуск перед отпуском по беременности и родам, непосредственно после него либо после окончания отпуска по уходу за ребенком независимо от стажа работы у работодателя [21].

Особое место занимает статья 261 ТК РФ, запрещающая увольнение беременной женщины по инициативе работодателя, кроме случая ликвидации организации либо прекращения деятельности индивидуальным предпринимателем [21]. Вместе с тем современное законодательство постепенно распространяет часть гарантий не только на женщин, но и на иных работников, фактически исполняющих семейные обязанности. Это особенно заметно в положениях об отпуске по уходу за ребенком и в статье 264 ТК РФ [21]. Такая тенденция показывает, что законодатель различает две группы гарантий. Первая связана с охраной здоровья женщины, беременностью и материнством. Вторая вытекает из необходимости обеспечить уход за ребенком и может быть адресована более широкому кругу лиц [17, с. 31–37].

Несмотря на развитую нормативную базу, современная модель охраны труда женщин имеет недостатки. Основная проблема в данной сфере связана с соотношением специальной защиты и равного доступа к труду [7, с. 394–396]. Е. А. Крупин писал, что регулирование труда женщин неизбежно находится в поле трех категорий: равенства, дифференциации и дискриминации [7, с. 394–396]. Вывод точно отражает состояние современного законодательства. Если специальные меры чрезмерны, они начинают ограничивать профессиональные возможности женщин [7, с. 394–396]. Практика показывает, что значительная часть проблем связана не с отсутствием норм, а с их исполнением [9, с. 220–223]. А. О. Манзибура, Э. Ф. Минаева и А. О. Яценко указывали на наиболее типичные нарушения в этой сфере [9, с. 220–223]. К ним они относили труд женщин в неблагоприятных условиях без надлежащих компенсаций, несоблюдение норм подъема тяжестей, а также незаконное привлечение беременных женщин и женщин с детьми до трех лет к работам, от которых закон их освобождает [9, с. 220–223].

Следовательно, эффективность правовой охраны зависит не только от содержания ТК РФ, но и от реального контроля за соблюдением трудового законодательства [9, с. 220–223].

Еще одна проблема состоит в смешении разных оснований правовой защиты. В главе 41 ТК РФ объединены нормы, связанные с охраной здоровья женщины, с защитой беременности и материнства, а также с регулированием труда лиц с семейными обязанностями [21]. Такая структура в целом оправдана, однако на уровне доктрины и правоприменения важно различать эти основания. Гарантии, обусловленные беременностью, по своей природе отличаются от гарантий, вытекающих из факти-

ческого ухода за ребенком. Более четкое разграничение позволило бы сделать регулирование последовательнее.

Проблемным остается и вопрос о перечнях работ, на которых ограничивается применение труда женщин. Со-кращение таких перечней было необходимым, поскольку прежняя модель носила чрезмерно общий характер. В то же время сохраняется дискуссия о том, должен ли доступ к работе определяться в первую очередь по виду профессии или по конкретным условиям труда на рабочем месте. Современная тенденция показывает движение ко второму варианту, поскольку именно оценка реальных условий труда позволяет точнее определить уровень риска.

Литература:

1. Адриановская, Т. Л. Современные проблемы правовой защиты женщин в сфере трудовых отношений: дис.... канд. юрид. наук. — Санкт-Петербург, 2005. — 186 с.
2. Дзюбак, А. В. Правовое регулирование труда женщин в Российской Федерации и в Королевстве Саудовская Аравия: сравнительный аспект: дис.... канд. юрид. наук. — 2020. — 231 с.
3. Европейская социальная хартия (пересмотренная) [рус., англ.] (принята в г. Страсбурге 03.05.1996).
4. Если хотите, для более точной российской версии списка можно дополнительно указать, что документ прекратил действие в отношении России с 16.03.2022.
5. Кочанова, Т. Неженское дело. Как меняется законодательство, регулирующее запрет занимать определенные должности женщинам // Трудовое право. — 2023. — № 1.
6. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин [рус., англ.] (принята резолюцией 34/180 Генеральной Ассамблеи ООН от 18.12.1979).
7. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020.
8. Крупин, Е. А. Правовое регулирование труда женщин и лиц с семейными обязанностями: равенство, дифференциация, дискриминация // Право и государство: теория и практика. — 2024. — № 7(235). — С. 394–396.
9. Лушников, А. М. Женский вопрос и отечественное трудовое право: историко-правовой очерк // Актуальные проблемы российского права. — 2015. — № 3. — С. 182–189.
10. Манзибура, А. О., Минаева, Э. Ф., Яценко, А. О. Особенности правового регулирования охраны труда женщин // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. — 2018. — № 3. — С. 220–223.
11. Миронова, А. В. Международно-правовое регулирование труда женщин: дис.... канд. юрид. наук. — Москва, 2008.
12. Москвичева, Т. М. Особенности правового регулирования труда женщин, работников с семейными обязанностями и опекунов (попечителей) несовершеннолетних: дис.... канд. юрид. наук. — Ростов-на-Дону, 2005. — 245 с.
13. О внесении изменений в Перечень производств, работ и должностей с вредными и (или) опасными условиями труда, на которых ограничивается применение труда женщин, утвержденный приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 18 июля 2019 г. № 512н: приказ Минтруда России от 25.12.2024 № 724н.
14. О внесении изменений в приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 18 июля 2019 г. № 512н «Об утверждении перечня производств, работ и должностей с вредными и (или) опасными условиями труда, на которых ограничивается применение труда женщин»: приказ Минтруда России от 13.05.2021 № 313н.
15. О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации: федер. закон от 02.07.2021 № 311-ФЗ.
16. Об утверждении перечня производств, работ и должностей с вредными и (или) опасными условиями труда, на которых ограничивается применение труда женщин: приказ Минтруда России от 18.07.2019 № 512н.
17. Об утверждении предельно допустимых норм нагрузок для женщин при подъеме и перемещении тяжестей вручную: приказ Минтруда России от 14.09.2021 № 629н.
18. Петров, А. Я. Особенности правового регулирования охраны труда женщин и лиц с семейными обязанностями // Законодательство и экономика. — 2016. — № 7. — С. 31–37.
19. Скачкова, Г. С. Труд женщин в России: правовые новации по его охране // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2022. — № 2. — С. 31–36.

20. Соловьев, А. П. Охрана труда женщин в современных нормах права // Медицина труда и промышленная экология. — 2006. — № 1. — С. 1–8.
21. Суняева, Р. Л. Правовое регулирование труда женщин и лиц с семейными обязанностями // Гражданин и право. — 2007. — № 6. — С. 58–70.
22. Трудовой кодекс Российской Федерации: федер. закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ.

Споры об определении долей в наследственной массе при наличии завещания

Платонова Светлана Александровна, студент

Нижегородский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

В статье автор исследует споры об определении долей в наследстве при наличии завещания, возникающие на стыке жилищного и наследственного права.

Одной из наиболее сложных и конфликтных сфер на стыке жилищного и наследственного права являются споры об определении долей в наследстве, особенно когда наследодателем оставлено завещание.

Его наличие, казалось бы, должно упростить процесс наследования, однако на практике именно завещания часто становятся причиной ожесточённых судебных разбирательств между наследниками, тем более если речь идёт о жилой недвижимости. Это связано с высокой материальной и эмоциональной ценностью такого имущества.

Что касается завещания, на начало 2026 года доступны последние данные за 2024 год, где наблюдается положительная динамика в количестве составляемых завещаний, превысившая 611 тысяч документов. Министерство юстиции Российской Федерации пишет: «Рост, по сравнению с 2023 годом, десятипроцентный. Помимо личных завещаний, растёт популярность совместных завещаний супругов» [3]. В то время как заключение наследственных договоров, особенно в Нижегородской области, — редкое явление.

Суды же, в свою очередь, не скрывают — судебных дел по определению долей в наследстве немало и с каждым годом их становится всё больше. Так, на основании проанализированных решений судов Нижегородской области выделены основные виды споров, часто встречающихся на практике.

Абсолютным лидером являются споры о выделе обязательной доли. Занимают около 40–50 % всех «завещательных» споров. Доказать право не сложно (нужны свидетельства о родстве и справка об инвалидности/пенсии). Суд удовлетворяет такие иски в 95 %+ случаев. Это не оспаривание всего завещания, а его «корректировка» в пользу социально защищаемой категории.

В половину меньше споров имеют место быть споры, связанные с толкованием завещания. Спор не частый, но юридически сложный, где суд исследует буквальный

смысл слов, но в то же время стремится понять действительную волю завещателя, и практика показывает, что их решения напрямую зависят от того, насколько убедительно стороны могут реконструировать картину мыслей и желаний завещателя [2, С.68].

Показательным примером здесь выступает ситуация, где закрытое завещание с формулировкой «всем моим детям» оспаривал кровный сын, исключая приёмную дочь. Суд включил её в круг наследников, разделив квартиру на равные доли между всеми детьми, как родными, так и удочерёнными.

Что касается 3 вида споров, примерно наравне возникают споры об оспаривании размера обязательной доли. Суды идут на уменьшение очень неохотно, только при одновременном доказательстве 2 условий.

Подтверждением служит дело, где нетрудоспособная супруга требовала обязательную 1/6 долю в квартире, завещанной племяннику. Наследник по завещанию доказал, что квартира — его единственное жилье, а супруга имеет иную жилплощадь. Суд уменьшил долю до 1/12 с выплатой компенсации.

Кроме того, самыми эмоционально заряженными и сложными являются споры о признании завещания недействительным. Основаниями являются недееспособность, нарушение формы, давление, обман. Здесь важный нюанс: полностью отменить завещание удаётся менее чем в 15 % таких исков. Суды строго подходят к доказательствам, защищая последнюю волю умершего. Так, например, дети оспарили завещание в пользу гражданской жены, ссылаясь на болезнь Альцгеймера наследодателя. Завещание признано недействительным. Наследство разделено между детьми в равных долях.

И, наконец, крайне редкими спорами являются споры о признании наследника недостойным. Такие иски имеют чёткую имущественную цель — увеличение собственной доли. Суды предъявляют максимально высокие требо-

вания к доказательствам. Недостаточно бытовых конфликтов, обид или неподтвержденных обвинений, это должны быть противоправные действия, как правило, уголовное дело.

В практике Сормовского районного суда имеется дело, в ходе которого установлено, что наследник Д. К. А. отбывает срок наказания за убийство наследодателя Д. В. В., и, как следует из приговора: «...Д. К. А. нанёс Д. В. В. не менее семи ударов в область головы и верхних конечностей, в результате чего Д. В. В. 06.07.2019 г. скончалась» [1]. Суд на основании п.1 ст. 1117 ГК РФ удовлетворил требования истца в части признания наследника недостойным.

В судебных спорах прослеживается, что квартира — это «яблоко раздора» № 1. Именно жилая недвижимость является центральным активом в большинстве наследственных войн из-за её двойной ценности: финансовой и жизненной.

В результате исследования выявлено, что на одном лишь определении долей споры не заканчиваются, поскольку после их оформления возникают конфликтные ситуации, уже касающиеся не права собственности, а практической реализации в сфере жилищного права.

К ним относятся:

- споры об определении порядка пользования жилым помещением;
- споры о выплате компенсации за незначительную долю и прекращении права собственности на неё;
- споры о вселении и нечинении препятствий в проживании;
- споры о распоряжении общим имуществом (продажа, сдача в аренду).

Таким образом, в завершение подчеркнём, что споры по наследственным делам носят многоуровневый характер. Судебное противостояние развивается поэтапно, начиная с первичных споров, например, о признании права на обязательную долю и её размере, переходя во вторичные (иначе говоря, жилищные) споры: о порядке пользования, выплате компенсации, вселении и содержании общего имущества, которые возникают уже после оформления долей.

Ключевая роль суда — поиск практического баланса, их конечная цель — найти наиболее справедливый и практически осуществимый способ использования жилого помещения, даже если для этого приходится отступить от буквального следования долевым пропорциям.

Литература:

1. Решение Сормовского районного суда г. Нижний Новгород от 17.10.2024 г по делу № 2–4950/2024. — Текст: электронный // Сормовский районный суд г. Нижний Новгород: официальный сайт. — URL: <https://sormovsky-nnov.sudrf.ru>.
2. Гуломова, К. А. Правовые вопросы реализации системы наследования по завещанию в Российской Федерации / К. А. Гуломова. — Текст: электронный // Молодой учёный. — 2024. — № 35 (534). — С. 67–69. — URL: <https://moluch.ru/archive/534/117363>.
3. Сведения о нотариате в РФ. — Текст: электронный // Министерство юстиции РФ: официальный сайт. — Москва. — URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/svedeniya-o-notariate-v-rossijskoj-federacii>.

К вопросу о разграничении и взаимосвязи категорий «отмывание доходов» и «финансирование терроризма» в современном праве

Сацкевич Татьяна Константиновна, кандидат юридических наук, доцент;

Рудницкий Ярослав Леонидович, студент магистратуры

Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматривается соотношение понятий легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путём, и финансирования терроризма. Анализируются правовая природа и сущность данных категорий, закреплённых в российском и международном законодательстве. Проводится сравнительный анализ общих черт и различий указанных явлений по таким критериям, как источник денежных средств, цель деятельности, направление движения финансовых потоков и объёмы операций. Исследуются вопросы взаимосвязи и разграничения составов преступлений в сфере противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма. Делается вывод о том, что, несмотря на общность методов противодействия, данные понятия имеют самостоятельную правовую природу и требуют дифференцированного подхода при квалификации деяний.

Ключевые слова: легализация доходов, отмывание денег, финансирование терроризма, противодействие легализации, ПОД/ФТ, финансовый мониторинг, ФАТФ, предикатное преступление.

On the issue of differentiation and interrelation of the categories “laundering of proceeds” and “financing of terrorism” in modern law

Satskevich Tatiana Konstantinovna, phd in law, associate professor;
Rudnitsky Yaroslav Leonidovich, master's student
Moscow University of Finance and Law

The article examines the correlation between the concepts of money laundering and terrorist financing. The legal nature and essence of these categories, as enshrined in Russian and international legislation, are analyzed. A comparative analysis of common features and differences between these phenomena is conducted based on criteria such as the source of funds, purpose of activity, direction of financial flows, and transaction volumes. The issues of interrelation and differentiation of criminal offenses in the field of anti-money laundering and counter-terrorist financing are explored. It is concluded that, despite the commonality of countermeasures, these concepts have an independent legal nature and require a differentiated approach in the qualification of offenses.

Keywords: money laundering, terrorist financing, anti-money laundering, AML/CFT, financial monitoring, FATF, predicate offense, proceeds of crime.

Проблемы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма (ПОД/ФТ) являются одними из наиболее актуальных в современной юридической науке и правоприменительной практике. Данные явления представляют серьёзную угрозу экономической безопасности государства, стабильности финансовой системы и общественному порядку. Приток денежных средств криминального происхождения разрушительно воздействует на рыночные механизмы, способствует криминализации секторов экономики и создаёт условия для финансирования противоправной деятельности [1, с. 494].

Несмотря на то, что легализация преступных доходов и финансирование терроризма часто рассматриваются в едином контексте и регулируются общим законодательством, данные понятия имеют существенные различия в своей правовой природе, механизмах совершения и целях. Актуальность исследования обусловлена необходимостью чёткого разграничения указанных категорий для эффективного применения правовых мер противодействия каждому из этих негативных явлений.

Легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путём, представляет собой сложное социально-правовое явление, которое получило нормативное закрепление в Федеральном законе от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О Противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма (ПОД/ФТ) являются одними из наиболее актуальных в современной юридической науке и правоприменительной практике. Данные явления представляют серьёзную угрозу экономической безопасности государства, стабильности финансовой системы и общественному порядку. Приток денежных средств криминального происхождения разрушительно воздействует на рыночные механизмы, способствует криминализации секторов экономики и создаёт условия для финансирования противоправной деятельности [1, с. 494].

Несмотря на то что легализация преступных доходов и финансирование терроризма часто рассматриваются

в едином контексте и регулируются общим законодательством, данные понятия имеют существенные различия в своей правовой природе, механизмах совершения и целях. Актуальность исследования обусловлена необходимостью чёткого разграничения указанных категорий для эффективного применения правовых мер противодействия каждому из этих негативных явлений.

Легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путём, представляет собой сложное социально-правовое явление, которое получило нормативное закрепление в Федеральном законе от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма». Согласно статье 3 данного закона, легализация определяется как придание правомерного вида владению, пользованию или распоряжению денежными средствами или иным имуществом, полученными в результате совершения преступления [2].

Правовая природа легализации преступных доходов характеризуется несколькими ключевыми признаками. Во-первых, обязательным условием является наличие предикатного (предшествующего) преступления, в результате которого были получены денежные средства или иное имущество. Во-вторых, субъект легализации осуществляет целенаправленные действия по приданию законного вида происхождению указанных средств [7]. В-третьих, легализация предполагает использование финансовой системы, гражданско-правовых сделок и иных механизмов для сокрытия криминального происхождения активов.

Процесс легализации традиционно включает три стадии: размещение (placement) — внедрение наличных денежных средств в финансовую систему; расслоение (layering) — проведение многочисленных финансовых операций для сокрытия источника средств; интеграция (integration) — возвращение «отмытых» средств в легальный экономический оборот. Согласно международным стандартам ФАТФ, эффективное противодействие отмыванию денег требует комплексного подхода, включающего идентификацию клиентов, мониторинг операций и международное сотрудничество [3].

Финансирование терроризма определяется в статье 3 Федерального закона № 115-ФЗ как предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг с осознанием того, что они предназначены для финансирования организации, подготовки и совершения террористических преступлений, либо для финансирования или иного материального обеспечения лица в целях совершения им указанных преступлений, либо для обеспечения организованной группы, незаконного вооружённого формирования или преступного сообщества [2].

Правовая природа финансирования терроризма существенно отличается от легализации преступных доходов. Ключевым признаком финансирования терроризма является целевая направленность — обеспечение террористической деятельности. При этом источники финансирования могут быть как преступными, так и легальными. Международная практика свидетельствует о том, что террористические организации активно используют благотворительные фонды, коммерческие предприятия и иные легальные структуры для аккумуляции средств [4, с. 15].

Особенностью финансирования терроризма является то, что оно может осуществляться относительно небольшими суммами, достаточными для подготовки и совершения террористических актов. Как отмечается в научной литературе, стадии финансирования террористической деятельности включают: сбор и накопление денежных средств; их перемещение к конечным получателям; использование для обеспечения террористической деятельности. При этом методы перемещения средств могут включать как банковские переводы, так и неформальные системы денежных переводов [5].

Сравнительный анализ рассматриваемых понятий позволяет выявить ряд общих черт и существенных различий. К общим чертам относятся: использование финансовой системы для достижения противоправных целей; применение схожих методов сокрытия финансовых потоков; транснациональный характер операций; необходимость идентификации клиентов и мониторинга подозрительных операций как меры противодействия.

Вместе с тем между данными явлениями существуют принципиальные различия. Первое и наиболее существенное различие касается источника денежных средств: при легализации средства всегда имеют преступное происхождение, тогда как финансирование терроризма может осуществляться из легальных источников. Второе различие связано с целью: легализация направлена на сокрытие преступного происхождения средств и их введение в легальный оборот, а финансирование терроризма — на обеспечение террористической деятельности.

Третье различие касается направления движения денежных средств. При легализации наблюдается движение от нелегального сектора к легальному (так называемый «обратный» финансовый поток), тогда как при финансировании терроризма средства могут двигаться от легального сектора к нелегальному. Четвёртое различие связано с объёмами операций: легализация обычно предполагает

крупные суммы, в то время как финансирование терроризма может осуществляться небольшими платежами, что существенно затрудняет его выявление [1, с. 497].

Важно отметить, что на практике легализация преступных доходов и финансирование терроризма могут пересекаться. Террористические организации нередко используют доходы от преступной деятельности (наркоторговли, контрабанды, вымогательства) для финансирования своих операций, при этом применяя методы отмыывания денег для сокрытия источников финансирования. Такая взаимосвязь обуславливает необходимость комплексного подхода к противодействию обоим явлениям.

Российское законодательство в сфере ПОД/ФТ формировалось под влиянием международных стандартов и обязательств. Ключевым нормативным актом является Федеральный закон № 115-ФЗ, который устанавливает правовой механизм противодействия обоим явлениям. Закон определяет организационные основы системы ПОД/ФТ, обязанности субъектов первичного финансового мониторинга, полномочия уполномоченного органа (Росфинмониторинга) и меры по замораживанию активов [2].

На международном уровне противодействие легализации преступных доходов регулируется Конвенцией ООН против транснациональной организованной преступности 2000 года (Палермская конвенция), а противодействие финансированию терроризма — Международной конвенцией о борьбе с финансированием терроризма 1999 года. Ключевую роль в разработке международных стандартов играет ФАТФ (Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег), которая приняла 40 рекомендаций по противодействию отмыванию денег и 9 специальных рекомендаций по противодействию финансированию терроризма [3].

Разграничение составов преступлений в российском законодательстве проводится по нескольким критериям. Объект преступления при легализации — это установленный порядок осуществления экономической деятельности, при финансировании терроризма — общественная безопасность. Предмет легализации — денежные средства или иное имущество, полученные преступным путём; предмет финансирования терроризма — любые средства, предназначенные для террористической деятельности. Субъективная сторона в обоих случаях характеризуется прямым умыслом, однако цели существенно различаются.

Практика Следственного комитета России свидетельствует о необходимости тщательного разграничения указанных составов при квалификации деяний. Как отмечает А. И. Бастрыкин, каналы легализации преступных доходов не только обслуживают организованную преступность, но и могут использоваться для финансирования терроризма, что требует комплексного подхода при расследовании данных преступлений [1, с. 499]. В условиях цифровизации экономики особую актуальность приобретают вопросы противодействия использованию криптовалют и цифровых финансовых активов для легализации и финансирования терроризма [6, с. 48–50].

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путём, и финансирование терроризма представляют собой самостоятельные правовые категории, имеющие как общие черты, так и существенные различия. Общность данных явлений проявляется в использовании финансовой системы, схожих методах сокрытия финансовых потоков и транснациональном характере. Различия касаются источника средств, целей деятельности, направления движения финансовых потоков и объёмов операций.

Взаимосвязь между рассматриваемыми явлениями обуславливает необходимость единого подхода к организации противодействия им, что нашло отражение в российском и международном законодательстве. Вместе с тем для эффективного правоприменения требуется чёткое разграничение данных составов преступлений по объекту, предмету, субъективной стороне и целям. Дальнейшее совершенствование системы ПОД/ФТ должно учитывать современные вызовы, связанные с развитием цифровых технологий, криптовалют и новых финансовых инструментов.

Литература:

1. Бастрыкин, А. И. Расследование легализации доходов, полученных преступным путём, и финансирования терроризма: практика Следственного комитета России / А. И. Бастрыкин // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. — 2021. — Т. 12, № 3. — С. 493–501. — Текст: непосредственный.
2. Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 33 (ч. I). — Ст. 3418.
3. FATF. Международные стандарты по противодействию отмыванию денег, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения. Рекомендации ФАТФ. — Париж: FATF, 2023. — Текст: электронный. — URL: <https://www.fatf-gafi.org/publications/fatfrecommendations/> (дата обращения: 18.03.2026).
4. Прошунин, М. М. Противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма: учебное пособие / М. М. Прошунин, М. А. Татчук. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2022. — 240 с. — Текст: непосредственный.
5. Отчёт о национальной оценке рисков легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путём // Банк России: официальный сайт. — Текст: электронный. — URL: <https://cbr.ru/analytics/podft/> (дата обращения: 18.03.2026).
6. Тургаева, А. А. Современные подходы к оценке рисков отмывания денег и финансирования терроризма в условиях развития цифровых финансовых активов / А. А. Тургаева // Финансы и кредит. — 2025. — Т. 31, № 1. — С. 45–62. — Текст: непосредственный.
7. Сацкевич, Т. К. Права человека и принцип разделения государственной власти в Российской Федерации: теоретические вопросы взаимосвязи: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Т. К. Сацкевич. — Волгоград, 2008. — 171 с.

Эволюция правового регулирования противодействия легализации преступных доходов в России

Сацкевич Татьяна Константиновна, кандидат юридических наук, доцент;
Рудницкий Ярослав Леонидович, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье исследуется эволюция правового регулирования противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, в Российской Федерации. Рассматриваются основные этапы становления и развития национальной системы ПОД/ФТ: от принятия Федерального закона № 115-ФЗ в 2001 году до современных механизмов регулирования оборота цифровых финансовых активов. Анализируется роль Росфинмониторинга как центрального звена системы финансового мониторинга, а также влияние международных стандартов ФАТФ на формирование отечественного законодательства. Особое внимание уделяется современным вызовам, связанным с цифровизацией экономики и появлением криптовалют. Определены перспективные направления совершенствования правового регулирования в сфере ПОД/ФТ.

Ключевые слова: легализация преступных доходов, противодействие отмыванию денег, финансовый мониторинг, Росфинмониторинг, ФАТФ, цифровые финансовые активы, криптовалюта.

Evolution of legal regulation of anti-money laundering in Russia

Satskevich Tatiana Konstantinovna, phd in law, associate professor;
Rudnitsky Yaroslav Leonidovich, master's student
Moscow University of Finance and Law

The article examines the evolution of legal regulation of anti-money laundering in the Russian Federation. The main stages of formation and development of the national AML/CFT system are considered: from the adoption of Federal Law No. 115-FZ in 2001 to modern mechanisms for regulating digital financial assets. The role of Rosfinmonitoring as the central element of the financial monitoring system is analyzed, as well as the influence of FATF international standards on the formation of domestic legislation. Particular attention is paid to contemporary challenges associated with the digitalization of the economy and the emergence of cryptocurrencies. Prospective directions for improving legal regulation in the AML/CFT sphere are identified.

Keywords: money laundering, anti-money laundering, financial monitoring, Rosfinmonitoring, FATF, digital financial assets, cryptocurrency.

Противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, является одним из приоритетных направлений государственной политики Российской Федерации в сфере обеспечения экономической безопасности. Приток денежных средств криминального происхождения оказывает разрушительное воздействие на национальную экономику, создает угрозу для финансовой стабильности и подрывает основы правопорядка. По данным Росфинмониторинга, ежегодно выявляются тысячи схем легализации преступных доходов, что свидетельствует об актуальности совершенствования правовых механизмов противодействия данному явлению [7].

За более чем двадцатилетний период функционирования национальной системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (далее — система ПОД/ФТ) российское законодательство претерпело существенную трансформацию. Целью настоящей статьи является комплексный анализ эволюции правового регулирования в данной сфере, выявление ключевых этапов развития законодательства и определение перспективных направлений его совершенствования в условиях цифровизации экономики и появления новых криминальных угроз.

Формирование российской системы противодействия легализации преступных доходов началось в 1990-е годы под влиянием международных стандартов. Важнейшим импульсом послужила ратификация Россией Венской конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года, которая впервые на международном уровне закрепила обязательство государств противодействовать отмыванию доходов от наркоторговли. Одновременно Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) разработала 40 Рекомендаций, ставших основой международных стандартов в сфере ПОД/ФТ.

Переломным моментом стало принятие Федерального закона от 7 августа 2001 года № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных

преступным путем, и финансированию терроризма» (далее — Федеральный закон № 115-ФЗ). Данный закон заложил институциональные основы национальной системы ПОД/ФТ, определив круг субъектов первичного финансового мониторинга, установив обязанности по идентификации клиентов и сообщению о подозрительных операциях. В научной литературе отмечается, что принятие данного закона ознаменовало переход от фрагментарного подхода к системному противодействию легализации преступных доходов [2, с.67].

В 2002 году был создан Комитет Российской Федерации по финансовому мониторингу (КФМ России), впоследствии преобразованный в Федеральную службу по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг). Данный орган стал центральным звеном национальной системы ПОД/ФТ, осуществляющим сбор, обработку и анализ информации о финансовых операциях, а также взаимодействие с компетентными органами иностранных государств.

Федеральный закон № 115-ФЗ установил перечень операций, подлежащих обязательному контролю, включая операции с денежными средствами в наличной форме на сумму свыше 600 тысяч рублей, сделки с недвижимым имуществом на сумму свыше 3 миллионов рублей, а также иные операции, имеющие признаки подозрительности. Субъекты первичного финансового мониторинга — кредитные организации, страховые компании, профессиональные участники рынка ценных бумаг — были обязаны направлять сведения о таких операциях в уполномоченный орган [1].

Период с 2002 по 2015 год характеризовался интенсивным развитием законодательства в сфере ПОД/ФТ. В 2002 году Россия вступила в ФАТФ, что потребовало приведения национального законодательства в соответствие с международными стандартами. В этот период были существенно расширены полномочия Росфинмониторинга, усилены требования к субъектам первичного финансового мониторинга, введены новые механизмы контроля за подозрительными операциями.

Существенное расширение понятийного аппарата произошло в 2013 году, когда в Федеральный закон № 115-ФЗ

были включены понятия «бенефициарный владелец» и «публичные должностные лица». Это позволило повысить прозрачность корпоративных структур и усилить контроль за финансовыми операциями политически значимых лиц. Одновременно был расширен перечень субъектов первичного финансового мониторинга за счет включения адвокатов, нотариусов, лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность в сфере оказания юридических и бухгалтерских услуг.

Важным этапом стало прохождение Россией взаимной оценки ФАТФ в 2008 году, по результатам которой были выявлены отдельные недостатки правового регулирования. В последующие годы законодательство было существенно модернизировано: введен риск-ориентированный подход в деятельности субъектов финансового мониторинга, усовершенствованы механизмы международного сотрудничества, расширены основания для приостановления подозрительных операций.

В 2014 году была утверждена Концепция развития национальной системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, определившая стратегические направления совершенствования системы ПОД/ФТ на среднесрочную перспективу. Концепция предусматривала развитие информационного взаимодействия между участниками системы, внедрение современных технологий анализа финансовых операций, повышение квалификации специалистов в сфере финансового мониторинга.

Современный этап развития законодательства в сфере ПОД/ФТ характеризуется необходимостью адаптации к вызовам цифровой экономики. Появление криптовалют и цифровых финансовых активов создало принципиально новые возможности для легализации преступных доходов. В научной литературе подчеркивается, что анонимность и трансграничный характер криптовалютных операций создают значительные препятствия для выявления схем легализации преступных доходов [5, с.822].

Принятие Федерального закона от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» ознаменовало новый этап правового регулирования. Данный закон внес изменения в статью 3 Федерального закона № 115-ФЗ, распространив требования ПОД/ФТ на операторов обмена цифровых финансовых активов и операторов информационных систем, в которых осуществляется выпуск цифровых финансовых активов.

Согласно данным Росфинмониторинга, в 2024 году количество сообщений банков об операциях с криптовалютой увеличилось в 1,3 раза, а объём криптопереводов россиян, по оценке Банка России, достиг 45 млрд долларов [6]. Криптовалютой активно пользуются участники теневой экономики, что обуславливает необходимость усиления контроля в данной сфере. Судебная практика подтверждает, что криптовалюта всё чаще используется в схемах легализации преступных доходов [3, с.318].

Особое значение приобретает внедрение риск-ориентированного подхода в деятельность поднадзорных организаций. С 1 июля 2022 года начала функционировать платформа Банка России «Знай своего клиента», предоставляющая кредитным организациям информацию об уровне риска вовлеченности клиентов в проведение подозрительных операций. По данным Росфинмониторинга, внедрение данной системы позволило существенно повысить эффективность выявления сомнительных финансовых операций.

В декабре 2022 года Росфинмониторинг опубликовал актуализированные отчеты о Национальной оценке рисков легализации (отмывания) преступных доходов и Национальной оценке рисков финансирования терроризма за 2021–2022 годы. Результаты оценки свидетельствуют о сохранении высокого уровня рисков в отдельных секторах экономики и необходимости дальнейшего совершенствования контрольно-надзорных механизмов.

Анализ современного состояния законодательства позволяет выявить ряд проблем, требующих разрешения. Во-первых, сохраняются пробелы в правовом регулировании оборота цифровых активов. Несмотря на принятие Федерального закона № 259-ФЗ, вопросы налогообложения операций с криптовалютой, изъятия криптоактивов и их конфискации остаются недостаточно урегулированными. В феврале 2026 года Государственной Думой был принят закон, определяющий порядок ареста и изъятия цифровой валюты, однако практика его применения еще не сформирована [8].

Во-вторых, требует совершенствования механизм межведомственного взаимодействия. Эффективное противодействие легализации преступных доходов невозможно без координации усилий Росфинмониторинга, правоохранительных органов, Банка России и надзорных органов. Необходимо развитие информационного обмена и создание единых баз данных о подозрительных операциях.

В-третьих, актуальной остается проблема баланса между требованиями финансового контроля и защитой прав граждан. Избыточные ограничения могут привести к ущемлению законных интересов добросовестных участников экономического оборота. В этой связи представляется необходимым совершенствование механизмов реабилитации клиентов, необоснованно включенных в перечни лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к отмыванию доходов.

Перспективным направлением представляется внедрение технологий искусственного интеллекта в систему финансового мониторинга. Машинное обучение позволяет выявлять сложные схемы легализации преступных доходов, анализировать большие объемы транзакционных данных и прогнозировать риски. Вместе с тем применение таких технологий требует соответствующего правового регулирования, обеспечивающего прозрачность алгоритмов и возможность обжалования автоматизированных решений [4, с.319].

Проведенный анализ свидетельствует о том, что за более чем двадцатилетний период российская система противодействия легализации преступных доходов прошла значительный путь развития — от формирования базовых институциональных основ до создания комплексного правового механизма, соответствующего международным стандартам. По результатам последней взаимной оценки ФАТФ (2019 г.) Россия заняла пятое место в мире по эффективности национальной системы ПОД/ФТ. В 2024 году был опубликован отчёт о прогрессе, подтвердивший дальнейшее совершенствование российской «антиотмывочной» системы; следующая полная оценка запланирована на 2028 год [9]. Вместе с тем современные вызовы, связанные с цифровизацией

экономики, появлением новых финансовых инструментов и трансформацией криминальных угроз, требуют дальнейшего совершенствования правового регулирования. Приоритетными направлениями развития законодательства являются: регулирование оборота цифровых активов, внедрение современных технологий в систему финансового мониторинга, совершенствование межведомственного взаимодействия и обеспечение баланса между эффективностью контроля и защитой прав участников экономического оборота [10]. Реализация указанных направлений позволит обеспечить адекватное противодействие легализации преступных доходов в условиях динамично меняющейся криминогенной обстановки.

Литература:

1. Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 33 (ч. I). — Ст. 3418.
2. Гриненко, А. В. Противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем: учебное пособие / А. В. Гриненко, А. В. Коляда, С. Н. Хорьяков; под ред. А. В. Гриненко. — Москва: Проспект, 2022. — 176 с. — Текст: непосредственный.
3. Долгиева, М. М. Криптовалюта как предмет легализации преступных доходов / М. М. Долгиева // Сибирское юридическое обозрение. — 2022. — Т. 19, № 3. — С. 318–328. — Текст: непосредственный.
4. Иванов, П. И. Проблемы противодействия легализации преступных доходов и пути их решения / П. И. Иванов // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. — 2021. — № 2. — С. 45–52. — Текст: непосредственный.
5. Сидоренко, Э. Л. Легализация преступных доходов с использованием DeFi: типовые схемы и индикаторы риска / Э. Л. Сидоренко // Актуальные проблемы экономики и права. — 2023. — Т. 17, № 4. — С. 822–836. — Текст: непосредственный.
6. Банки в 2024 году в 1,3 раза нарастили передачу сообщений об операциях с криптовалютами // Интерфакс. — 2025. — 10 апреля. — Текст: электронный. — URL: <https://www.interfax.ru/business/1020212> (дата обращения: 16.03.2026).
7. Национальная оценка рисков легализации (отмывания) преступных доходов 2021–2022 гг.: отчёт Росфинмониторинга. — Москва, 2022. — Текст: электронный. — URL: <https://www.fedsfm.ru/fm/nor> (дата обращения: 16.03.2026).
8. Путин подписал закон об изъятии цифровой валюты при расследовании дел // РИА Новости. — 2026. — 20 февраля. — Текст: электронный. — URL: <https://ria.ru/20260220/putin-2075897775.html> (дата обращения: 16.03.2026).
9. Пятый раунд взаимных оценок ФАТФ // Федеральная служба по финансовому мониторингу: официальный сайт. — Текст: электронный. — URL: <https://www.fedsfm.ru/preparation-fatf-fifth-round> (дата обращения: 16.03.2026).
10. Сацкевич Т. К. Права человека и принцип разделения государственной власти в Российской Федерации: теоретические вопросы взаимосвязи: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2008. 26 с.

Перспективы развития института оправдательного приговора в России: преодоление системного дисбаланса

Симоненко Никита Дмитриевич, студент

Научный руководитель: Романовская Ирина Викторовна, кандидат юридических наук, доцент
Крымский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Симферополь)

В данной статье рассматриваются актуальные проблемы функционирования института оправдательного приговора в российском уголовном судопроизводстве и качественному правосудию. Обсуждается анализ статистических данных, правоприменительная практика, отмена оправдательных приговоров вышестоящими инстанциями по сравнению с обвинительными приговорами, стандарты доказывания и внутренне убеждение судей, презумпция невиновности, доктринальная позиция, особая роль суда присяжных. Выявлены системные проблемы, превращающие оправ-

дательный приговор из обычного судебного акта в исключительный случай, проблемы совершенствование института реабилитации. Обосновывается значимость развития этих проблем, предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: оправдательный приговор, качество правосудия, стандарты доказывания, презумпция невиновности, институт реабилитации.

Prospects for the development of the institution of acquittal in Russia: overcoming systemic imbalances

This article discusses the current problems of the functioning of the institution of acquittal in Russian criminal proceedings and the quality of justice. It analyzes statistical data, law enforcement practices, the reversal of acquittals by higher courts compared to indictments, the standards of proof and the internal conviction of judges, the presumption of innocence, the doctrinal position, and the special role of the jury. The article identifies systemic problems that turn an acquittal from a regular judicial act into an exceptional case, and discusses the challenges of improving the institution of rehabilitation. The importance of developing these problems is substantiated, and ways to solve them are proposed.

Keywords: acquittal, quality of justice, standards of proof, presumption of innocence, and the institution of rehabilitation.

Одной из гарантий реализации презумпции невиновности, закрепленной Конституцией РФ, является оправдательный приговор. Принцип презумпции невиновности имеет место на всех стадиях рассмотрения уголовного дела, от возбуждения дела и оглашения приговора и вступления его в законную силу. Следовательно, обвиняемое в совершении преступления лицо, рассматривается как невиновное до тех пор, пока его вина не будет доказана в установленном законом порядке. Принцип невиновности и постановление оправдательного приговора неразрывно связаны и взаимодействуют на одном уровне.

На сегодняшний день оправдательный приговор остается исключительным событием, поскольку доля вынесения оправдательных приговоров в России ничтожно мала и составляет менее 1 %. Анализ судебной практики, сложившейся за последние пять лет подтверждает это явление, где оправдательный приговор находится на самой низкой ступени в структуре судебных решений. Поэтому, говоря о проблеме функционирования института оправдательного приговора в России и перспективе его развития нужно определить роль самого приговора в системе судебных актов. Исторически такой опыт был сформулирован со времен 60-х до 80-х годов, где обвинительный приговор являлся устойчивой профессиональной традицией, а оправдательный приговор как следствие исключения. Однако, его существование все же имело место быть.

По мнению Оганесян Р. М. законность и обоснованность являются теми основными свойствами, которыми определяется правосудность приговора, а правосудным можно признать только приговор, отвечающий целям и задачам российского правосудия. Исключается возможность вынесения судом законного, но необоснованного и, наоборот, обоснованного, но незаконного приговора [3, с. 9].

Оправдательный приговор должен являться результатом объективного и всестороннего судебного следствия и выносится должен не только тогда, когда доказано от-

сутствие события преступления, непричастность подсудимого или отсутствие состава преступления, но и тогда, когда указанные обстоятельства являются фактом вероятности и сомнений.

Ка справедливо отметил Якимович Ю. К. законным приговор может считаться только при одновременном соблюдении уголовно-процессуального закона, как при постановлении приговора, так и в ходе судебного разбирательства, и в досудебном производстве [5, с.117].

Кроме того, по мнению Машовец А. О. при вынесении приговора судья должен руководствоваться своим внутренним убеждением, при этом тщательно исследовав все материалы уголовного дела, все достоверные доказательства на предмет относимости и допустимости, исключая сомнения в виновности подсудимого [2, с.106].

На практике суды первых инстанций зачастую выносят обвинительные приговоры при отсутствии достаточных доказательств, отклоняя ходатайства линии защиты и руководствуясь по своему внутреннему убеждению, что противоречит презумпции невиновности.

Достаточность доказательств для обоснования приговора окончательно выявляется лишь при его вынесении и в основном обеспечивается усилиями сторон, то есть, в судебном процессе судья должен соблюдать принцип состязательности участников судебного процесса. Суть данного принципа выражается в том, чтобы суд при вынесении судебного акта не допустил процессуального неравенства, поэтому он обязан учесть все доводы защиты и доводы обвинения, и если обвинение находится действительно в слабой позиции, то при ее подтверждении вынести оправдательный приговор.

Таким образом, можно сделать вывод, о том, что для того, чтобы принцип презумпции невиновности оставался гарантом оправдательного приговора необходимо справедливо распределить бремя доказывания. Ведь состязательное построение судебного процесса — гарантия его всесторонности и полноты, законности и обоснованности приговора.

За последнее время в российской судебной системе оправдательный приговор стал восприниматься как аномалия. Ведь вынесение оправдательного приговора означает негативную оценку работы следователя или прокурора. Это связано с тем, что уголовный процесс возникает в связи с потребностью наказать лицо за совершенное преступление.

В свою очередь Штымова О. Х., Мальцагов И. Д. считают, что признание судом от имени государства факта ошибки, допущенной на досудебной стадии уголовного судопроизводства, и восстановление социальной справедливости являются важным общественным значением оправдательного приговора. Оправдательный приговор как официальное государственное извинение перед гражданином, ошибочно вовлеченным в орбиту уголовных отношений, является высшей формой самокритики государственной власти, а оправдание — необходимым средством достижения справедливости при отправлении правосудия [4, с. 212].

Таким образом, оправдательный приговор может рассматриваться и как необоснованное обвинение в процессе деятельности органов предварительного следствия, поскольку привлечение лица к уголовному преследованию и уголовной ответственности осуществлялось без достаточных оснований.

Важно отметить, что оправдательный приговор постановляется только в случаях, если: не установлено событие преступления; подсудимый не причастен к совершению преступления; в деянии подсудимого отсутствует состав преступления; в отношении подсудимого коллегией присяжных заседателей вынесен оправдательный вердикт [6].

Вот еще один устойчивый институт в уголовном процессе — институт суда присяжных заседателей. В суде присяжных постановлению приговора предшествует вынесение вердикта — решения коллегии присяжных заседателей по вопросу о виновности подсудимого. Вердикт не может быть исполнен, минуя постановление председательствующим судьей (единолично) приговора. В приговоре председательствующий, основываясь на вердикте коллегии присяжных, квалифицирует деяние подсудимого, определяет ему меру наказания или оправдывает подсудимого.

Как справедливо отмечает Головинская И. В., что результаты современного судопроизводства с участием присяжных заседателей вполне оправданы. Лица, ходатайствуя о разбирательстве дела судом с участием присяжных заседателей, вполне вероятно могут рассчитывать не только на справедливый обвинительный приговор, но и на оправдание, поскольку не считают себя виновными. И в их глазах суд присяжных — последняя надежда и оплот справедливости [1, с. 510].

Несмотря на все проблемы российской судебной системы, суд присяжных демонстрирует устойчивую способность выносить оправдательные вердикты. Процент оправдательных приговоров составляет около 20–25 %, на протяжении последних пяти лет, что свидетельствует

о действии другого механизма принятия решения нежели решение профессионального судьи.

Согласно статистических данных о функционировании суда присяжных, представленных Федеральной палатой адвокатов, можно увидеть динамику повышения процента рассмотренных дел с присяжными заседателями за первое полугодие 2024 года, из 596 подсудимых, дела которых рассматривались с участием присяжных, 149 человек (25 %) были оправданы. В первом полугодии 2025 года эта цифра стала больше: из 444 подсудимых оправдано 144 человека (32 %) [10].

В свою очередь, оправдательный приговор, постановленный на основе оправдательного вердикта коллегией присяжных заседателей может быть отменен только при отдельно указанных в ч. 1 ст. 389.25 УПК РФ существенных нарушениях уголовно-процессуального закона, а также при неясном и противоречивом вердикте.

Таким образом, при сопоставлении функционирования двух институтов, в уголовном процессе существует системный дисбаланс в правоприменительной практике, когда презумпция невиновности реально действует только в суде присяжных, тогда как в общем порядке она фактически игнорируется.

Вот, например, 12 сентября 2024 года Алуштинским городским судом Республики Крым вынесен оправдательный приговор по делу № 1–105/2024 об убийстве с участием коллегии присяжных заседателей. Оправдательным приговором окончено слушание уголовного дела в отношении лица, обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, с участием коллегии присяжных заседателей [7].

Однако, 12.12.2024 г. суд апелляционной инстанции Верховного суда Республики Крым отменил оправдательный приговор, основанный на вердикте присяжных заседателей, поскольку он не может быть признан законным, обоснованным и справедливым. Судебная коллегия определила передать уголовное дело на новое судебное рассмотрение со стадии подготовки к судебному разбирательству в тот же суд, в ином составе суда [8].

По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ процент отмененных решений, принятых присяжными заседателями судами вышестоящих инстанций стал особо большим.

Также, можно привести пример, о вынесении председательствующим судьей оправдательного приговора, который не был отменен вышестоящими инстанциями. Например, по резонансному уголовному делу, которое прошло вышестоящие инстанции в отношении ялтинского судмедэксперта Александра Пенцакова, первично рассмотренное Ялтинским городским судом Республики Крым № 1–26/2024, где он был признан невиновным и оправдан по предъявленному обвинению, предусмотренному ч.1 ст.293, ч.2 ст.292, ч.2 ст.292 УК РФ. Судебная коллегия оставила в силе оправдательный приговор вопреки доводам апелляционных представления и жалобы, поскольку пришла к выводу о том, что в приговоре не приведено формулировок,

ставящих под сомнение выводы суда о невиновности судмедэксперта [9]. 14 августа 2025 года кассационная инстанция также согласилась с выводами двух инстанций.

Однако и здесь есть большой процент, когда по представлению государственного обвинителя отменяется оправдательный приговор по уголовному делу, вынесенный судьей, вышестоящими инстанциями.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что на сегодняшний день, институт оправдательного приго-

вора, как и институт присяжных заседателей функционирует, а преодоление системного дисбаланса возможно, при условии соблюдения комплексной системы процедур, которые делают вынесение оправдательного приговора легитимным. Также к функционированию института оправдательного приговора следует обязательно отнести принцип презумпции невиновности и все связанные с ним гарантии, поскольку они существуют неразрывно друг от друга.

Литература:

1. Головинская И. В. Производство по уголовным делам в суде первой инстанции [Электронный ресурс]: учеб. пособие / И. В. Головинская; Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. – Владимир: Изд-во ВлГУ, 2022 – 704 с.
2. Машовец А. О. Внутренне убеждение или стандарт доказывания? /А. О. Машовец. — DOI 10.33184/pravgos-2025.1.11 //Правовое государство: теория и практика. — 2025. — № 1. –С.104–109 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnutrennee-ubezhdenie-ili-standart-dokazannosti/viewer> (дата обращения 05.03.2026).
3. Оганесян Р. М. Оправдательный приговор в советском уголовном процессе Автореф. дис. на соискание учен. степени канд. юрид. наук, (715) / АН СССР. Ин-т государства и права. — Москва 1970. — 31 с.
4. Штымова О. Х., Мальцагов И. Д.. Понятие и значение оправдательного приговора как средства достижения справедливости при отправлении правосудия // Закон и право. 2022. № 3. С. 211–216. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-znachenie-opravdatelnogo-prigovora-kak-sredstva-dostizheniya-spravedlivosti-pri-otpravlenii-pravosudiya/viewer> (дата обращения 05.03.2026).
5. Якимович Ю. К. Рассмотрение уголовных дел судом первой инстанции в обычном порядке: Учебное пособие. — СПб.: Издательство «Юридический центр», 2015–124 с.
6. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 20.02.2026) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения 05.03.2026).
7. Решение Алуштинского городского суда Республики Крым от 12.09.2024 г. по делу № 1–105/2024 URL: https://alushta—krm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=207285336&case_uid=3345fb2c-14a5-4e48-bd82-ab4540289840&delo_id=1540006 (дата обращения 05.03.2026).
8. Апелляционное определение Верховного суда Республики Крым от 12.12.2024 по уголовному делу № 22–3725/204 URL: https://vs—krm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=17190047&delo_id=4&new=4&text_number=1 (дата обращения 05.03.2026).
9. Апелляционное определение Верховного суда Республики Крым от 25.02.2025 по уголовному делу № 22–436/204 URL: https://vs—krm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=17367992&delo_id=4&new=4&text_number=1 (дата обращения 05.03.2026).
10. Аналитический обзор функционирования суда присяжных Федеральной палатой адвокатов в 2024 году, URL: <https://fparf.ru/> (дата обращения 10.03.2026).

Вопросы международного сотрудничества в сфере борьбы с нелегальной миграцией и преступностью мигрантов

Стародубец Валерия Федоровна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье автор отмечает и анализирует наиболее актуальные вопросы, возникающие в сфере международного сотрудничества в целях борьбы с нелегальной миграцией на территории РФ. Также рассматриваются современные методы пресечения деятельности мигрантов, совершивших преступления.

Ключевые слова: мигранты, миграция, нелегальная миграция, преступность, законодательство, международное сотрудничество.

Вопросы в сфере борьбы с нелегальной миграцией остаются актуальными уже на протяжении многих

лет. Россия является одной из ведущих стран, представляющих интерес для эмигрантов из СНГ. Миграционная те-

матика продолжает оставаться на повестке дня, вызывает острые дискуссии в обществе и требует дополнительных мер реагирования. В текущем году она обсуждалась на различных межведомственных площадках, включая заседания профильных комиссий, созданных Правительством, Государственной Думой, Советом Безопасности, Администрацией Президента. Несмотря на нестабильную политическую ситуацию, складывающуюся в настоящее время, важность деполитизированного профессионального сотрудничества в сфере противодействия преступности между странами остается неизменной. Поэтому активная работа правительства РФ направлена на обеспечение максимальной безопасности при осуществлении миграционной политики.

В настоящее время борьба направлена не только на нелегальную миграцию, но и на преступления, совершаемые мигрантами. Согласно статистике, количество нелегальных мигрантов, или мигрантов, совершивших злодеяния на территории РФ увеличивается. Число протоколов по фактам нарушений в сфере миграции, допущенных иностранными гражданами или лицами без гражданства в 2025 году по сравнению с прошлым годом, возросло на 21,6 % (с 573 766 до 697 584) [1]. Однако, согласно официальным данным, количество мигрантов на территории РФ имеет тенденцию уменьшения, в сравнении с предыдущими годами. Это указывает на отрицательную динамику в данной сфере, прежде всего, связанную с деятельностью правоохранительных органов. Так, можно отметить выступление Министра внутренних дел Российской Федерации Владимира Колокольцева на заседании коллегии МВД России, посвященной деятельности ведомства при организации работы в сфере миграции. Он отметил, что с момента передачи соответствующих полномочий Министерством реализуются последовательные меры, которые направлены, прежде всего, на обеспечение безопасности граждан. Серьезным образом изменено законодательство, принят новый закон о гражданстве, введены единые требования к миграционному учету. Также закреплено требование обязательного дактилоскопирования и фотографирования трудовых мигрантов и лиц, прибывающих на длительный срок. Можно отметить, что в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026 — 2030 годы, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 15 октября 2025 года № 738, одной из основных задач является прохождение иностранными гражданами процедур сбора биометрических персональных данных, медицинского освидетельствования, подтверждения имеющегося образования и квалификации, стажа профессиональной деятельности, а также иных процедур, необходимых для верификации их личных качеств [3]. Выработка существенной части решений затрагивает компетенцию многих вовлеченных в это направление органов и ведомств. Также, Владимир Колокольцев сделал акцент на том, что ситуация на данном направлении контролируемая, но тем не менее требует серьезного внимания. С

2021 года на фоне снижения числа находящихся в стране граждан других государств отмечается прирост совершенных ими уголовных нарушений. Происходят качественные изменения в структуре «иностранной» преступности. В частности, в ней возросла доля тяжких и особо тяжких деяний. Поэтому Российская Федерация как никогда нуждается в налаживании успешных межгосударственных отношений с целью взаимной борьбы с ухудшающейся динамикой нелегальной миграции.

На данный момент Российская Федерация придерживается позиции о необходимости укрепления равноправной и отвечающей современным реалиям системы межгосударственных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Так, на данный момент Россия заинтересована в налаживании работы с «Асеанопол». Это организация полицейского сотрудничества стран — участниц АСЕАН, которая также выполняет функции регионального подразделения Интерпола, которая включает 10 стран-участниц: Лаос, Бруней-Даруссалам, Вьетнам, Индонезию, Камбоджу, Малайзию, Мьянму, Сингапур, Таиланд, Филиппины. Основные цели организации — укрепление взаимопонимания, обмен информацией и налаживание тесного практического сотрудничества полицейских ведомств государств «десятки» в сферах борьбы с организованной преступностью, обеспечения правопорядка и подготовки кадров.

Налаживание сотрудничества России с новыми странами безусловно оказывает положительное влияние на общее состояние внешнеполитических отношений нашей страны, но тем не менее не отменяет необходимости налаживания работы в сфере нелегальной миграции с уже существующими системами. Так, Россия совместно с рядом других государств проводит работу по защите базовых ценностей Интерпола. Среди них — нейтралитет, недопущение влияния политической конъюнктуры на правоохранительную деятельность и необоснованных отказов от сотрудничества.

Остается открытым вопрос и о кадровом обеспечении Министерства внутренних дел, который напрямую влияет на общее состояние преступных деяний на территории РФ, в том числе и на нелегальную миграцию. Статистика указывает на то, что на данный момент остро ощущается «кадровый голод» в стране в системе МВД. Данный аспект препятствует правоохранительным органам качественно и своевременно реагировать на возможные преступные действия со стороны мигрантов или нелегальной миграции. Также нехватка кадров вынуждает МВД создавать более гибкие условия приема на службу, например, в снижении требования уровня образования кандидатов. Безусловно, это создает необходимость МВД самостоятельно обучать сотрудников, что тоже негативно сказывается на своевременном решении проблем в сфере миграции, складывающейся на фоне напряженных международных отношений на данный момент.

На фоне активной борьбы с нелегальной миграцией и нарастающим международным напряжением, прави-

тельство РФ было вынуждено ужесточить миграционное законодательство [4]. Это создало более ограниченные условия для мигрантов, но в то же время, упростило соответствующим ведомствам осуществлять контроль за ними. Помимо этого, органами внутренних дел активизирована работа по ограничению въезда в страну иностранных граждан, не соблюдающих требования российского законодательства. Депортировано 4,1 тыс. иностранных граждан, что на 16,2 % превышает данный показатель прошлого года (3,5 тыс.), передано по реадмиссии 77 лиц (+24,2 %, за январь — сентябрь 2024 г. — 62) [1].

Однако, стоит отметить что некоторые случаи нарушения мигрантами условий пребывания на территории РФ обусловлены активно сменяющимся законодательством и появлением дополнительных нормативно-правовых актов в сфере миграции. Это создает для них непредвиденные обстоятельства и виды наказаний, вплоть до депортации или лишения гражданства РФ.

Также существуют случаи недобросовестного использования мигрантами более лояльных условий пребывания на территории РФ для иностранных граждан определенных категорий или статусов. Например, заключение фиктивных браков с гражданами РФ, что может являться уголовно наказуемым деянием для супруга, решившего пойти на это ради выгоды и полным аннулированием всех документов для иностранного гражданина. Не остается в стороне и подделка документов или их «покупка» о наличии родственных связей с гражданами РФ, для упрощенного получения вида на жительство.

Продолжая рассуждать на тему международного сотрудничества в сфере миграции, остается актуальным использование Интерпола в условиях напряженной внешнеполитической ситуации. Однако, осознавая общую выгоду как со стороны других стран, так и с российской стороны многие ограничения были сняты, с целью продолжения плодотворной работы в борьбе с нарастающей опасностью в лице нелегалов.

Для борьбы с нелегальной миграцией также осуществляется большой комплекс мероприятий, связанных с международным сотрудничеством для эффективного осуществления миграционной политики в РФ. Некоторые направления:

- обмен информацией о маршрутах незаконного ввоза мигрантов, методах работы и финансовых операциях организаторов незаконного ввоза;

- заключение международных договоров о противодействии незаконной миграции, например, соглашений о реадмиссии, которые определяют механизмы противодействия незаконной миграции;

- координация действий в кризисных ситуациях, связанных с незаконным ввозом мигрантов, и совершенствование планов оказания экстренной помощи;

- помощь другим государствам в устранении коренных причин нелегальной миграции, например, в изучении вопросов устойчивого развития, расширении возможностей для получения образования и трудоустройства в странах происхождения.

Также в настоящее время проводится активная работа Министерством внутренних дел в области мероприятий, направленных на облегчение поиска мигрантов, нарушающих законодательство, и их последующего наказания в соответствии с нормативно-правовыми актами РФ.

Таким образом, можно отметить что вопросы в сфере борьбы с нелегальной миграции и преступлениями, совершенными мигрантами являются особо актуальными на данный момент. Особенно остро это ощущается в условиях напряженной политической ситуации на сегодняшний день. Тем не менее, более важным остается национальная безопасность, поэтому предпринимаются все необходимые шаги для успешного пресечения деятельности нелегальных мигрантов. Основными направлениями является налаживание отношений с новыми странами, изменение и ужесточение законодательства в сфере миграции, активное использование и пополнение баз данных и информационных систем, хранящих сведения о мигрантах.

Литература:

1. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. — Текст: электронный // МВД РФ: [сайт]. — URL: <https://мвд.рф/document/56666353> (дата обращения: 15.03.2026).
2. Миграционная правовая политика России: тенденции и пути развития: монография / [Л. В. Андриченко, П. О. Дутов, А. С. Емельянов и др.]; отв. ред. Л. В. Андриченко; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2024. — 288 с.
3. Указ Президента Российской Федерации от 15 октября 2025 г. № 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы». — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_516670/ (дата обращения: 15.03.2026)
4. Основные изменения в КоАП РФ в 2025 году. — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_490308/ (дата обращения: 15.03.2026).

Проблематика расследования убийств по мотивам национальной ненависти или вражды, на примере пункта «л» части 2 статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации

Тацитов Владимир Денисович, студент магистратуры

Научный руководитель: Шепелева Светлана Витальевна, кандидат юридических наук, доцент
Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Санкт-Петербург)

Российская Федерация исторически формировалась как многоконфессиональное и многонациональное государство, по данным на 2026 год, на территории страны проживают представители более 190 народов, исповедующие различные религии [1].

На сегодняшний день убийства, совершаемые на почве национальной ненависти или вражды, выступают угрозой социально-политической стабильности общества в Российской Федерации, данные преступления получают большой общественный резонанс и влияют на появление враждебности, неприязни, ксенофобии по отношению к представителям различных рас, национальностей и социальных групп.

В статье определено понятие мотива преступления, совершаемого на почве национальной ненависти или вражды, рассмотрены проблемы установления мотива на этапе предварительного следствия, проблемы сбора доказательственной базы при расследовании убийств, совершаемых по мотиву национальной ненависти или вражды и виды доказательств.

Целью исследования научной статьи являются рассмотрение проблем, возникающих в процессе расследования убийств, совершенных по мотиву национальной ненависти или вражды.

Методологической основой научной статьи выступают положения общенаучных методов познания.

Результатом данной работы является выявление и описание проблем возникающих при расследовании убийств по мотиву национальной ненависти или вражды, на этапе предварительного следствия.

Ключевые слова: убийство, мотив, национальная ненависть, вражда, расследование убийства, квалифицированные виды убийства.

В настоящее время вопрос проблематики установления мотива, при убийстве на почве национальной ненависти или вражды довольно широко рассмотрен во многих научных работах и статьях, однако его применение на практике продолжает вызывать вопросы, как у теоретиков, так и у правоприменителей.

Категория «мотив» является междисциплинарным понятием и изучается в психологии, философии, юриспруденции и в ряде других наук. Несмотря на большое количество научных трудов, посвященных изучению мотива, мнения исследователей о его сущности и значении разнородны. Кроме этого нет единой точки зрения и по поводу происхождения термина «мотив», однако, согласно этимологическому словарю М. Фасмера, «мотив» происходит от немецкого «motiv» или французского «motif», которые произошли от латинского «motivus» — «подвижный» [2].

Как отмечает Н. М. Гиренко, чувство национальной розни основано на мысли о сохранении своей национальной идентичности, исключительности перед лицом неких враждебных сил, под которыми понимаются лица иной национальности [3]. Мысль необходимости защиты национальной идентичности, сохранения культуры, языка, обычаев, традиций и религии, не является мотивационным фактом появления ненависти или вражды, но является обоснованием возникновения ненависти при негативном опыте взаимодействия в жизни с представителями других национальностей, а также оправданием

своих поступков для лиц враждебно настроенных в отношении представителей другой национальности.

О. Н. Коршунова на основании судебно-следственной практики полагает, что при расследовании и судебном рассмотрении дел об этнических преступлениях наибольшее количество ошибок допускается именно при исследовании субъективной стороны преступления, особенно мотивов преступного поведения. Достаточно часто, не умея полно и правильно исследовать и оценить мотивы преступного поведения, следователи и дознаватели необоснованно квалифицируют преступления на почве национальной или расовой вражды или ненависти как совершенные по другим мотивам: личным неприязненным или хулиганским. Такие ошибки не только приводят к тому, что статистические данные о совершаемых и раскрываемых преступлениях не соответствуют реальности, но и разлагающе воздействуют на следственные кадры. Не умея исследовать структуру преступления, ее отдельные элементы, следователи идут более легким путем, подменяя неполученную информацию домыслами [4, с. 24].

Главной проблемой квалификации убийств, совершаемых по мотивам национальной ненависти или вражды, является установление мотива совершения преступления, в связи с тем, что лицо совершившее преступление, как правило, отрицает, что убийство совершено по причине ненависти к другой национальности и ее представителям. Проблематика установления мотива, который является

важнейшим элементом субъективной стороны убийства и обуславливает актуальность темы данной статьи.

Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», под мотивами ненависти или вражды понимаются побуждения, направленные против лиц определенной национальности, расы, вероисповедания. При квалификации преступления по данному мотиву требуется установить, что преступление было совершено именно в связи с неприязнью к представителям определенной национальности [5].

Внутренние побуждения преступника в момент совершения убийства по национальному признаку, могут отличаться в зависимости от личного опыта взаимодействия с людьми определенной национальности, среды воспитания и проживания преступника, устоявшихся девиантных убеждений, стереотипов, основанных по национальному признаку, вовлеченности в сферу средств массовой информации и интернет ресурсов, участие преступника в националистических сообществах, занимающимся пропагандой и разжиганием ненависти и вражды по национальному признаку.

На основании вышеперечисленного можно сделать вывод, об индивидуальности каждого убийства, совершаемого по национальному признаку, преступники имеют мотив, который у каждого схож и основан на ненависти и вражде, но отличается моментом возникновения нетерпимости, процессом приобретения устойчивых взглядов и формировании негативного отношения к людям другой национальности.

Особенностями преступлений, совершенных по мотивам политической, идеологической, национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды направленных против личности являются неперсонифицированность жертвы преступления, в связи с тем, что преступнику в основном не важны личные качества пострадавшего. Так же, как правило, отсутствует личный конфликт между пострадавшим и преступником. Зачастую, подобные преступления совершаются в момент алкогольного или наркотического опьянения, и умысел возникает спонтанно [6].

Преступник, совершающий убийство по национальному признаку, стремится к искоренению людей другой национальности и собственному утверждению превосходства перед отдельной социальной группой, что является отягчающим обстоятельством совершения убийства и имеет решающее значение при расследовании убийств по мотиву национальной ненависти или вражды.

Так, например, в приговоре Кировского районного суда города Новосибирска от 26 февраля 2024 г. по делу № 1–624/2022 указано, что подсудимый ФИО1, нанес удар ножом гражданину Таджикистана ФИО, который являлся водителем такси. Преступник утверждал, что действовал в состоянии необходимой обороны и отрицал наличие националистического мотива. В ходе расследования было установлено, что ФИО1 в автомобиле такси высказывался

«о недопустимости нахождения на территории Российской Федерации лиц неславянской внешности, по национальности таджиков, относящихся к мусульманам».

Для доказывания мотива национальной ненависти следствию пришлось собирать показания свидетелей, в том числе лиц, находившихся в автомобиле и слышавших высказывания подсудимого. Важным доказательством послужили также показания фельдшера скорой помощи, которая передала слова потерпевшего о том, что «пассажиры отказались платить, после чего его начали оскорблять на национальной почве, что он нерусский» [7].

Так же, 16 декабря 2025 года в посёлке Горки-2 Подмосковья в Успенской школе произошёл трагический инцидент: 15-летний ученик 9 класса Тимофей К. напал на учащихся с ножом.

Подросток готовился к атаке несколько дней. За это время он написал 11-страничный манифест под названием «Мой гнев», который разослал одноклассникам. В тексте подросток выражал ненависть к обществу, делил людей по национальности и религии, называя людей другой национальности «биомусором».

В день нападения он пришёл в школу к началу занятий, переоделся в туалете. В начале, он разгуливал по коридорам, общаясь с учителями и учениками. Парень заходил в кабинеты, искал конкретного учителя — 29-летнюю Марию К. Он описывал ее как «темноволосую». Собеседникам он говорил, что они скоро узнают о нем из Википедии.

Первой жертвой стал охранник школы, 32-летний Дмитрий П., которого подросток атаковал перцовым баллончиком и ножом. Мужчина получил химический ожог лица первой степени и ножевое ранение в поясницу. На данный момент его состояние стабильное, угрозы жизни нет.

Учительница начальных классов, заметив подростка с ножом, закрыла собой детей и быстро вывела класс из кабинета. Спасти одного из учеников — 10-летнего Кобилджона А., выходца из таджикской семьи, — не удалось. Мальчик погиб от ножевого ранения. По данным ряда СМИ, перед атакой подросток интересовался, какой он национальности и снимал свои действия на видео [8].

В обоих случаях преступник совершает преступление на почве национальной ненависти и вражды, в такси нападавший высказывается о необходимости искоренения иностранных граждан с территории Российской Федерации, после чего наносит удар ножом. В школе преступник осознанно ищет «темноволосую» учительницу, до момента вмешательства охранника, после чего убивает 10 летнего мальчика, узнав, что он является таджиком.

В двух случаях преступление не является спонтанным, в такси преступник начинает и продолжает поездку, хоть и испытывает неприязненное отношение к водителю такси, в школе преступник заранее готовится и приносит с собой орудие совершения преступления, сообщает знакомым, что скоро о нем можно будет прочесть в интернете, при этом в обоих случаях потерпевшие являются абсолютно случайными лицами, они не знакомы с преступниками и не имеют никаких межличностных отношений.

Еще одним сходством является ярко выраженная публичная позиция преступников в отношении представителей другой национальности, во время поездки в такси преступник высказывался о национальности водителя в присутствии свидетелей, чем создал высказыванию публичность, преступник в школе для придания огласки и выражения своей неприязни использовал социальные сети, где публиковал материалы националистической направленности, а также в момент совершения преступления при себе имел нагрудную камеру, фиксирующую все происходящее на видеосъемку.

На основании вышесказанного можно сделать вывод, о том, что при расследовании данных преступлений требуется особый подход к сбору доказательств.

Виды доказательств, имеющие ключевое значение:

а) Показания потерпевших и свидетелей

Проблематика сбора показаний потерпевших и свидетелей выражается в наличии языкового барьера, психологических факторов, кратковременности пребывания иностранцев в России или нахождении в другой стране. Зачастую возникают ситуации, когда лицо осознанно дает заведомо ложные показания, боясь мести со стороны преступника или отвержения со стороны социальной группы, в которой потерпевший или свидетель проводит свой досуг (в основном встречается у несовершеннолетних). Так же, возникают ситуации, когда лицо осознанно пытается защитить преступника, по мотивам национальной, религиозной, языковой принадлежности или разделяет его националистические взгляды.

В преступлении, совершенном в такси, именно свидетельские показания пассажиров и фельдшера скорой помощи, стали основой доказательной базы и дали возможность правильной квалификации преступления. В данном деле свидетельские показания опровергают слова обвиняемого об отсутствии мотива национальной ненависти.

б) Цифровые доказательства

В расследовании убийств по мотивам национальной ненависти или вражды, важную роль играют доказательства, полученные из социальных сетей и иных цифровых источников.

Лица совершившее преступление по мотиву национальной ненависти или вражды, зачастую состоят в группах, пропагандирующих и обосновывающих идеи межнациональной розни, которые активно распространяются по социальным сетям и мессенджерам.

В настоящее время количество пользователей различных мессенджеров и социальных сетей составляет многомиллионная аудитория, «Телеграмм» (используют свыше 90,5 миллионов россиян), «ВКонтакте» (свыше 72 миллионов) и «Одноклассники» (свыше 46,5 миллионов). Таким образом, с учетом масштабов охвата и вовлечении аудитории пользователей, роль социальных сетей и мессенджеров в формировании гражданской позиции российского общества, в том числе и в части, касающейся вопросов межнациональных отношений, весьма велика [9].

Трудности в доказывании принадлежности того или иного интернет-ресурса конкретному лицу, а также установления авторов контента обусловлены и тем обстоятельством, что регистрация в мессенджерах и социальных сетях не требует документального подтверждения личности. Вот, например, какие условия регистрации определены Telegram в разделе «Политика конфиденциальности»: «Мы не хотим знать ваше настоящее имя, пол, возраст или что вам нравится. Мы не требуем, чтобы ваш псевдоним был вашим настоящим именем» [10, с. 35].

Например, преступление в школе имеет ряд, цифровых доказательств, приверженности преступника к радикальным взглядам, выражающееся в участии в сообществах, пропагандирующих радикальные взгляды, опубликовании манифеста преступником, под названием «Мой гнев», который описывает радикальное отношение и расовые, национальные, религиозные различия среди общества.

в) Вещественные доказательства

В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, вещественными доказательствами признаются любые предметы:

- 1) которые служили орудиями, оборудованием или иными средствами совершения преступления или сохранили на себе следы преступления;
- 2) на которые были направлены преступные действия;
- 3) иные предметы и документы, которые могут служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела [11].

Вещественные доказательства имеют специфические признаки:

- 1) Материальный характер объекта, выражает способность вещественных доказательств к отображению материальных следов на месте преступления.
- 2) Относимость, вещественные доказательства связаны с событиями преступления и могут служить средством установления фактических обстоятельств дела.
- 3) Уникальность, вещественное доказательство незаменимо другими доказательствами по уголовному делу. В случае утраты или повреждения вещественное доказательство не может быть получено заново.

Использование вещественных доказательств в доказывании по уголовным делам зависит от процессуальной правильности проведения процедуры сбора вещественных доказательств, приобщении их к делу, хранении и исследовании в рамках судебного заседания или на стадии предварительного расследования, с фиксацией результатов в протоколах.

В связи с этим вещественные доказательства в уголовном судопроизводстве выделяются как специфический вид доказательств, благодаря сочетанию законодательных норм, признаков, процедуры сбора и роли экспертизы.

г) Заключение судебных экспертиз

Вещественные доказательства могут быть объектами судебной экспертизы — самостоятельной процессуальной формы получения новых и уточнения имеющихся вещественных доказательств.

При совершении убийства по мотивам национальной ненависти или вражды, целесообразно проведение:

- лингвистических экспертиз высказываний обвиняемых;
- психолого-психиатрических экспертиз для выявления наличия у обвиняемых экстремистских взглядов;
- компьютерно-технических экспертиз содержимого цифровых устройств;
- **трасологических** экспертиз, для исследования следов, оставленных на месте происшествия (обуви, транспортных средств, орудий взлома, зубов, ногтей);
- **дактилоскопических** экспертиз, для анализа отпечатков пальцев, ладоней и ступней с целью идентификации личности;
- **почерковедческих** экспертиз, для исследования рукописных текстов, подписей и цифровых записей для идентификации автора;
- **портретных** экспертиз, для анализа изображений человека (фотографий, видеозаписей) с целью установления идентичности или различия лиц;
- **судебно-медицинских экспертиз трупов** — установление причины и времени наступления смерти, механизма и обстоятельств причинения телесных повреждений;
- **судебно-медицинских экспертиз вещественных доказательств** (крови, волос, выделений человека, костей и тканей) — установление групповой принадлежности этих объектов, а в случае исследования крови и спермы — индивидуальной идентификации лица;
- оружейных экспертиз (баллистическая, трасологическая, химическая и топографическая).

По итогам проведения экспертизы, эксперт выдает заключение, отражающее наличие или отсутствие обстоятельства, связывающего вещественное доказательство с событием преступления.

Подводя итоги всему вышесказанному, можно сделать вывод:

В процессе расследования убийств, совершаемых по мотиву национальной ненависти или вражды, органы

предварительного следствия сталкиваются с рядом проблем, возникающих при доказывании мотива национальной ненависти, сбором доказательственной базы, организацией работы с потерпевшими и свидетелями.

Трудности в расследовании убийств, совершаемых по мотиву национальной ненависти или вражды, описываются в трудах многих авторов и имеют различные точки зрения на причины проблематики расследования, некоторые авторы указывают на недостаточность осведомленности и компетентности сотрудников предварительного следствия, другие наоборот, считают главной проблемой многогранность и сложность установления процесса развития в человеке чувства ненависти или вражды, и как следствие его выявления и доказывания.

При этом все сходятся во мнении о необходимости осуществления внедрения современных технологий в процесс предупреждения и расследования убийств по мотиву национальной ненависти или вражды, которые позволят осуществлять контроль и выявлять потенциально опасных лиц, участвующих в пропагандистских сообществах, лиц, публично выражающих нетерпимость и неприязненность в отношении к человеку или группе лиц на основании их принадлежности к определённой расе, национальности, расе, религиозной конфессии. С целью заблаговременного выявления и пресечения совершения преступлений на стадии подготовки, установлении фактов создания и развития, негативно настроенных общественных объединений и радикальных групп, пресечения вовлечения в межнациональные конфликты лиц несовершеннолетнего возраста и противодействия пропаганде разжигания межнациональной розни.

А также о необходимости совершенствования методических материалов расследования убийств экстремистской направленности, обеспечении и повышении квалификации следователей, улучшении межведомственного взаимодействия правоохранительных органов и повышении эффективности предотвращения и расследования убийств, совершенных по мотивам национальной ненависти или вражды.

Литература:

1. Общероссийская, общественная организация «Ассоциация юристов России» Государство и религия в России: правовые основы, поддержка и социальные разрывы / общественная организация «Ассоциация юристов России» Общероссийская. — Текст: электронный // alrf.ru: [сайт]. — URL: <https://alrf.ru/articles/gosudarstvo-i-religiya-v-rossii-pravovye-osnovy-podderzhka-i-sotsialnye-razryvy/> (дата обращения: 20.03.2026).
2. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 2. / М. Фасмер. — 2-е изд., стер. — М.: Прогресс, 1986. — 664 с. — Текст: непосредственный.
3. Гиренко, Н. М. Законодательство об экстремизме и проблемы социальной антропологии / Н. М. Гиренко. — Текст: непосредственный // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2003. — № 4.
4. Методика расследования преступлений, совершаемых на почве национальной или расовой вражды или ненависти / А. Я. Винников, Н. М. Гиренко, О. Н. Коршунова [и др.]. — СПб., 2002. — 24–25 с. — Текст: непосредственный.
5. Пленум, Верховного Суда РФ О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности / Верховного Суда РФ Пленум. — Текст: электронный // consultant.ru: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115712/ (дата обращения: 20.03.2026).

6. Особенности преступлений, совершенных по мотивам ненависти или вражды направленных против личности. — Текст: электронный // na-obr.ru: [сайт]. — URL: //na-obr.ru/component/djclassifieds/?view (дата обращения: 20.03.2026).
7. Кировский, районный суд г Новосибирска Приговор № 1–193/2023 1–4/2024 1–751/2022 от 26 февраля 2024 г. по делу № 1–624/2022 / районный суд г Новосибирска Кировский. — Текст: электронный // sudact.ru: [сайт]. — URL: //sudact.ru/regular/doc/C7CKP83I6WmX/ (дата обращения: 20.03.2026).
8. В Подмоскovie школьник с ножом убил мальчика из таджикской семьи. Что известно о нападении. — Текст: электронный // Новостное время: [сайт]. — URL: https://newtimes/proishestviya/213692-v-podmoskove-shkolnik-s-nozhom-ubil-malchika-iz-tadzhikskoi-semi-chto-izvestno-o-napadenii (дата обращения: 20.03.2026).
9. Арестова, Е. Н. Проблемы противодействия разжиганию национальной ненависти или вражды в информационном пространстве, формируемом электронными средствами коммуникации / Е. Н. Арестова, А. В. Борбат. — Текст: непосредственный // Всероссийский криминологический журнал. — 2025. — № 19(3). — С. 274–283.
10. Майстренко, Г. А. К вопросу о межведомственном взаимодействии по выявлению, раскрытию, и предупреждению преступлений террористического характера в 2024 году (на примере Северо-Кавказского федерального округа) / Г. А. Майстренко. — Текст: непосредственный // Российский научный вестник. — 2025. — № 1. — С. 35–37.
11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ, ст. 81 УПК РФ «Вещественные доказательства». — Текст: электронный // consultant.ru: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons (дата обращения: 20.03.2026).

Экстремизм в современном мире как оружие ведения войны

Тоцкий Максим Алексеевич, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В данной статье автором рассматривается экстремизм как оружие против человечества, против всех государств. Отмечено, что использование экстремистов как наемников распространено в мировой политике для дестабилизации внутриполитического режима на территории конкретного государства.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, государство, власть, политика, спецслужбы, человечество, трагедия.

Согласно «Толковому словарю Ожегова» (С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова, 1949–1992), «экстремизм» — это приверженность к крайним взглядам и мерам, обычно в политике [1].

С распадом СССР мировая политика находилась в режиме «холодной войны», а с началом проведения Специальной военной операции в мировой политике наступил хаос, ставший «плодородной почвой экстремизма».

Против кого? Почему? С какой целью? Вот основные вопросы, ответы на которые способны выработать эффективный механизм борьбы с экстремизмом.

The Washington Post (WP) проанализировала информацию о нападениях, совершенных с июля 2024 года по декабрь 2025-го, в которых преступники оставили письменное объяснение своих мотивов. Газета насчитала 17 таких преступлений, из них шесть — соответствовали «нигилистической модели поведения».

В одном из уголовных дел федеральная прокуратура США определила «нигилистический насильственный экстремизм» как преступное поведение, цели которого «исходят из ненависти к обществу в целом и желания разрушить его путем посева хаоса». Впервые термин нигилистического насилия использован в феврале 2025 года

в деле подростка из Висконсина, который убил своих родителей.

В числе других примеров подобного рода насилия WP называет взрыв возле клиники репродуктивной медицины в Калифорнии в мае 2025 года, а также попытку поджечь электростанцию с помощью беспилотника в Нэшвилле в сентябре того же года.

По словам опрошенных WP экспертов, новый вид насилия может быть связан с «все более агрессивными политическими дискуссиями» в США. Один из собеседников считает, что «иное» поведение преступников связано с «яростью», которую транслируют высокопоставленные мировые политики и общество [2].

Следует отметить, что на протяжении десятилетий США внушало на мировом уровне ненависть к отдельным категориям государств и граждан (мусульмане, афроамериканцы и русские, как главная угроза). Киноиндустрия Голливуда переполнена фильмами с насилием, морем крови, ненавистью и желанием стать властелином мира. Результат не заставил себя ждать.

В то же время в России с начала 2000-х уже ведется активная борьба с экстремизмом и терроризмом. Афганистан и Чечня стали наглядными пособиями того, как экс-

термизм используется в качестве оружия, от которого погибают тысячи человек.

На примере экстремиста и террориста Шамиля Басаева, можно увидеть переход грани от бунтарства до жажды власти над целым миром и жизнями людей. Согласно данным из Википедии, Шамиль Басаев окончил среднюю школу, работал разнорабочим в совхозе, проходил срочную службу в Советской армии (наземные части обеспечения ВВС — в пожарной команде аэродромного обслуживания). По окончании службы трижды пытался поступить на юридический факультет МГУ, однако не проходил по итогам конкурсных экзаменов. Поступил в Московский институт инженеров землеустройства, но был отчислен за академическую неуспеваемость по математике (по другим данным — за прогулы) [3]. Свобода и разгульная жизнь мотивировали его на большой заработок и малыми усилиями. Распад СССР под влиянием Запада как раз и стал тем самым источником легких денег и внушаемой свободы любой ценой, в том числе ценой жизней людей.

От рук этого экстремиста и террориста погибли и пострадали тысячи людей во всем мире. Также он воспитал не одно поколение таких же экстремистов, которые до настоящего времени причиняют вред мировому обществу, и которых до настоящего времени задерживают сотрудники спецслужб.

Количество зарегистрированных МВД РФ преступлений экстремистской направленности в стране в 2025 году выросло на 20 %. Об этом сообщил глава МВД РФ Владимир Колокольцев на заседании комитета Госдумы по безопасности и противодействию коррупции.

Колокольцев отметил, что реализация системных мер, включая законодательство, позволила не допустить крупных конфликтов и беспорядков на почве национальной и религиозной вражды [4].

В сложившейся внешнеполитической ситуации, и в связи с проведением пятого года специальной военной операции, эта статистика лишь доказывает гипотезу о том, что вражеские политические силы используют активный экстремизм как оружие ведения войны.

Экстремисты — это наемники, не имеющие морали, не обладающие чувством патриотизма, не имеющие религии и духовных ценностей. Заказ ради корыстной вы-

годы и удовлетворения собственного эго, чувство неограниченной власти как наркотик. Но хуже экстремистов, только те, кто их использует.

Нельзя не отметить, что использование экстремистов как оружия должно расцениваться мировым сообществом как открытое объявление войны.

12 декабря 2024 года Государственная Дума расширила основания внесения в перечень экстремистов и террористов. Закон предусматривает обязанности кредитных организаций по предоставлению информации о финансовых операциях проверяемых лиц по запросу Росфинмониторинга.

По состоянию на 10 марта 2026 года в официальном списке 829 организации и 20 385 физических лиц [5].

Конечно же, данный список не является исчерпывающим, но и к цифрам нельзя относиться с испугом. Если эти лица уже внесены в список, значит они известны, а соответственно за их действиями и контактами также установлен надзор. А это самое главное выступает превентивными мерами.

Опубликование фамилий и наименований в открытом доступе обеспечивает общественное осуждение и контроль, а также способствует установлению аналогичных фактов иными лицами.

Таким образом, приходим к выводу, что экстремизм не имеет политической, религиозной, государственной, духовной или иной принадлежности. Экстремизм — это с одной стороны, неконтролируемое оружие (для заказчика), с другой стороны — деньги, власть и наркотик (для исполнителя), и угроза безопасности всего мира (для всего мирового сообщества).

На примере Басаева можно сделать вывод, что воспитание, дисциплина и занятость являются наиболее эффективными мерами предупреждения экстремизму. Также следует отметить на этом же примере, что лица, прошедшие специальную военную подготовку должны всю оставшуюся жизнь быть под контролем государства, в том числе путем трудоустройства на службу, во избежание использования их как оружия.

Также нельзя и не отметить критическую необходимость усиления взаимодействия общества и правоохранительных органов в вопросах своевременного выявления и пресечения любых проявлений экстремизма.

Литература:

1. Ожегов, Сергей Иванович. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова; РАН, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. — 4-е изд., доп. — Москва: Азбуковник, 1997, 1999, 2001, 2003. — 943 с.
2. WP сообщила о росте «нигилистического насилия» в США// <https://www.kommersant.ru/doc/8419294> (дата обращения 20.03.2026).
3. Chiclet C. «Chamil Bassaev — (1965–2006)» Архивная копия от 3 ноября 2021 на Wayback Machine // Encyclopædia Universalis.
4. Заседание Комитета по безопасности и противодействию коррупции с участием Министра внутренних дел РФ Владимира Колокольцева от 19.02.2026// <http://duma.gov.ru/multimedia/photo/125986> (дата обращения 20.03.2026).

5. Перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму//официальный сайт Росфинмониторинг// <https://www.fedsfm.ru/documents/terr-list> (дата обращения 20.03.2026).

К вопросу о мотивации участия в групповых преступлениях несовершеннолетних

Умрихина Наталья Ивановна, студент

Научный руководитель: Доронин Геннадий Николаевич, кандидат юридических наук, доцент
Новосибирский юридический институт (филиал) Национального исследовательского Томского государственного университета

В статье рассматривается ряд проблем, связанных с определением термина «мотивация» и его дальнейшем отграничении от термина «мотив» при изучении мотивации участия несовершеннолетних в групповых преступлениях и выделении гипотез о факторах, влияющих на неё в современных реалиях.

Ключевые слова: мотивация, мотив, несовершеннолетние, групповые преступления.

On the motivation for participating in group crimes by minors

Umrikhina Natalia Ivanovna, student

Scientific advisor: Doronin Gennady Nikolayevich, phd in law, associate professor
Novosibirsk Law Institute (branch) of the National Research Tomsk State University

The article discusses a number of problems related to the definition of the term «motivation» and its further differentiation from the term «motive» when studying the motivation of minors' participation in group crimes and identifying hypotheses about the factors that influence it in modern realities.

Keywords: motivation, motive, minors, group crimes.

Криминология как наука рассматривает преступное поведение как сложный процесс, происходящий в пространстве и времени, имеющий свою структуру. Криминальная мотивация выделяется, как один из основных элементов преступного поведения, который несёт в себе знание о причинах возникновения, формирования потребности в совершении преступного деяния, осознание этой потребности и принятия решения о совершении преступления. Именно исходя из вышеуказанных аспектов, составляющих мотивацию, вытекает актуальность её изучения.

Изучение мотивации совершения преступного деяния актуально, так как позволяет установить причины совершения преступления и, обстоятельства, вынуждающие его совершить, а, следовательно, позволяет разработать профилактические методы, которые будут способствовать предупреждению совершения преступных деяний. Изучение мотивации даёт возможность индивидуализации наказания, позволяет суду назначить виновному лицу — соразмерное наказание, с учётом факторов, говорящих о причинах совершения преступления. В свою очередь индивидуализация наказания с большей вероятностью позволяет добиться исправления осужденного.

Мотивация участия несовершеннолетних в групповых преступлениях является важной темой. Это связано с особенностями несовершеннолетних, как индивидов, связано со спецификой самих групповых преступлений, совер-

шаемых несовершеннолетними, так как именно подобные преступления нередко отличаются особой жестокостью, а также их совершение — не является редким явлением.

Исходя из общего анализа характеристики лиц, совершивших преступления за 2025 год, можно сделать вывод, что почти половина преступлений, совершаемых несовершеннолетними лицами, являются групповыми [7].

Психологические и социальные особенности несовершеннолетних также усиливают важность изучения вопроса мотивации в совершении несовершеннолетними групповых преступлений. Подростковый возраст — это период становления индивида личностью, поиска идентичности и своего «я», своего места в жизни. Несовершеннолетние чувствуют потребность в принадлежности к определённой группе, в получении одобрения и своеобразного уважения от данной группы. Именно склонность несовершеннолетних лиц к более лёгкому внушению, несформированность воли, эмоциональная нестабильность, характерная для несовершеннолетних быстрая смена эмоций, отсутствие чёткой, жизненной позиции — делает его наиболее уязвимым членом общества, подвергая несовершеннолетнего большому негативному влиянию. Повышенная внушаемость, импульсивность зачастую и становится причиной совершения несовершеннолетним преступных деяний. Однако именно внутренняя нестабильность несовершеннолетнего может повлиять, как на формирование маргинальной стороны его личности, так

и наоборот, даёт гибкость к его исправлению и привитию несовершеннолетнему моральных принципов, любви и уважения к закону.

Изучение мотивации, как одного из основных элементов преступного поведения несовершеннолетних лиц, важно начинать с анализа самого понятия «мотивации».

Результативной основой мотивации преступного поведения является мотив. Мотив и мотивация понятия связанные, но нетождественные: мотив имеет более узкое значение.

Содержание мотивации включает в себя как первичные побудительные силы активности человека, готовность личности к совершению определённых действий, так и факты, направляющие эти действия, поддерживающие их совершение либо изменяющие их направленность. Включая всю совокупность разнообразных побуждений, мотивация как бы пронизывает все основные структурные образования личности и проявляется, в конечном итоге, в ее социально-значимых поступках и действиях. В этом смысле правомерно говорить о мотивации как о реализующейся через духовный мир личности субъективной детерминации поведения человека [2].

Термин «мотивация» иногда употребляется как синоним термина «мотивационная сфера», он означает процесс формирования мотива, приведения его в действие, процесс непрерывного взаимного влияния субъекта действия и ситуации, в результате чего формируется то или иное поведение человека [4].

К. Е. Игошев в своих трудах выделяет следующие основные компоненты мотивации: первоначальные побудительные моменты человеческой активности (психологическая мобилизованности и готовность человека к совершению определенных действий); факторы, направляющие, регулирующие и поддерживающие эти действия или изменяющие их исходную направленность [6].

В. Д. Филимонов рассматривал мотивацию, как процесс формирования мотива, что сам по себе мотив — это конечный продукт процесса определения личностью характера и направленности поведения [10].

По мнению В. В. Лунеева, мотивацию преступного поведения в широком плане можно охарактеризовать как соответствующий внутренний субъективный процесс преступления, который характеризуется как публично-причиняющая, направляюще-организующая сила. По мнению В. В. Лунеева мотивация, как субъективный процесс включает в себя возникновение, актуализацию у человека соответствующей потребности, формирование конкретного мотива, определение мотива в цели, выбор путей достижения цели, предвидение и прогнозирование возможных последствий, принятие решения действовать, контроль и коррекция совершаемых действий на основе действующего мотива и другие моменты [8].

Мотивацию, как результат сложного взаимодействия внешних условий и внутренних факторов рассматривал Антонян Ю. М. Он указывал на то, что при отсутствии легитимных способов удовлетворения потребностей, при

неблагоприятных внешних условиях и формируется мотивация [1].

Проанализировав различные утверждения о смысловом содержании понятия «мотивация», можно сделать вывод, что в криминологической науке термин «мотивация» отображает процесс рождения мотива, объясняя причины совершённого деяния не только исходя из внутренних побуждений личности, готовности личности совершить то или иное деяние, но и из внешних обстоятельств, внешних криминогенных факторов.

Для понимания мотивации совершения несовершеннолетними групповых преступлений, необходимо определить и изучить факторы детерминирующие криминальную мотивацию. Сами по себе такие факторы представляют собой элементы, которые побуждают личность на совершение преступного деяния, формируют мотивы, регулируют, направляют действия личности.

В науке принято выделять несколько основополагающих факторов мотивации: биологические, социальные, психологические.

Биологический фактор включает в себя возрастные изменения, естественные потребности лица.

Несовершеннолетние лица находятся на том биологическом этапе, при котором происходят координатные изменения. Подростковый возраст сопровождается гормональными изменениями, которые влияют на формирование нервной системы несовершеннолетнего, а также на формирование его психики. В этот период у несовершеннолетних появляются новые переживания, которые возникают на фоне изменений, происходящих в их организме, эти переживания в совокупности с иными внешними и внутренними факторами и могут способствовать зарождению социально-деформационных мотивов, а также дальнейшему их развитию на принятие решения совершения преступных деяний.

Отсутствие достаточного удовлетворения естественных потребностей, таких как пища, жильё и т. д. также могут быть тем, что побуждает несовершеннолетнего лицо, к совершению преступлений. Сама цель удовлетворения биологических потребностей не является преступной, однако, способы достижения удовлетворения этих потребностей, средства — могут быть преступными.

К социальным факторам мотивации преступного поведения относятся: проживание в неблагополучной семье, негативные экономические условия, популяризация криминальных субкультур и т. д. [9].

Семья — это главная, первичная среда, в которой лицо получает свои основные навыки, формирует взгляды, жизненные позиции, приобретает моральные и нравственные ориентиры. Несовершеннолетний, в момент становления своей личности, очень сильно зависим от обстановки в семье, он ориентируется и запоминает всё то, что видит в семье, у подростка формируется понимание нормы поведения. Также, неблагоприятная обстановка в семье может являться фактором, уязвляющим несовершеннолетнего, толкающим его на улучшение своего поло-

жения через нелегальные способы социального взаимодействия.

Негативные экономические условия, например, безработица, экономический кризис создают условия для увеличения количества совершаемых преступных деяний. Лица, не имея стабильного дохода, либо имея доход, который не покрывает элементарные базовые потребности, ищут альтернативные способы заработка. Зачастую таким альтернативным способом заработка становится преступная деятельность, так как она может быть более быстрым и лёгким способом получения денежных средств. Несовершеннолетние лица, с учётом не до конца сформировавшихся жизненных и моральных принципов, с учётом возрастных особенностей, более подвержены к поиску лёгкого и быстрого заработка, что нередко подталкивает их к совершению преступлений.

Особую значимость приобретает в настоящее время популяризация криминальных субкультур: подростки под влиянием «моды», пытаются соответствовать принятым в той или иной субкультуре понятийной ориентировке. Криминальные субкультуры рассматривают преступное поведение как нормальное явление и своей идеологией склоняют лица к совершению преступлений, создавая у лиц впечатление о возможности самоутверждения за счёт данных преступных деяний. Несовершеннолетние, как ранее отмечалось, не только отличаются не до конца сформированностью жизненных ориентиров, нестабильностью эмоционального состояния, импульсивностью в принятии решений, но ещё и имеют признаки лёгкой внушаемости, гиперболизированной потребности в чувстве собственной надобности, важности, потребности в признании и обожании. Все эти факторы и делают несовершеннолетнего основной категорией лиц, наиболее подверженных влиянию криминальных субкультур.

Психологические факторы, детерминирующие криминальную мотивацию на которые обращается внимание в науке: это деформации потребности в самоутверждении, потребности в признании, потребности в приобретении чувства собственной важности [5].

Потребность в самоутверждении проявляется в стремлении лица утвердить себя на социальном, социально-психологическом, индивидуальном уровнях. Зачастую такое стремление проявляется в попытках достижения признания у определённой криминальной группы лиц. Значимость данного фактора заключается в том, что лицо в целях удовлетворения своих потребностей нередко совершает любые деяния, даже преступные.

Потребность в признании — это желание лица, как существа биологического и социального, заполучить место и одобрение в какой-либо группе, путём совершения действий, вызывающих одобрение той самой группы.

Потребность в приобретении чувства собственной важности — это фактор, который хотя и можно выделить отдельно в мотивационном процессе, но всё же сильно взаимосвязан с остальными психологическими факторами. Чувство собственной важности — это чувство, ко-

торое заключается в положительном самоощущении лица, в ощущении им своей надобности и исключительности. Категория лиц, которые в большей степени ощущают потребность в ощущении чувства собственной важности и исключительности являются несовершеннолетние. Ради удовлетворения данной потребности они склонны к совершению импульсивных поступков, которые, при определённых обстоятельствах могут выражаться в совершении преступных деяний.

Рассматривая природу преступного поведения, важно сделать акцент на том, что описанные выше факторы, детерминирующие криминальную мотивацию, выступают своеобразным психологическим потенциалом, но истинное содержание мотивации раскрывается лишь при анализе конкретных случаев преступной деятельности. Чтобы понять мотивацию совершения несовершеннолетними групповых преступлений нужно более подробно изучить, как изначальная «личная мотивация» раскрывается в группе, так как в такой группе на первое место выходит «групповая криминальная мотивация».

Изучение мотивации участия несовершеннолетних в групповых преступлениях (помимо статистических данных) требует специальных методик, одной из которых может выступать проведение глубокого интервью правонарушителей на заданную тему. Для применения данной методики (как журналистского интервью) был проведён анализ сюжета «Интервью осуждённого», размещённого на новостном портале телеканала ОТС в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, сутью которого является интервью несовершеннолетних лиц, осуждённых за совершение такого преступного деяния, как диверсия, совершённая группой лиц по предварительному сговору [11]. Из интервью, данными самими несовершеннолетними, понятно, что ключевым мотивом совершения преступного деяния была корысть, желание получить денежные средства, за совершённое ими деяние. Один из несовершеннолетних прямо утверждал, что на полученные денежные средства хотел купить комплектующие для телефона.

Возрастные особенности просматриваются тут в принятии несовершеннолетними незрелого, импульсивного решения о совершении диверсии.

На мотивацию участия конкретно в совершении группового преступления указывает и психологический фактор: потребность в принадлежности к социальной общности. Несовершеннолетнему жизненно важно ощущать себя частью «Мы». Группа даёт несовершеннолетнему чувство силы, поддержки, защищённости. Участие в групповом преступлении компенсирует нехватку поддержки в жизни несовершеннолетнего, даёт ощущение правоты в совершении деяния, а также на психологическом и эмоциональном уровнях «упрощает» совершение деяния: в восприятии несовершеннолетнего реализуется своеобразный феномен «размытой ответственности».

Психолого-социальный фактор включает в себя также и правовой нигилизм, заключающийся в отрицании или

незнании законов, а, следовательно, и непонимании сути самого совершённого ими деяния и его последствий.

Анализ сюжета от 31.07.2025 г., размещённого на новостном портале телеканала ОТС в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, сутью которого является совершение несовершеннолетними группового преступления — угона транспортного средства, целью которого было обучение управлению транспортным средством [3].

Мотивация участия в данном групповом преступлении заключается в явном правовом нигилизме лиц, совершивших преступное деяние, а также в желании получения ярких эмоций, получении некоего уважения от остальных лиц, участвующих в совершении преступного деяния, в связи с психологической потребностью в утверждении, получении признания от сверстников.

По итогам проведённого анализа можно предварительно выделить следующие гипотезы о некоторых особенностях мотивации участия несовершеннолетних в групповых преступлениях:

На этапе возникновения потребностей появляются исходные нужды, объективные предпосылки для формирования мотивации. Например, экономическая напряжённость в стране, а также сложности в финансовом положении семьи несовершеннолетних, влияющие на невозможность удовлетворения несовершеннолетними своих, искажённых материальных потребностей, но при наличии гиперболизированного желания улучшить свой уровень жизни порождают потребность в денежных средствах, а также становятся фоном, для создания нужды, которая по мнению несовершеннолетних может быть удовлетворена любым способом.

Потребность в принадлежности к референтной группе, важность социальной интеграции, определения своего места в жизни сообщества, потребность в утверждении и признании сверстников, толкает несовершеннолетних к поиску групп, где можно удовлетворить все эти потребности.

Является правилом, когда влияние авторитетного, для несовершеннолетних, лица, либо авторитетной группы, выступает неким стимулом и ориентиром, активизирующим имеющиеся у несовершеннолетних, как материальные, так и иные нужды. Однако, зачастую несовершеннолетние склонны ставить в авторитет маргинальные группы или отдельных маргинальных личностей, так как

именно они создают у несовершеннолетних ложные чувства их важности, поддержки, хотя на самом деле несовершеннолетние являются для таких групп и индивидов лишь лёгким в управлении инструментом, подверженным влиянию. Именно влияние данных групп или индивидов оказывает весомое воздействие на формирование у несовершеннолетних конкретных мотивов преступления и подталкивают их к совершению преступлений.

Правовой нигилизм, незнание законов и их отрицание влияют на снятие у несовершеннолетних внутренних запретов, делая в восприятии несовершеннолетних совершение преступного деяния — допустимым и нормальным.

Также стоит учитывать, что изначальные потребности, продиктованные внешними и внутренними факторами, личные мотивы, всегда претерпевают изменения в процессе группового взаимодействия. В группах над «личной мотивацией» начинает преобладать мотивация «групповая». Возникают особые психологические механизмы, которые подталкивают несовершеннолетнего к принятию решения о совершении преступления. Ориентировка на мнение группы, страх отвержения — также влияет на формирование потребностей и принятие решения о совершении преступления.

Этап принятия решения об участии в групповом преступлении характеризуется итоговым выбором несовершеннолетнего конкретного варианта поведения. На данном этапе большую роль играют психологические механизмы: психофизические особенности (импульсивность), потребность в получении одобрения от окружения, ощущение страха стать «белой вороной» в группе, а также момент с «размытием ответственности», который заключается в снижении морального барьера, психологически облегчая совершение преступного деяния.

Подводя итоги можно сделать вывод, что изучение мотивации участия несовершеннолетних в групповых преступлениях это сложный, но необходимый процесс. Выведенные гипотезы позволяют направить внимание на определённые условия, которые могут влиять на возникновение потребностей и принятие несовершеннолетними решений их удовлетворить путём совершения групповых преступных деяний, что и позволит перейти к дальнейшему планированию и разработке профилактических методов, предупреждающих совершение преступлений данной категорией лиц.

Литература:

1. Антонян Ю. М. Мотив преступного поведения: основные характеристики / Ю. М. Антонян, Е. К. Волконская // Общество и право. — 2012. — № 4 (41). — С. 150–157. — Текст: непосредственный.
2. Головков, Д. А. Юридическая психология: учебное пособие / Д. А. Головков, П. И. Пархимович; Академия МВД Республики Беларусь. — Минск: Академия МВД Республики Беларусь, 2004. — 144 с. — ISBN 985–427–209–
3. ДПС. Дорога — перекрёсток — судьба [Электронный ресурс]. — URL: <https://otstv.ru/video/programs/dps-doroga-perekrestok-sudba/241409/> (дата обращения: 15.03.2026).
4. Жамойто З. А. Юридическая психология. Особенная часть: учебно-методический комплекс для студентов специальности 1–24 01 02 «Правоведение» / З. А. Жамойто. — Новополоцк: ПГУ, 2010. — Кн. 2. — 372 с. — ISBN 978–985–418–960–4.

5. Зайтаев, И. Р. Психологические аспекты мотивации совершения преступления / И. Р. Зайтаев. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2017. — № 4 (138). — С. 590–591. — URL: <https://moluch.ru/archive/138/38876>.
6. Игошев К. Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. Горький, 1974. С. 159.
7. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2025 года // Министерство внутренних дел российской федерации URL: <https://xn—b1aew.xn—p1ai/reports/item/77848182/> (дата обращения: 15.03.2026).
8. Лунеев В. В. Мотивация преступного поведения / В. В. Лунеев. — Москва: Юридическая литература, 1991. — 276 с.
9. Федотов А. А. Систематизация и корреляционный анализ факторов, воздействующих на уровень преступности // Народонаселение. — 2024. — Т. 27. — № 1. — С. 71–81. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-71-81; E D N: L G B Q A R
10. Филимонов В. Д. Криминологические основы уголовного права / В. Д. Филимонов. — Томск: [б. и.], 1981. — 234 с.
11. Экстренный вызов [Электронный ресурс]. — URL: <https://otstv.ru/video/programs/ekstrennyy-vyzov/233543/?sort=view> (дата обращения: 15.03.2026).

Проблемы возникновения и защиты права частной собственности на недвижимость в условиях реестровой модели регулирования

Федотов Максим Сергеевич, студент магистратуры

Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Санкт-Петербург)

В статье проводится комплексный анализ оснований возникновения и механизмов защиты права частной собственности на недвижимое имущество в условиях действующей реестровой модели правового регулирования. Рассматриваются проблемы соотношения первоначальных и производных способов приобретения права собственности, роль государственной регистрации в обеспечении стабильности гражданского оборота, противоречия судебной практики при разрешении споров о признании отсутствующим зарегистрированного права и истребовании имущества из чужого незаконного владения. Особое внимание уделяется правовым позициям Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации, направленным на обеспечение баланса между принципом правовой определенности и необходимостью восстановления нарушенного права. Сформулированы предложения по совершенствованию законодательства в части унификации критериев добросовестности приобретателя и уточнения процессуальных механизмов оспаривания реестровых записей.

Ключевые слова: право частной собственности, недвижимость, государственная регистрация, виндикация, добросовестный приобретатель, реестровая публичность, баланс интересов.

Право частной собственности на недвижимое имущество в современной правовой системе Российской Федерации реализуется в условиях устойчивой реестровой модели, при которой юридическое существование вещного титула и его противопоставимость третьим лицам концептуально «привязаны» к сведениям Единого государственного реестра недвижимости. Государственная регистрация в данной конструкции выполняет не вспомогательную, а системообразующую функцию: она обеспечивает публичность правового состояния объекта, формирует презумпцию достоверности реестровых данных для участников оборота, снижает транзакционные издержки при совершении сделок и, в конечном итоге, стабилизирует имущественный оборот за счет возможности опоры на официально подтвержденный статус собственника. Следовательно, реестровая модель выступает одновременно механизмом юридической легитимации права и инструментом правовой определенности, поскольку позволяет «материализовать» право собственности в виде публично доступной записи, поддающейся проверке и ис-

пользованию в качестве доказательственного основания при возникновении споров.

Конституционно-правовой фундамент данной конструкции закреплён в ст. 35 Конституции Российской Федерации [1], устанавливающей неприкосновенность собственности и судебный порядок лишения имущества. Норма Конституции РФ задаёт декларативный стандарт охраны собственности и предельные параметры допустимого вмешательства в имущественную сферу: лишение собственности в правовом государстве возможно исключительно при наличии легитимного основания и соблюдении процедурных гарантий судебной защиты. Тем самым закрепляется принципиально важная для реестровой модели связка материального права и процессуальной формы: даже при наличии публичной записи в реестре вмешательство в правовое положение собственника не допускается произвольным административным актом либо внесудебным пересмотром, поскольку конституционная охрана собственности предполагает обязательность эффективного судебного контроля. В ре-

зультате регистрационный режим права собственности, ориентированный на стабильность оборота, получает дополнительное конституционное «усиление» в виде запрета на внесудебное лишение имущества и требования о судебной процедуре как универсальной гарантии от неправомерного перераспределения недвижимых объектов.

Гражданско-правовая конкретизация конституционного принципа неприкосновенности собственности закреплена в ст. 209 Гражданского кодекса Российской Федерации [2], фиксирующей классическую триаду правомочий собственника — владение, пользование и распоряжение, пределы их осуществления. Указанная норма раскрывает содержание субъективного вещного права, придавая ему структурированную форму и определяя объем юридически допустимого поведения собственника. При этом законодатель подчеркивает, что осуществление правомочий не является произвольным: они реализуются по усмотрению собственника, однако в пределах, установленных законом и с учетом недопустимости нарушения прав и законных интересов иных лиц. Тем самым закрепляется принцип сочетания автономии воли собственника с публично-правовыми ограничениями, вытекающими из требований добросовестности, разумности и соблюдения специальных режимов использования имущества.

В сфере недвижимости данная конструкция приобретает дополнительное измерение, поскольку реализация правомочий собственника тесно связана с публичным учетом объекта и формализацией правового статуса через механизм государственной регистрации. Положения Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» [3] определяют государственную регистрацию как юридический акт признания и подтверждения возникновения, перехода, ограничения и прекращения прав на недвижимое имущество. Иными словами, регистрация выполняет не декларативную, а правопорождающую и правоудостоверяющую функцию, поскольку в отношении большинства оснований приобретения права собственности на недвижимость именно внесение записи в ЕГРН завершает юридический состав и придает праву качество противопоставимости третьим лицам.

Специфика возникновения права собственности на недвижимость проявляется в различии первоначальных и производных способов приобретения. Производное приобретение связано с правопреемством, при котором объем прав приобретателя обусловлен правом отчуждателя. Как отмечает Н. В. Корнилова, «возникновение права собственности при производных способах основывается на праве предшествующего собственника» [4, с. 27]. Иной характер носят первоначальные способы, при которых право возникает независимо от титула предыдущего владельца.

Однако применительно к недвижимости ключевое значение приобретает регистрационный юридический факт. Даже при создании объекта капитального строительства право собственности возникает исключительно с мо-

мента внесения записи в ЕГРН [3]. Следовательно, материальный факт создания объекта и юридический факт возникновения права не совпадают, что усиливает значение реестровой дисциплины и одновременно формирует риски для участников оборота при дефектах регистрации.

Проблематика защиты права собственности в условиях реестровой публичности тесно связана с институтом виндикации. В научной литературе подчеркивается, что виндикационное требование направлено на восстановление господства собственника над вещью и устранение незаконного владения третьего лица [5, с. 163]. Вместе с тем в современной судебной практике защита осложняется необходимостью согласования требований о признании права, об истребовании имущества и об исправлении реестровой записи.

В Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 05.03.2020 № 11-П [6] указано, что публичное вмешательство в имущественную сферу допустимо лишь при соблюдении принципов соразмерности и компенсационности. Аналогичный подход прослеживается в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 28.01.2025 № 3-П [7], где подчеркивается необходимость обеспечения баланса между стабильностью реестровых сведений и восстановлением нарушенных прав прежнего собственника.

Позиция Верховного Суда Российской Федерации, отраженная в Обзоре судебной практики № 3 (2025) [8], исходит из недопустимости формального аннулирования зарегистрированного права без надлежащей процессуальной конструкции и оценки добросовестности приобретателя. Тем самым судебная практика вырабатывает стандарты защиты, ориентированные на сочетание принципа правовой определенности и принципа справедливости.

Классическая цивилистическая традиция рассматривает право собственности как законное господство лица над вещью в пределах, установленных законом. Подобная характеристика отражает дуалистическую природу данного института: с одной стороны, собственник наделяется максимально полным объемом правомочий, позволяющих ему самостоятельно определять юридическую и фактическую судьбу вещи; с другой — реализация данных правомочий изначально ограничена рамками правопорядка. Е. В. Васьковский подчеркивал, что собственность представляет собой юридически оформленную власть над вещью, обладающую исключительным характером, то есть исключающую вмешательство иных лиц без согласия собственника либо без прямого предписания закона [9, с. 34]. Тем самым в классической доктрине акцентируется не только полнота, но и исключительность права собственности как базового вещного права, противопоставимого неопределенному кругу субъектов.

Вместе с тем развитие публично-правовых начал и усложнение имущественного оборота обусловили переосмысление содержания права собственности в контексте его социальной функции. Современные исследователи ука-

зывают, что триада правомочий — владение, пользование и распоряжение — не исчерпывает реального содержания института, поскольку осуществление указанных правомочий неизбежно соотносится с публичными интересами, требованиями градостроительного, земельного и экологического законодательства, с принципом добросовестности [10, с. 666]. В этой связи право собственности перестает восприниматься как абсолютная и ничем не ограниченная власть, трансформируясь в юридически гарантированное, но функционально обусловленное господство, пределы которого определяются необходимостью соблюдения баланса частных и публичных интересов.

Особую сложность в рамках данной концепции представляет институт бесхозяйных недвижимых вещей. Признание объекта бесхозяйным и последующее приобретение права собственности публичным образованием затрагивают фундаментальные вопросы соотношения принципа стабильности оборота и публичной функции управления территориями. В научных исследованиях отмечается, что неопределенность критериев бесхозяйности, несогласованность процедур учета и регистрации, формальный подход к установлению факта отсутствия собственника способны порождать затяжные судебные споры и подрывать доверие к реестровой системе [11, с. 264]. Проблема усугубляется тем, что признание объекта бесхозяйным фактически означает прекращение частного титула и переход имущества в публичную сферу, что требует особенно строгого соблюдения процедурных гарантий и четкой доказательственной базы.

В результате можно констатировать, что реестровая модель регулирования усиливает значение государственной регистрации как гаранта правовой определенности, однако одновременно обостряет вопросы распределения рисков при ошибках регистрационного органа и дефектах правоустанавливающих документов.

В целях совершенствования законодательства представляется целесообразным:

— нормативно конкретизировать критерии добросовестности приобретателя недвижимости (включая закрепление на уровне закона перечня действий, свидетельствующих о проявлении разумной осмотрительности: проверка сведений ЕГРН, анализ правоустанавливающих документов, сопоставление данных о предшествующих

переходах права, отсутствие аффилированности с отчуждателем, оценка обстоятельств, указывающих на возможные притязания третьих лиц);

— унифицировать процессуальные механизмы оспаривания реестровых записей (путем четкого разграничения требований о признании права, признании отсутствующим зарегистрированного права и требований об исправлении реестровой ошибки, установления единого процессуального порядка рассмотрения подобных споров с определением предмета доказывания и распределения бремени доказательства);

— закрепить более четкие правила распределения убытков при ошибках государственной регистрации (в частности, установить субсидиарную или регрессную ответственность публичного образования в случае причинения вреда вследствие недостоверных сведений ЕГРН, определить механизм компенсации добросовестному приобретателю при утрате имущества и уточнить пределы ответственности регистрационного органа).

Таким образом, современная модель возникновения и защиты права частной собственности на недвижимость характеризуется усилением публичного начала и регистрационной формализации, при сохранении конституционных гарантий неприкосновенности собственности и судебной защиты. Регистрационная система выступает ключевым инструментом обеспечения правовой определенности, однако ее функционирование неизбежно сопряжено с возрастанием роли государства как субъекта, обеспечивающего достоверность и полноту сведений о правовом статусе объекта.

Эффективность института во многом определяется согласованностью норм гражданского и земельного законодательства, корреляцией материально-правовых и процессуальных механизмов защиты. Существенное значение имеет и последовательность судебной практики, формирующей единые стандарты оценки добросовестности приобретателя, допустимости вмешательства в имущественную сферу и распределения рисков при дефектах регистрации. В условиях динамичного развития правового регулирования именно системность законодательства и предсказуемость правоприменения обеспечивают устойчивость оборота недвижимости и реальную гарантированность права собственности.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 08.02.2026).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (редакция от 31.07.2025, с изменениями от 25.11.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 05.12.1994. — № 32. — Статья 3301.
3. Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ (редакция от 30.01.2026) «О государственной регистрации недвижимости» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 20.07.2015. — № 29 (часть I). — Статья 4344.
4. Корнилова Н. В. О производных способах приобретения права собственности // Право и государство: теория и практика. — 2018. — № 3 (159). — С. 26–30.

5. Петраш М. С. Виндикация как способ защиты гражданских прав // Молодой ученый. — 2019. — № 52 (290). — С. 162–164.
6. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 05.03.2020 № 11-П «По делу о проверке конституционности подпунктов 4 и 5 пункта 1 и пункта 5 статьи 57 Земельного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 16.03.2020. — № 11. — Статья 1639.
7. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28.01.2025 № 3-П «По делу о проверке конституционности статей 12, 209 и 304 Гражданского кодекса Российской Федерации...» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 10.02.2025. — № 6. — Статья 538.
8. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2025) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 08.10.2025) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2026. — № 1.
9. Васьковский Е. В. Учебник гражданского права. — Санкт-Петербург: Н. К. Мартынов, 1894. — 169 с.
10. Шмакова Е. Н., Кучина Я. А. Содержание права собственности (сравнительно-правовой анализ правомочий собственника) // Актуальные проблемы юриспруденции в современной России. — Йошкар-Ола, 2015. — С. 665–668.
11. Аблятипова Н. А., Кравцова А. А. Бесхозные недвижимые вещи: проблемы определения и правового регулирования // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. — 2018. — Т. 4 (70). — № 4. — С. 262–268.

Основные положения создания и учреждения акционерных обществ, особенности отчуждения акций непубличных акционерных обществ третьим лицам

Филатов Владислав Александрович, студент
Российский государственный социальный университет (г. Москва)

Статья посвящена ключевым аспектам создания и функционирования акционерных обществ (АО) в РФ, с особым фокусом на специфику непубличных АО. Материал поможет сформировать у читателя системное представление о правовых нюансах работы с АО, поможет избежать типичных ошибок при учреждении общества и совершении сделок с акциями. Он будет полезен предпринимателям, юристам и всем, кто планирует работать с акционерными обществами.

Ключевые слова: акционерное общество, АО, публичное АО, непубличное АО, устав АО, уставный капитал, акции, отчуждение акций, согласие акционеров.

Акционерные общества (АО) — форма хозяйственного общества, где уставной капитал представлен в виде определенное количество акций, и владельцы акций считаются участниками акционерного общества (акционерами). Акционеры не имеют обязательств в рамках общества и терпят убытки исключительно в пределах номиналов обладаемых акций. Поэтому это одна из самых удобных и популярных форм предпринимательской деятельности.

По данным ФНС, ежегодно регистрируются сотни новых АО. При этом растет число непубличных обществ, в которых устав — главный инструмент регулирования: в него переносят условия о преимущественных правах, порядке отчуждения акций, процедурах согласования сделок. Тем временем возникают конфликты интересов внутри АО и риски для приобретателей акций. Первые злоупотребляют преимущественным правом выкупа акций для блокирования сделок. Вторые могут остаться неосведомленными о скрытых ограничениях в уставе (например, требование согласия акционеров на отчуждение) [1].

Таким образом, глубокое понимание актуальных требований к учреждению АО и механизмов регулирования оборота акций — не просто юридическая формальность, а условие устойчивого развития бизнеса, что подчеркивает актуальность рассматриваемой темы. Несоблюдение процедур может привести к аннулированию сделок, финансовым потерям из-за взыскания убытков, репутационным рискам, что в совокупности парализует деятельность АО. Поэтому следующих разделах мы детально разберём ключевые этапы создания АО, особенности непубличных обществ и алгоритмы безопасного отчуждения акций.

В процессе создания АО учредители заключают друг с другом договор. Это ключевой документ в учредительном процессе, поскольку в нем отражаются:

1. Важные аспекты совместной деятельности учредителей (действия, которые учредители предпринимают для создания АО).

2. Величина уставного капитала. Он формируется из номинальной стоимости акций, которые приобретают акционеры. В договоре прописывают общую уставного капитала, которая определяется с учётом требований за-

кона. Минимальный размер уставного капитала зависит от типа АО: для непубличного — 10 000 рублей, для публичного — 100 000 рублей.

3. Категории и типы акций (обычные и привилегированные), которые будет выпускать АО, порядок их размещения.

4. Информация о том, сколько акций получает каждый учредитель и в какой форме они оплачиваются (деньги, имущество, ценные бумаги или имущественные права).

5. Права и обязанности учредителей в процессе учреждения общества.

6. Прочие условия в рамках ФЗ от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» [2].

Ко всему перечисленному стоит добавить, что договор представляет собой соглашение между учредителями, регулирующее их совместную деятельность по учреждению общества [3]. Он определяет ключевые параметры будущей компании и условия размещения акций, но не является учредительным документом. Он действителен до срока окончания оплаты акций, который также прописан в нем.

Создать акционерное общество можно двумя способами:

- путем учреждения нового юридического лица — создание АО с нуля, т. е. данной организации никогда не существовало ранее;
- путем реорганизации существующего юридического лица — преобразование другой формы (например, ООО) в АО, а также слияние, присоединение, разделение либо выделение.

Процесс создания АО происходит по решению учредительного собрания. Им может выступать единоличный представитель (учредитель) либо группа. В последнем случае решение содержит результаты голосования учредителей по следующим вопросам:

- учреждения непосредственного АО и устава;
- выбор органов управления;
- выбор ревизионной комиссии (если в уставе не предусмотрено её отсутствие);
- выбор регистратора общества и условий договора с таким лицом.

В уставе должна содержаться информация об уникальном названии общества, его расположении, размере капитала, выпускаемых акциях, их количестве и стоимости, а также права и порядок принятия решений у владельцев привилегированных акций. Требования устава распространяются на все органы и акционеров общества и в обязательном порядке должны соблюдаться.

Особо отметим, что открыть АО может одно лицо. И в составе может числиться единоличный представитель, если он приобрел все акции общества. Информация о составе обязательно отмечается в едином реестре юрлиц. Также, если в законе не указано иных распоряжений, единственным участником АО может стать иное хозяйственное общество, у которого в составе тоже одно лицо. В процессе создания АО все акции общества распределяются между учредителями.

Есть два вида акционерных обществ: публичное и непубличное. Информация об этом в обязательном порядке указывается в названии АО и уставе. Ключевое отличие публичного общества — акции и эмиссионные бумаги размещаются посредством открытой подписки. В непубличных же ценные бумаги не размещаются и не могут продаваться неограниченному количеству лиц [4].

В непубличных акционерных обществах устав может закреплять преимущественное право акционеров на покупку акций, которые другие участники намерены продать. Оно действует при возмездных сделках и предполагает два варианта для определения цены:

- по стоимости, предложенной третьему лицу (потенциальному покупателю извне).
- по цене либо по алгоритму её расчёта, заранее зафиксированным в уставе общества.

Важно отметить, если акции отчуждаются посредством мены, отступного или иных подобных операций, механизм преимущественного права работает по-другому. Тогда устав может предусматривать возможность выкупа только на условиях, прямо прописанных в нём: либо по конкретной цене, либо согласно утверждённому порядку её определения [5].

По общему правилу, если в уставе не прописано другое, реализация преимущественного права совершается пропорционально доле каждого акционера в уставном капитале. Иначе говоря, объём возможностей по приобретению отчуждаемых акций напрямую зависит от того, сколько акций уже имеет конкретный участник общества.

В уставе непубличного общества может быть прописано правило на случай, если акционеры не купили предлагаемые акции. В таком случае АО может выкупить их самостоятельно.

Если акционер непубличного АО хочет продать свои акции третьему лицу, он обязан заранее сообщить об этом обществу [6]. В уведомлении обязательно указывают информацию:

- сколько акций продаётся;
- стоимость акций;
- иные условия сделки.

После получения извещения общество должно в течение 2 дней уведомить остальных акционеров о предстоящей продаже по почте (электронной либо заказным письмом), если в уставе не прописан другой порядок. Если уведомление требует денежных расходов, как правило, его оплачивает акционер, продающий акции. Оповещение необходимо для того, чтобы другие акционеры смогли воспользоваться своим преимущественным правом покупки: купить акции раньше посторонних лиц и на тех же условиях.

Акционеру разрешено продать свои акции третьему лицу только после того, как другие акционеры и само общество, если это разрешено уставом, не захотят их покупать. На принятие решения о покупке либо отказе от неё дается до двух месяцев. Однако в уставе может быть прописан более короткий срок, но не меньше 10 дней. Ак-

ционер, пожелавший приобрести акции, заявляет об этом в письменном виде. В случае отказа от приобретения также все письменно подтверждают данный факт, и тогда срок преимущественного права прекращается, и открывается возможность продажи посторонним лицам. Если продажа идёт через договор купли-продажи, цена и условия должны быть такими же, как указаны в извещении для общества.

При нарушении преимущественного права, т. е. если акционер продал акции третьему лицу, не предложив сначала другим акционерам и обществу, если это разрешено уставом, пострадавшие имеют право обратиться в суд [7]. На обращение в суд есть три месяца с момента, когда истец узнал или предположительно должен был узнать о нарушении. В суде можно выдвинуть следующие требования:

- перевести на себя права покупателя, то есть стать новым владельцем неправомерно проданных акций;
- получить акции с выплатой покупателю их стоимости;
- если продажа была по договору купли-продажи, то по цене из этого договора;
- если сделка иная (мена, отступное и т. п.) — по цене, указанной в уставе.

Важное замечание: суд удовлетворит требование только если докажут, что покупатель знал или должен был знать о существовании преимущественного права в уставе, но проигнорировал его.

В уставе непубличного АО можно прописать правило о том, что нельзя продать акции третьему лицу без согласия других акционеров. Однако здесь есть ряд ограничений: правило действительно на протяжении определенного срока, но не больше пяти лет с момента регистрации общества либо изменений в его уставе.

Чтобы получить согласие других акционеров на продажу, продавец обязан направить уведомление о намерении продажи. С момента уведомления начинается срок, в течение которого акционеры должны дать ответ: либо 30 дней, либо меньше, если данный срок предусмо-

трен уставом. Отсутствие ответа в письменном виде по завершении указанного срока рассматривается как согласие на продажу третьим лицам.

По умолчанию акционеры могут первыми покупать новые акции и конвертируемые бумаги. Однако в некоторых случаях акционеры могут лишиться преимущественного права покупки [8]. В законодательстве есть два обстоятельства, приводящих к данной ситуации:

1. Через устав общества. Для этого еще на этапе учреждения АО и создании устава прописывается, что при выпуске новых акций или конвертируемых бумаг преимущественное право не действует.
2. Через единогласное решение акционеров. Для этого собирают общее собрание акционеров, на котором все должны единогласно проголосовать за отмену преимущественного права при размещении ценных бумаг, которые потом можно обменять на акции, и дополнительных акций.

Условия, без которых не удастся исключить преимущественное право:

- решение должно быть единогласным, проголосовать «за» должны все акционеры;
- отмена права касается только конкретного размещения (если в уставе не прописано иное).

Итак, в статье приведены основные понятия публичных и непубличных АО. Изложены основные значимые положения, которым нужно уделять особое внимание при создании и учреждении АО:

- содержание устава (в особенности положения о преимущественном праве и согласии на отчуждение акций);
- порядок и сроки извещения акционеров о сделках.

Эти пункты помогут в последующем создать прозрачную и понятную работу АО, избежать конфликтов интересов между акционерами и не создать неприятных условий, аннулирования сделок и судебных споров для третьих лиц в процессе отчуждения акций.

Литература:

1. Гошин Р. А., Буклова А. В. Актуальные проблемы гражданскоправового регулирования создания и прекращения деятельности акционерных обществ и практика применения // Вопросы российской юстиции. — 2020. — Вып. 7. — С. 133–142.
2. Энциклопедия судебной практики. Создание акционерного общества (ст. 98 ГК) [Электронный ресурс]. — URL: <https://base.garant.ru/57591463/> (дата обращения 24.01.2025)
3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Статья 98. Создание акционерного общества [Электронный ресурс]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/db6e4fde557b0b17a8c764238610471e2a0360f9/ (дата обращения 24.01.2025)
4. Бурмистров А. В. Особенности правового статуса публичных и непубличных акционерных обществ. — Тверь: Тверской государственный университет, 2025. — С. 30–36.
5. Чевизьян А. В. Виды акционерных обществ в гражданском праве: сравнительноправовой анализ. — Краснодар: Научноисследовательский институт актуальных проблем современного права, 2017. — С. 199–203.
6. Айтбаева Ж. С., Курманбаев Н. А., Шабыева Ж. Ж. Правовое регулирование прав и обязанностей акционера (участника) // Вестник филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный социальный университет» в г. Ош Киргизской Республики. — 2025. — С. 61–64.

7. Артемьев А. Н., Носов Д. В. Правовое значение корпоративного договора в системе способов защиты прав участников хозяйственных обществ // Бизнес и общество. — 2024. — № 4.
8. Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208ФЗ «Об акционерных обществах» (с изменениями и дополнениями).

Приостановка действий (мораторий) в отношении должника как проблема в контексте ограничения его прав в исполнительном производстве

Хаджиев Заур Маильевич, студент магистратуры
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

В статье автор исследует правовую природу моратория на действия в отношении должника, анализируется его двойственный характер: как меры процессуальной защиты должника и как фактора, обременяющего его имущественные и личные права. Рассматривается коллизия между обеспечением эффективности исполнительного производства и соблюдением принципа недопустимости произвольного ограничения прав личности. Делается вывод о необходимости судебного контроля за применением и продлением моратория.

Ключевые слова: мораторий, приостановление исполнительного производства, должник, ограничение прав, законность, судебная защита.

В современной экономике высокий уровень использования заемных средств, как физическими, так и юридическими лицами, свидетельствует о повышенном риске возникновения у них проблем с погашением своих обязательств. Разрешение споров, связанных с задолженностью, должно осуществляться быстро, эффективно и на прочной основе правовой определенности. Одним из доступных механизмов урегулирования задолженности является приостановка (мораторий) исполнения долговых обязательств. Существует тенденция на устойчивый рост запросов о приостановке исполнения долговых обязательств в период с 2010-х гг. и по настоящее время.

Мораторий на исполнительное производство — это временная приостановка взыскания долгов через службу судебных приставов. Он не отменяет сами финансовые обязательства, а лишь предоставляет должнику законную отсрочку. Такая мера вводится на государственном уровне в исключительных ситуациях, например, во время экономических кризисов, чтобы дать людям и бизнесу возможность перевести дух и стабилизировать свое финансовое положение.

Если Правительство РФ принимает решение о введении моратория, это влечет за собой ряд конкретных последствий для должника. Механизм его действия можно кратко описать следующим образом:

- приостанавливаются любые списания денежных средств с банковских карт и счетов в счет погашения долгов;
- замораживается реализация арестованного имущества;
- новые ограничения и аресты не накладываются.

В настоящее время мораторий на банкротство и, как следствие, на исполнительное производство не действует.

Ранее введенные постановления Правительства (например, № 497 от 2022 года) утратили силу.

По нашему мнению, приостановка исполнения обязательств по погашению долга могла бы быть одним из наиболее популярных инструментов разрешения споров по дебиторской задолженности. Приостановление обязательств по выплате долгов можно интерпретировать как период, предоставленный судом должникам и их кредиторам для возможности договориться о различных способах урегулирования долгов должников перед кредиторами, частично или полностью. Это соответствует утверждению о том, что приостановка обязательств по выплате долга становится законным мораторием, поскольку по закону решение суда о приостановке обязательств по выплате долга дает должнику право отложить срок погашения всех своих финансовых обязательств перед кредиторами.

В течение предоставленного периода приостановки обязательств по выплате долга должник будет иметь право предложить реструктуризацию всей или части своей задолженности перед кредиторами. Если большинство кредиторов принимают предложенное должником мирное соглашение и получают одобрение суда (гомологацию), то по закону приостановка обязательств по выплате долга для должника прекращается. Должник сможет возобновить свою обычную деятельность, не опасаясь угрозы банкротства. И наоборот, предположим, что должник не желает или не может воспользоваться установленным периодом приостановки обязательств по выплате долга. В этом случае процесс погашения долга должен осуществляться с использованием механизма банкротства (ликвидации). Неспособностью должника воспользоваться периодом погашения долговых обязательств будет, на-

пример, полное отсутствие предложения о мирном урегулировании или его подача, но отклонение большинством кредиторов.

Должники, получившие ратификацию мирного соглашения со своими кредиторами, должны добросовестно выполнять это соглашение. Невыполнение или небрежность должника, приводящие к неисполнению мирного соглашения со своими кредиторами в контексте приостановления погашения долговых обязательств, приведут к тому, что должник по закону объявляется банкротом и будет вынужден участвовать в процессе управления и урегулирования банкротства. [2]

Таким образом, приостановление погашения долговых обязательств следует рассматривать как предусмотренную законом меру, позволяющую должнику пересмотреть способ погашения своих долгов перед всеми кредиторами. Законодательно установленный мораторий может быть полезен как средство обеспечения возможности организации жизнеспособных мер по реструктуризации или поиска потенциальных покупателей.

В деловом мире должники должны быстро решить все свои финансовые проблемы, выйти с рынка и не обременять экономику. Тем не менее, современная мировая концепция законодательства о банкротстве фокусируется на способах спасения должников, а не их уничтожения, что должно быть реализовано в системе законодательства о банкротстве. [3] Цель моратория — защитить компании, испытывающие значительные финансовые трудности, от возможного внешнего давления.

Чаще всего это давление исходит от кредиторов, пытающихся защитить себя от риска банкротства компании. Давление кредиторов на неплатежеспособную компанию может иметь катастрофические последствия для возможности ее спасения. Мораторий предоставляет проблемной компании достаточно времени для разработки возможных мер по спасению/реабилитации, одновременно предотвращая действия кредиторов в своих собственных интересах за счет попыток спасения проблемной компании. В период действия установленной законом мо-

ратории кредиторы временно лишаются возможности предъявлять претензии к испытывающей финансовые трудности компании, что может препятствовать достижению главной цели — реструктуризации и содействия мерам по оздоровлению. [4; 115]

В свою очередь банкротство должника влечет за собой различные негативные последствия. Предположим, обществу известно, что должник как предприниматель обанкротился. В этом случае продажи должника снизятся, поскольку деловые партнеры или партнеры должника сомневаются в его способности выполнять свои обязательства. Банкроту также будет сложно взыскать дебиторскую задолженность, поскольку кредиторы будут рассматривать процедуру банкротства как оправдание своего нежелания выплачивать долги должнику.

Негативное влияние банкротства должника, безусловно, затруднит ведение его бизнеса. Потребители и пользователи услуг обанкротившихся должников могут обратиться к конкурентам, поскольку существует угроза со стороны стабильной доступности товаров и услуг и неспособности должника гарантировать качество продаваемых товаров и услуг. [1]

В заключении отметим, что отсрочка выплаты долговых обязательств, которая изначально предназначается для того, чтобы позволить должникам предложить мирный план в контексте погашения долгов, на практике может оказаться не такой простой. Кредиторы могут отклонить мирное предложение должника без каких-либо веских причин. Отсутствие правовой основы, гарантирующей право должника на обращение в суд против этих действий, нанесет должнику ущерб. Это противоречит принципу надлежащей правовой процедуры. Принцип надлежащей правовой процедуры связан с защитой прав человека. Ни один человек не может быть лишен собственности без надлежащей правовой процедуры. Должник может потерять свое имущество из-за правового вакуума, позволяющего ему защищать интересы своего имущества от решения о переносе сроков исполнения долговых обязательств. Это критически важный вопрос, требующий ответа.

Литература:

1. Анисимов В. А., Чумаков Г. В. Положительные и отрицательные стороны банкротства физических лиц // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 5–2 (68). С. 182–185
2. Васильева Н. А. Судебное банкротство граждан: права должника против интересов кредиторов // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2023. № 3. С. 48–52.
3. Оленин Д. А. Английская модель исполнительного производства / Д. А. Оленин // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 3. С. 53–57.
4. Парфенчикова А. А. Меры косвенного принуждения в исполнительном производстве / под. ред. В. В. Яркова. — М.: Статут, 2017. — 200 с.

Сущность корпоративного права

Хамитова Элиза Рафаэлевна, студент магистратуры
Российский государственный социальный университет (г. Москва)

В статье автор раскрывает понятие и особенности корпоративного права, а также определяет его место в системе права.

Ключевые слова: корпоративное право, предмет корпоративного права, метод и сущность корпоративного права.

В условиях динамично развивающейся экономики и усложнения бизнеспроцессов особую значимость приобретает корпоративное право — отрасль, регулирующая отношения внутри коммерческих организаций и между ними. Актуальность темы обусловлена возрастающей ролью корпораций в экономике, необходимостью чёткого правового регулирования их деятельности, а также поиском баланса между интересами участников корпоративных отношений.

Цель данной статьи — раскрыть сущность корпоративного права, определить его место в системе права, проанализировать ключевые элементы и выявить тенденции развития.

Задачи исследования:

- определить понятие и предмет корпоративного права;
- выделить его методы и принципы;
- проанализировать систему источников;
- рассмотреть основные виды корпоративных отношений;
- выявить проблемы и перспективы развития отрасли.

Методологическую основу исследования составили общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция) и частно-научные методы (сравнительноправовой, формальноюридический, системный подход).

1. Понятие и предмет корпоративного права.

Корпоративное право традиционно рассматривается в двух аспектах:

Как отрасль права — система правовых норм, регулирующих создание, деятельность и прекращение корпораций, а также отношения между их участниками.

Как научная дисциплина — совокупность знаний, теорий и концепций о корпоративном праве.

Предмет корпоративного права составляют корпоративные отношения — отношения, возникающие в связи с:

- созданием, реорганизацией и ликвидацией корпораций;
- формированием и управлением уставным капиталом;
- реализацией корпоративных прав и обязанностей участников;
- управлением корпорацией (полномочия органов управления, порядок принятия решений);
- распределением прибыли и ответственности между участниками.

Ключевой особенностью корпоративных отношений является их внутренний характер: они возникают внутри организации между её участниками (акционерами, членами совета директоров, менеджерами и др.).

2. Методы и принципы корпоративного права.

Методы правового регулирования в корпоративном праве сочетают:

- диспозитивный метод (предоставление участникам свободы выбора в рамках закона — например, при определении структуры управления в уставе);
- императивный метод (жёсткое закрепление обязательных норм — например, требования к регистрации, отчётности, порядку проведения общих собраний).

Принципы корпоративного права включают:

- равенство участников корпорации в реализации корпоративных прав;
- прозрачность и доступность информации о деятельности корпорации;
- добросовестность и разумность действий органов управления;
- защита прав миноритарных акционеров;
- баланс интересов участников корпоративных отношений.

Эти принципы находят отражение в законодательстве и судебной практике, формируя основу для разрешения корпоративных споров.

3. Система источников корпоративного права

Источники корпоративного права в России образуют многоуровневую систему:

Конституция РФ — закрепляет базовые гарантии предпринимательской деятельности (ст. 34) и право на судебную защиту [1].

Гражданский кодекс РФ (ГК РФ) — основной нормативный акт, определяющий [2]:

- понятие юридического лица (ст. 48 ГК РФ);
- виды корпораций;
- порядок создания, реорганизации и ликвидации организаций.

Специальные законы:

- Федеральный закон «Об акционерных обществах»;
- Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью»;
- Федеральный закон «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей».

Подзаконные акты — постановления Правительства РФ, приказы Минэкономразвития, разъяснения ЦБ РФ.

Локальные нормативные акты корпораций — уставы, положения о советах директоров, внутренние регламенты.

Судебная практика — постановления Пленума Верховного Суда РФ и арбитражной практики, которые конкретизируют применение норм права.

Корпоративные обычаи и деловые обыкновения — неписанные правила, сложившиеся в деловой среде (например, практика проведения годовых собраний акционеров).

4. Виды корпоративных отношений

Корпоративные отношения можно классифицировать по различным критериям [3]:

По субъектам:

- отношения между участниками корпорации (акционерами, учредителями);
- отношения между участниками и органами управления (директором, советом директоров);
- отношения между корпорацией и её дочерними/зависимыми обществами.

По содержанию:

- имущественные отношения (распределение дивидендов, выкуп акций);
- неимущественные отношения (право на информацию, участие в управлении);
- организационные отношения (порядок проведения собраний, формирование органов управления).

По степени обязательности [4]:

- обязательные (предусмотренные законом — например, обязанность вести реестр акционеров);
- факультативные (устанавливаемые уставом — например, создание ревизионной комиссии).

5. Проблемы и перспективы развития корпоративного права

Актуальные проблемы:

- защита прав миноритарных акционеров — недостаточная эффективность механизмов противодействия злоупотреблениям со стороны мажоритарных владельцев;
- прозрачность корпоративного управления — сложности с доступом к информации о конечных бенефициарах;
- ответственность директоров — размытость критериев «разумности и добросовестности» при принятии управленческих решений;

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. [с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 фев. 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ] // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2014. — № 31. — ст. 34.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (первая часть) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023) // Собрание законодательства РФ, 1994, № 32, ст. 48.
3. Валентов Д. В., Лиханов П. Е. Правовая сущность корпоративных правоотношений // Образование и наука в России и за рубежом. 2019. № 5 (53). С. 211–227.
4. Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2014. С. 17–21.

– регулирование цифровых корпораций — необходимость адаптации норм к деятельности ИТкомпаний и блокчейнструктур;

– конфликт интересов — противоречия между стратегическими целями корпорации и краткосрочными интересами отдельных участников.

Перспективы развития [5]:

- внедрение цифровых инструментов корпоративного управления (электронные голосования, блокчейнреестры);
- усиление роли саморегулируемых организаций в установлении стандартов корпоративного поведения;
- гармонизация российского и международного корпоративного права для привлечения иностранных инвестиций;
- развитие медиации и альтернативных способов разрешения корпоративных споров;
- уточнение критериев ответственности менеджмента через судебную практику.

Заключение

Корпоративное право представляет собой динамично развивающуюся отрасль, играющую ключевую роль в регулировании отношений внутри коммерческих организаций. Его сущность заключается в обеспечении баланса интересов участников корпоративных отношений при соблюдении принципов законности, прозрачности и ответственности.

Анализ показал, что корпоративное право сочетает диспозитивные и императивные методы регулирования, а его источниками выступают как законодательные акты, так и локальные нормы корпораций. При этом система корпоративного права остаётся гибкой, адаптируясь к изменениям в экономике и технологиях.

Выявленные проблемы (защита миноритарных акционеров, прозрачность управления, ответственность директоров) требуют дальнейшего совершенствования законодательства и правоприменительной практики. Перспективы отрасли связаны с цифровизацией, интеграцией в международное правовое пространство и развитием альтернативных механизмов разрешения споров.

Таким образом, корпоративное право не только обеспечивает стабильность бизнессреды, но и способствует формированию культуры добросовестного предпринимательства в России.

5. Предпринимательское право: современный взгляд: монография, коллектив авторов / МГУ имени М. В. Ломоносова \ Отв. ред. С. А. Карелина, П. Г. Лахно, И. С. Шиткина. — М.: Юстицинформ, 2019. С. 42–70.

Теоретико-правовые основы и эволюция апелляционного производства в российском гражданском процессе

Харитоновна Виктория Алексеевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье представлен комплексный теоретико-правовой анализ института апелляции в современном гражданском судопроизводстве России. Исследуются ключевые предпосылки и условия, необходимые для реализации права на апелляционное обжалование. Особое внимание уделяется исторической эволюции данного института, дихотомии частных и публичных целей апелляции, а также характеристике гибридной модели пересмотра судебных актов, закрепленной в действующем процессуальном законодательстве. Выявлены актуальные проблемы правоприменения, связанные с определением круга субъектов обжалования и процессуальными сроками.

Ключевые слова: гражданский процесс, апелляционное производство, право на обжалование, судебная ошибка, виды апелляции, процессуальные гарантии, проверка судебных актов.

Введение в проблематику судебных ошибок и механизмов их исправления

Правосудие, представляющее собой сложный интеллектуальный и правоприменительный процесс подведения конкретных жизненных обстоятельств под абстрактные нормы права, объективно не застраховано от ошибок. Человеческий фактор, сложность оценки противоречивых доказательств и коллизии в материальном праве обуславливают вероятность вынесения неправосудных решений. В этом контексте конституционное право на судебную защиту, гарантированное статьей 46 Конституции РФ, было бы декларативным без наличия эффективного процессуального механизма пересмотра актов судов первой инстанции. Апелляционное производство выступает первичным, наиболее фундаментальным фильтром в системе инстанционного контроля. Именно на этой стадии реализуется возможность полноценного исправления судебной ошибки до того момента, как решение вступит в законную силу и приобретет свойство общеобязательности. Эффективность данного механизма напрямую зависит от четкости законодательной регламентации условий допуска к апелляционному обжалованию и понимания сущностных задач этой стадии процесса.

Дифференциация предпосылок и условий права на апелляционное обжалование

В доктрине гражданского процессуального права традиционно разграничиваются два фундаментальных понятия, определяющих доступ к суду второй инстанции: предпосылки возникновения права на обжалование и условия его надлежащей реализации. Смешение этих

категорий недопустимо, поскольку последствия их отсутствия кардинально различаются [1, с. 45]. Предпосылки представляют собой те юридические факты, с наличием которых законодатель связывает само рождение субъективного права на подачу жалобы. Если предпосылки отсутствуют, права на апелляцию не существует в принципе. К числу базовых предпосылок относятся: наличие объекта обжалования (решение суда первой инстанции, не вступившее в законную силу) и процессуальная правоспособность субъекта. Условия реализации — это процедурные требования, соблюдение которых необходимо для того, чтобы уже возникшее право было осуществлено в рамках правового поля. Несоблюдение условий не аннулирует само право, но временно блокирует его реализацию (жалоба оставляется без движения или возвращается). Ключевым субъективным условием является принадлежность лица к кругу субъектов, наделенных правом обжалования. Судебная практика демонстрирует двоякий подход к толкованию прав лиц, не привлеченных к участию в деле, что создает определенные правовые коллизии [2, с. 112].

Историческая эволюция и целеполагание апелляционного производства

Современная модель апелляции в России является результатом длительной исторической трансформации. Зародившись в римском праве, апелляция прошла путь до классического способа проверки судебных решений в до-революционной России. Советский период характеризовался отказом от апелляции в пользу кассации [3, с. 78]. Возвращение апелляции в российский гражданский процесс ознаменовало переход к международным стандартам справедливого судебного разбирательства. В современной доктрине цели апелляционного производства принято де-

лить на частноправовые (защита нарушенных прав конкретных участников спора) и публично-правовые (обеспечение единообразия судебной практики, контроль за деятельностью судов первой инстанции) [4, с. 201].

Виды апелляции: характеристика гибридной российской модели

В мировой процессуальной науке традиционно выделяют два чистых вида апелляции: полную и неполную. Российский законодатель пошел по пути создания смешанной (гибридной) конструкции, стремясь сбалансировать процессуальную экономию и гарантии установления объективной истины. Российская модель апелляции по общему правилу тяготеет к неполной форме. Суд второй инстанции проверяет дело в пределах доводов жалобы и оценивает имеющиеся доказательства. Однако законо-

датель внедрил элементы полной апелляции в виде исключений. Так, при установлении безусловных оснований для отмены решения, апелляционный суд переходит к рассмотрению дела по правилам суда первой инстанции.

Заключительные положения

Институт апелляционного производства в гражданском процессе представляет собой сложный, исторически выверенный механизм, балансирующий между частными интересами сторон и публичными задачами правосудия. Гибридная модель апелляции, закрепленная в российском законодательстве, в целом отвечает современным вызовам, обеспечивая необходимый фильтр судебных ошибок. Однако стремительное развитие общественных отношений требует дальнейшего доктринального осмысления процессуальных норм.

Литература:

1. Борисова Е. А. Апелляция, кассация, надзор по гражданским делам: учебное пособие. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. — 352 с.
2. Треушников М. К. Гражданский процесс: учебник для вузов. — М.: Статут, 2021. — 734 с.
3. Ярков В. В. Гражданский процесс: учебник. — М.: Инфотропик Медиа, 2022. — 812 с.
4. Рожкова М. А. Теоретические проблемы оценки судебных актов в гражданском и арбитражном процессе. — М.: Юстицинформ, 2019. — 280 с.

Трансформация апелляционного производства в условиях цифровой экономики: проблемы и пути решения на примере споров с маркетплейсами

Харитоновна Виктория Алексеевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья посвящена исследованию системного кризиса классических процессуальных форм апелляционного производства при столкновении с реалиями платформенной экономики. На основе анализа судебной практики по спорам с ведущими маркетплейсами (Ozon, Wildberries, Яндекс.Маркет) за 2022–2025 гг. выявляются фундаментальные проблемы доказывания, критическая информационная асимметрия и процессуальный тупик, охарактеризованный автором как «синдром возвратного движения». В работе предлагается комплексная концепция модернизации института апелляции, базирующаяся на триаде: адаптация материально-процессуальных связей, специализация судебного корпуса и технологизация судопроизводства. Обосновывается необходимость внедрения презумпции открытости алгоритмов и создания специализированных «цифровых присутствий» в судах второй инстанции.

Ключевые слова: гражданский процесс, апелляционное производство, маркетплейсы, цифровые доказательства, информационная асимметрия, электронная коммерция, алгоритмизированные правоотношения, пределы рассмотрения дела, судебная практика.

Введение

Стремительная цифровая трансформация общественных отношений привела к радикальному изменению ландшафта гражданского оборота. Доминирующей формой взаимодействия субъектов предпринимательской деятельности и потребителей стали цифровые платформы-

маркетплейсы. Взрывной рост электронной коммерции обнажил существенное отставание консервативных процессуальных институтов от скорости, масштабов и специфики digital-споров.

Апелляционное производство, исторически сконструированное для пересмотра дел с традиционной доказательственной базой (бумажные договоры с «мокрыми»

печатами, свидетельские показания, классические товаро-ведческие экспертизы), сегодня сталкивается с беспрецедентными вызовами. Суды второй инстанции вынуждены оценивать алгоритмизированные правоотношения, колоссальные массивы электронных логов, скриншоты динамически меняющихся оферт и смарт-контракты. Вплоть до принятия Федерального закона от 30.12.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики» правовой статус маркетплейсов оставался в серой зоне, что приводило к коллизиям и неоднородности судебной практики. В этих условиях апелляция де-факто вынуждена трансформироваться из стадии простой проверки законности решения в первую инстанцию квалифицированной правовой оценки цифровых отношений.

Кризис доказательственного процесса в суде апелляционной инстанции

Анализ правоприменительной практики судов общей юрисдикции и арбитражных судов за 2022–2025 годы позволяет констатировать, что наиболее уязвимым элементом апелляционного производства в спорах с IT-платформами стала работа с доказательствами.

1. Информационная асимметрия и монополия на цифровые следы В классическом гражданском процессе действует принцип состязательности, предполагающий относительно равномерное распределение бремени доказывания (ст. 56 ГПК РФ). Однако в спорах с маркетплейсами (например, при необоснованном удержании комиссий, блокировке личных кабинетов селлеров, начислении штрафов за габариты или потере товаров на транзитных складах) возникает критический дисбаланс.

Вся цифровая инфраструктура, исходные коды, логи операций, история изменений пользовательских соглашений (оферт) и алгоритмы ранжирования находятся под эксклюзивным контролем одной стороны -платформы. При рассмотрении дел в апелляции слабая сторона (продавец или покупатель) физически лишена возможности представить новые доказательства, опровергающие позицию IT-гиганта, поскольку доступ к бэкенду (внутренней системе) закрыт. Суды второй инстанции, жестко ограниченные рамками статьи 327.1 ГПК РФ (пределы рассмотрения дела в суде апелляционной инстанции), часто формально подходят к оценке таких ситуаций. Они отказывают в удовлетворении ходатайств об истребовании цифровых следов у платформ, ссылаясь на то, что эти ходатайства не были должным образом заявлены в суде первой инстанции, игнорируя объективную невозможность слабой стороны получить к ним доступ самостоятельно.

2. Проблема динамических оферт и фиксации контента Специфика маркетплейсов заключается в праве одностороннего изменения условий сотрудничества (оферты). На стадии апелляционного обжалования регулярно возникает неразрешимая коллизия: какая именно редакция многостраничных правил действовала в конкретную секунду совершения спорной транзакции?

Использование традиционных нотариальных протоколов осмотра сайтов зачастую запаздывает и фиксирует лишь текущее состояние веб-страницы. В свою очередь, представляемые платформой распечатки из внутренних систем (справки, выгрузки из баз данных) вызывают обоснованные сомнения в их достоверности у противоположной стороны, так как платформа может сгенерировать их постфактум. Апелляционные суды, не обладая ни техническим инструментарием, ни процессуальными регламентами для ретроспективного анализа веб-архивов, вынуждены полагаться на принцип «достоверно то, что предоставлено владельцем ресурса», что прямо нарушает принцип равноправия сторон.

«Синдром возвратного движения» как новый процессуальный тупик

В рамках проведенного исследования выявлен и концептуализирован специфический феномен, получивший название «синдром возвратного движения».

Суть данного явления заключается в следующем. Из-за алгоритмической сложности цифровых доказательств и колоссальной загруженности суды первой инстанции зачастую выносят поверхностные решения, не вникая в IT-специфику спора (например, игнорируя расхождения в API-выгрузках продавца и маркетплейса). Когда дело попадает в апелляцию, суд второй инстанции обнаруживает явную неполноту исследования электронных доказательств.

Однако, в отличие от суда кассационной инстанции, апелляция в гражданском процессе лишена полномочий направить дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции (за исключением узкого перечня безусловных оснований). Апелляционный суд обязан разрешить спор по существу. При этом сама коллегия судей не обладает технической экспертизой для самостоятельной расшифровки логов или оценки работы смарт-контрактов. Это приводит к двум негативным сценариям:

Формальное «засиливание» (оставление в силе) решения суда первой инстанции с обтекаемыми формулировками о том, что «доводы жалобы сводятся к переоценке доказательств».

Бесконечное отложение разбирательства для назначения дорогостоящих и длительных компьютерно-технических экспертиз. Учитывая, что маркетплейсы ежедневно удерживают средства селлеров, такое затягивание процесса критически бьет по рентабельности малого и среднего бизнеса, делая саму судебную защиту экономически нецелесообразной.

Концепция модернизации: триада развития апелляционного производства

Для преодоления выявленных кризисных явлений и возвращения апелляции статуса эффективного фильтра судебных ошибок предлагается комплексная модерни-

зация данного института. В основе предложений лежит триада: адаптация материально-процессуальных связей,

специализация судейского корпуса и технологизация самого процесса (таблица 1).

Таблица 1

Направление модернизации	Предлагаемый процессуальный механизм	Ожидаемый правовой эффект
1. Адаптация (Правовые презумпции)	Введение в процессуальное законодательство презумпции открытости алгоритмов	Перенос бремени доказывания корректности работы платформы на сам маркетплейс. Снижение стандарта доказывания для слабой стороны
2. Специализация (Кадры и структура)	Формирование специализированных «цифровых судебных составов» в судах апелляционной инстанции	Повышение качества оценки электронных доказательств без постоянного привлечения сторонних IT-экспертов
3. Технологизация (Ускорение)	Внедрение процедуры «ускоренной цифровой апелляции» для типовых платформенных споров	Снижение сроков рассмотрения жалоб по стандартизированным digital-спорам до 15 дней

Детализация предлагаемых механизмов

Презумпция открытости алгоритмов. Предлагается дополнить главу 6 ГПК РФ (Доказательства и доказывание) специальной нормой. В случае заявления слабой стороной (селлером или потребителем) мотивированного довода о техническом сбое, необоснованном алгоритмическом штрафе или скрытом изменении правил платформы, бремя доказывания обратного должно автоматически переходить на маркетплейс. Если платформа отказывается раскрыть логи транзакций в суде апелляционной инстанции, ссылаясь на коммерческую тайну или сложность выгрузки, суд должен применять фикцию признания факта и толковать все неустранимые сомнения в пользу истца.

Цифровые коллегии. Учитывая, что апелляция становится центром окончательного разрешения сложных фактических обстоятельств, целесообразно создание в структуре верховных судов республик, краевых и областных судов специализированных составов. Судьи таких коллегий должны проходить обязательную регулярную сертификацию в сфере IT-права, основ функционирования баз данных и криптографии. Это позволит суду второй инстанции самостоятельно оценивать электронные доказательства, не впадая в зависимость от экспертных учреждений.

Ускоренная апелляция. Для споров с маркетплейсами, где цена иска невелика, но критически важна скорость (например, незаконные удержания логистических сборов в размере до 500 тысяч рублей), предлагается ввести письменное (электронное) производство в апелляции. Данная

процедура должна проходить без вызова сторон, базируясь исключительно на обмене верифицированными электронными документами через систему ГАС «Правосудие», с сокращенным сроком рассмотрения жалобы до 15 рабочих дней.

Заключительные положения

Действующая модель апелляционного производства в гражданском процессе, построенная на парадигме бумажного документооборота и презумпции равенства возможностей сторон, объективно не справляется с информационной асимметрией и алгоритмической сложностью споров, генерируемых платформенной экономикой. Маркетплейсы, выступая квази-регуляторами цифровых рынков, эффективно используют процессуальный формализм и ограничения неполной апелляции в свою пользу.

Для того чтобы апелляционная инстанция сохранила свое конституционное предназначение как гарант защиты нарушенных прав, требуется ее глубокая институциональная перестройка. Реализация предложенной триады -внедрение презумпции открытости алгоритмов, создание цифровых коллегий и запуск ускоренного электронного обжалования -позволит нивелировать дисбаланс сторон. Только адаптация процессуальной формы к цифровому содержанию вернет институту апелляции способность выносить не только формально законные, но и объективно справедливые решения в реалиях новой экономики.

Литература:

1. Борисова Е. А. Апелляция, кассация, надзор по гражданским делам: учебное пособие. -М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. -352 с.
2. Рожкова М. А. Право в сфере Интернета: учебник. -М.: Статут, 2021. -528 с.
3. Савельев А. И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. -М.: Статут, 2019. -640 с.
4. Терехова Л. А. Система пересмотра судебных актов в механизме судебной защиты. -М.: Проспект, 2020. -320 с.
5. Халатов С. А. Представительство в гражданском и арбитражном процессе. -М.: Норма, 2022. -208 с.

6. Ярков В. В. Электронное правосудие и цифровизация процесса // Вестник гражданского процесса. -2021. -№ 4. -С. 15–32.
7. Федеральный закон от 30.12.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики» // Собрание законодательства РФ. 2026. № 1. Ст. 12.

Методики совершенствования работы уголовного розыска

Черенков Евгений Николаевич, студент
Московский университет «Синергия»

Статья посвящена современным методам работы российских правоохранительных органов в сфере уголовного розыска, основанным на сочетании традиционных подходов и инновационных технологий. Рассматриваются ключевые аспекты внедрения искусственного интеллекта (ИИ), который существенно повышает эффективность поиска скрывающихся лиц путем быстрого анализа больших объемов данных и выявления скрытых закономерностей. Приводятся примеры успешного применения ИИ в раскрытии сложных преступлений, включая серийные убийства и тяжкие преступления, совершенные в 1990-е годы.

Особое внимание уделено применению цифровых технологий и специализированных компьютерных программ для реконструкции внешности преступников и распространения их изображений среди общественности и служб правопорядка. Отмечается важность традиционной дактилоскопии как надежного инструмента в ситуациях технического сбоя.

Кроме того, подчеркивается значимость профессиональной подготовки сотрудников, включающей обучение новым информационным технологиям и развитие навыков межведомственного взаимодействия. Эффективность указанных методов подтверждается статистическими данными, демонстрирующими сокращение количества лиц, находящихся в розыске более одного года, и повышение качества и точности поисковых операций.

Несмотря на достигнутые успехи, статья подчеркивает, что успех применения инновационных технологий зависит от уровня профессионализма сотрудников правоохранительных органов. Таким образом, интеграция современных технологий и квалифицированных кадров создает прочную основу для устойчивого роста эффективности уголовного розыска в России.

Ключевые слова: методы работы, уголовный розыск, цифровые технологии, технические средства.

Современные методы работы правоохранительных органов России в сфере уголовного розыска базируются на интеграции традиционных подходов и инновационных технологий, что позволяет значительно повысить эффективность поиска скрывающихся лиц. В частности, в ходе розыскных мероприятий активно применяются алгоритмы искусственного интеллекта (ИИ), способные оперативно анализировать огромные массивы данных и выявлять закономерности, которые не всегда доступны человеческому восприятию. Такие технологии были успешно использованы для раскрытия давних и сложных дел, включая серийные преступления и тяжкие убийства, осуществлённые в 1990-х годах. ИИ также формирует психологические портреты преступников на основе сопоставления с подобными случаями, что значительно расширяет возможности прогнозирования и направления оперативных сил [1].

Ежегодно в России в федеральный розыск объявляется примерно сто тысяч человек, при этом более 80 % разыскиваемых находят по «горячим следам». Это свидетельствует о высокой результативности начального этапа розыска, включающего активное выявление и пресечение попыток скрыться в первые недели после объ-

явления. Если в течение первого месяца розыск не дал результата, практикуется углубленный анализ установочных данных и периодический контроль по так называемым «маячкам» — техническим средствам отслеживания, которые могут устанавливаться на объектах и лицах. Помимо цифровых технологий, значительная роль отводится работе информаторов, чьи сведения часто служат решающими при поиске лиц, особенно в условиях ограниченного доступа к информационным ресурсам [3].

Криминалистическое оснащение органов розыска включает современные компьютерные программы для создания фотороботов и графических реконструкций, что значительно облегчает идентификацию скрывающихся и распространение их изображений среди служб и населения. При необходимости привлекаются профессиональные художники для более точного воссоздания внешности. Традиционная дактилоскопия сохраняет своё значение — бумажные отпечатки пальцев хотя и уступают цифровым методам по скорости обработки, остаются важным резервным инструментом при технических сбоях. Современные технические средства для досмотра транспортных средств и объектов включают множество

специальных приборов: металлические и магнитные детекторы, щупы, газоанализаторы, тепловизоры, а также комплекты экспресс-тестов на наличие наркотиков и взрывчатых веществ, что позволяет значительно повысить точность и скорость проверки [1].

Профессиональная подготовка сотрудников также получила новое дыхание. В программу обучения включаются курсы по использованию новейших информационных систем, методам работы с большими данными и интеллектуальными аналитическими платформами. Особое внимание уделяется развитию навыков межведомственного взаимодействия с целью оперативного обмена информацией и координации действий на федеральном и региональных уровнях. Это помогает преодолевать ранее существовавшие барьеры между различными подразделениями и ускоряет принятие решений при организации розыска [4].

Эффективность применения современных методик подтверждается статистическими данными, свидетельствующими о сокращении числа лиц, находящихся

в розыске более одного года, что ранее было характерной проблемой российской правоохранительной системы. Современные технологии и методы позволяют не только устанавливать местонахождение скрывающихся с большей долей вероятности, но и качественно повышать скорость и точность поиска, минимизируя затраты ресурсов. Вместе с тем, наличие развитых технических средств и методов не отрицает важности человеческого фактора: успешное применение инноваций напрямую связано с уровнем профессионализма и квалификации сотрудников органов розыска [3].

Таким образом, внедрение современных технических средств, систем искусственного интеллекта, а также совершенствование кадровой подготовки создают базу для устойчивого повышения результативности уголовного розыска в России. Несмотря на оставшиеся вызовы, данный комплекс мер обеспечивает переход от традиционных методов к более гибким и адаптивным, способствуя эффективному поиску и задержанию лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда [5].

Литература:

1. Лакомкин В. Наука криминалистика: как современные технологии помогают поймать преступника // www.ferra.ru — URL: <https://www.ferra.ru/review/techlife/kriminalistika.htm>
2. Антонов, Е. В. Оперативно-розыскная деятельность в условиях цифровизации: новые вызовы и решения / Е. В. Антонов. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2025. — № 19 (570). — С. 202-204. — URL: <https://moluch.ru/archive/570/125061>.
3. Димитров А. Современные способы розыска МВД // seo-profik.ru — URL: <https://seo-profik.ru/blog/post/sovremennyye-sposoby-rozyska-mvd/>
4. Зайцева С. Е., Баканов Н. А. Современный подход к розыску преступников с использованием информационных технологий // Вопросы права. 2024. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-podhod-k-rozysku-prestupnikov-s-ispolzovaniem-informatsionnyh-tehnologiy> (19.03.2026).
5. Столяров А. Цифровое око правосудия. Как роботы помогают искать преступников в России // ИНК. — URL: https://incrussia.ru/understand/bolshoy_brat/

Трансформация инструментов государственного финансового контроля в условиях цифровизации экономики

Шичкина Анна Сергеевна, студент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье анализируются процессы трансформации системы государственного финансового контроля под влиянием масштабной цифровизации экономических процессов, а также рассматривается переход от традиционных методов контроля к мониторингу в режиме реального времени. Особое внимание уделяется внедрению таких инструментов, как большие данные, искусственный интеллект и технологии распределенного реестра. Исследование выявляет основные преимущества цифровизации государственного финансового контроля, включая повышение прозрачности бюджетных потоков и снижение коррупционных рисков, а также обозначает проблемные аспекты, связанные с необходимостью адаптации правовой базы и обеспечением кибербезопасности.

Ключевые слова: государственный финансовый контроль, цифровизация, финансовое право, бюджетный мониторинг, искусственный интеллект, финансовые технологии.

Transformation of instruments of state financial control in the context of digitalization of the economy

The article analyzes the processes of transformation of the state financial control system under the influence of large-scale digitalization of economic processes, and examines the transition from traditional control methods to real-time monitoring. Special attention is paid to the implementation of such tools as big data, artificial intelligence, and distributed registry technologies. The study identifies the main advantages of digitalization of state financial control, including increased transparency of budget flows and reduced corruption risks, and highlights the problematic aspects related to the need to adapt the legal framework and ensure cybersecurity.

Keywords: state financial control, digitalization, financial law, budget monitoring, artificial intelligence, and financial technologies.

Введение

Современный этап развития мировой и национальной экономики характеризуется стремительным внедрением цифровых технологий во все сферы общественной жизни. Финансовая система, являясь наиболее динамичной и технологичной, первой претерпевает глубокие изменения. В современных условиях традиционные формы и методы государственного финансового контроля (далее — ГФК) начинают утрачивать свою эффективность, сталкиваясь с новыми вызовами, среди которых, например, высокая скорость проведения транзакций, виртуализация активов и усложнение схем движения бюджетных средств.

Таким образом, актуальность данной темы обусловлена необходимостью формирования новой парадигмы финансового контроля, которая позволила бы государству не только фиксировать уже совершенные нарушения действующего законодательства, но и заранее предотвращать их. Целью данной работы является исследование процесса трансформации инструментов ГФК и оценка перспектив их применения в условиях цифровой реальности.

1. Современное состояние государственного финансового контроля

В рамках данной статьи, в первую очередь, необходимо упомянуть, что под финансовым контролем в современном научном поле понимается совокупность форм, методов и приемов производства ревизий и проверок финансово-хозяйственной деятельности различных предприятий, объединений, организаций и учреждений, а также установление фактов законности операций по формированию, распределению и использованию централизованных и децентрализованных фондов денежных средств и правильности выполнения финансовых обязательств перед бюджетом [2, С. 269].

Однако, говоря непосредственно о современном состоянии процессов контроля, важно отметить, что основным вектором их трансформации в условиях цифровизации стал переход от классических ревизий к непрерывному дистанционному мониторингу. Ранее действующий традиционный контроль, как следует из

понятия, был основан на изучении бумажных носителей и выездных проверках, что характеризуется высокой трудоемкостью и прерывистостью. Однако в современном мире цифровизация позволяет реализовать концепцию «непрерывного аудита». Внедрение систем электронного бюджета и развитие налогового мониторинга дает возможность контролирующим органам получать доступ к данным объектов контроля в режиме реального времени.

Так, налоговый мониторинг представляет собой инновационный подход в области контроля за деятельностью крупных налогоплательщиков. Данный механизм заменил традиционные проверки прямой онлайн-передачей данных в Федеральную налоговую службу (далее — ФНС). Суть такого мониторинга заключается в том, что компании в режиме реального времени передают в налоговые органы необходимую информацию о своей финансово-хозяйственной деятельности, что позволяет ФНС оперативно получать актуальные данные и анализировать их, минимизируя необходимость проведения выездных проверок [1].

Введение налогового мониторинга является частью государственной политики, направленной на совершенствование финансового регулирования. Как известно, основным приоритетом современной политики является минимизация субъективного фактора и административного давления на бизнес, и именно такой подход способствует созданию более благоприятных условий для предпринимательской деятельности и повышению прозрачности налоговых отношений.

Однако прогресс в сфере информационных технологий оказывает влияние не только на методы и процессы финансового мониторинга, но и способствует созданию инновационных инструментов, позволяющих оптимизировать временные и трудовые затраты.

Так, ключевым инструментом современной трансформации ГФК выступает внедрение технологий больших данных. Органы контроля в современном мире оперируют колоссальными объемами информации из различных источников, среди которых банковские выписки, реестры имущества, таможенные декларации и системы государственных закупок. В данном случае, использование технологий больших данных позволяет более эффективно

анализировать такие массивы информации, выявлять закономерности и тенденции, а также принимать обоснованные решения на основе полученных данных, что также оптимизирует и ускоряет процессы.

Помимо этого, современные инструменты прогнозной аналитики, основанные на алгоритмах машинного обучения, позволяют выявлять аномалии в движении бюджетных средств, что помогает на первичных этапах обнаруживать признаки, которые могут свидетельствовать о правонарушениях. Разработанная система автоматически маркирует «подозрительные» транзакции и позволяет контролирующим органам сосредоточить внимание на наиболее рискованных операциях.

Далее, внедрение искусственного интеллекта и его возможностей в практику Счетной палаты Российской Федерации и территориальных контрольно-счетных органов автоматизирует проверку типичных документов и выявляет признаки аффилированности участников закупок, что также значительно повышает скорость и точность анализа.

И, наконец, использование технологии распределенного реестра (блокчейн) в целевом финансировании, например, при исполнении гособоронзаказа, государственных закупках или реализации национальных проектов, гарантирует неизменность данных о транзакциях. Технологии блокчейна позволяют проследить путь каждого «цифрового рубля» от казначейства до конечного исполнителя, повышая безопасность и прозрачность движения средств [6].

Важно отметить, что цифровизация неразрывно связана с развитием риск-ориентированного подхода в ГФК. Большие массивы информации и, одновременно, ограниченное количество человеческих ресурсов органов ГФК приводят к невозможности провести проверку каждого объекта контроля. Однако современные технологии позволяют применять инструменты цифрового профилирования, которые классифицируют объекты контроля по уровням риска на основе различных факторов. Автоматизированные системы оценивают вероятность нарушения бюджетного законодательства, анализируя множество параметров, среди которых история исполнения контрактов, финансовая устойчивость организации и наличие судебных споров. Таким образом, инновационный подход помогает трансформировать ГФК из механизма тотального надзора в инструмент точечного вмешательства, поскольку вместо проверки всех объектов контролирующие органы могут сосредоточиться на тех, где риск ущерба государству наиболее высок, что позволяет эффективно и рационально распределять ограниченные ресурсы [4].

Таким образом, современное состояние ГФК характеризуется повсеместным внедрением цифровых технологий, расширением полномочий ключевых надзорных институтов и усилением акцента на превентивные меры. Однако данный процесс не лишен ряда проблемных аспектов, которые не позволяют цифровизации в полной мере оказать влияние на процессы финансового контроля.

2. Актуальные препятствия цифровой трансформации государственного финансового контроля

Так, процесс трансформации, несмотря на наличие явных ранее рассмотренных преимуществ, сталкивается с рядом существенных препятствий и проблемных аспектов. В частности, текущее законодательство, включая Бюджетный кодекс Российской Федерации, не всегда в полной мере отражает статус цифровых инструментов контроля. Важную роль в данном случае играет необходимость легитимизации результатов, полученных с помощью автоматизированных систем без участия человека. Помимо этого, актуальность приобретает и необходимость закрепления новых категорий цифровых объектов контроля на законодательном уровне. В качестве рекомендаций по устранению имеющейся проблемы стоит выделить важность внесения соответствующих изменений в правовую базу, которые должны включать разработку новых нормативно-правовых актов, регламентирующих применения современных технологий в контрольной деятельности [5].

Кроме того, проблема «цифрового суверенитета» и безопасности становится наиболее актуальной в условиях концентрации финансовых данных в единых облачных хранилищах. Существующие системы часто становятся объектами кибератак и утечек конфиденциальной информации, а также сталкиваются с техническими сбоями и поломками алгоритмов, что создает серьезные риски для финансовой стабильности и безопасности страны [3]. Для минимизации таких рисков необходимо внедрение современных технологий защиты данных, разработка и реализация комплексных стратегий кибербезопасности, а также повышение уровня подготовки специалистов в данной области.

И, наконец, одним из значимым препятствием является кадровый дефицит [6]. Трансформация инструментов требует от сотрудников контрольных органов освоения принципиально новых компетенций, находящихся на стыке юриспруденции, финансов и IT-сфер. Данный факт предполагает необходимость разработки и реализации программ повышения квалификации и переподготовки специалистов, а также привлечения квалифицированных кадров из смежных областей. Для решения такой проблемы важно создать условия для непрерывного обучения и профессионального развития сотрудников, чтобы обеспечить эффективное внедрение цифровых технологий в контрольно-надзорную деятельность.

Таким образом, цифровая трансформация ГФК сдерживается рядом препятствий, среди которых дефицит квалифицированных кадров, устаревшая нормативно-правовая база и киберугрозы. Преодоление данных барьеров требует комплексного подхода, включающего модернизацию законодательства, инвестиции в область кибербезопасности, а также системное обучение персонала.

Заключение

Итак, цифровизация государственного финансового контроля представляет собой комплексную трансформацию системы, направленную на повышение эффективности, прозрачности и превентивности процессов. Внедрение современных технологий, таких как искусственный интеллект, риск-ориентированный подход и постоянный мониторинг, позволяет значительно улучшить управление бюджетными средствами и контролировать их расходование.

Однако для успешной реализации цифровизации необходимо совершенствовать нормативно-правовую базу, создавать единое информационное пространство и обеспечивать защиту государственных информационных систем. При этом, перспективным направлением развития ГФК является создание «умного контроля», интегрированного в повседневные бизнес-процессы и минимизирующего государственное вмешательство в деятельность добросовестных компаний. Именно такой подход повысит доверие бизнеса к государственным органам и создаст более эффективную систему управления финансами.

Литература:

1. Аксенов В. А., Заливалова Ю. А., Якушева А. М. Налоговый мониторинг в практике российских компаний: проблема и перспективы. // Экономика: вчера, сегодня, завтра. — 2025. — Том 15, № 1А. — С. 553–560.
2. Гузнов А. Г. Регулирование, контроль и надзор на финансовом рынке в Российской Федерации: учебник для вузов. / А. Г. Гузнов, Т. Э. Рождественская. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрайт, 2026. — 585 с.
3. Осипов В. С. Цифровой налоговый контроль в России: достижения, риски и перспективы фискальной эффективности. [Электронный источник]. // Вестник евразийской науки. — 2025. — Т. 17. № 3. — URL: <https://esj.today/PDF/70ECVN325.pdf> (дата обращения: 02.03.2026).
4. Севастьянов С. А. Риск-ориентированный подход как основа цифровизации контрольно-счетных органов муниципального уровня. // Вестник науки. — 2025. — № 5 (86). Т. 2. — С. 498–512.
5. Хайбрахманова А. Д. Государственный финансовый контроль в условиях цифровой экономики: правовые аспекты трансформации понятия. // Общество: политика, экономика, право. — 2025. — № 12. — С. 116–121.
6. Шунков Д. С. Государственный финансовый контроль в условиях цифровой экономики: тенденции, проблемы и пути решения. // Актуальные исследования. — 2024. — № 50 (232). Ч. III. — С. 26–31.

Административная ответственность государственных служащих: актуальные проблемы и пути их решения

Яковенко Сергей Николаевич, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье раскрываются особенности административной ответственности государственных служащих. Автором уделено внимание отдельным недостаткам действующего российского законодательства в исследуемой сфере. По результатам проведенного анализа выявленных проблем, разработаны рекомендации и предложения по их разрешению.

Ключевые слова: административная ответственность, административное правонарушение, государственный служащий, конфликт интересов, коррупция, противодействие.

Актуальность выбранной темы заключается в том, что в системе видов юридической ответственности центральное место занимает административная ответственность. Одним из специальных субъектов административной ответственности являются государственные служащие. В современном российском праве вопросы, связанные с особенностями привлечения к административной ответственности государственных служащих, приобретают особое значение. Это связано не только с необходимостью поддержания дисциплины в рядах государственной службы, но и с обеспечением баланса

между публичными интересами и гарантиями профессиональной деятельности лиц, наделенных особым статусом [1, с. 237].

В рамках проведенного исследования административной ответственности государственных служащих остановимся более детально на проблемных аспектах рассматриваемого вида юридической ответственности за совершение коррупционных правонарушений.

Коррупционные правонарушения со стороны государственных служащих в лице правоохранительных органов представляют собой серьезную угрозу для общественного

порядка и законности в стране, наносят серьезный удар по доверию граждан к органам, которые призваны следить за соблюдением законов, а сами нарушают его, что снижает эффективность их работы и ведет к дальнейшему распространению правонарушений и недовольству в обществе. Сотрудники правоохранительных органов, обладая особыми полномочиями и доступом к закрытой информации, могут злоупотреблять своим служебным положением, что, в свою очередь, создает необходимость в строгом регулировании их ответственности за коррупционные действия или бездействия.

Таким образом, в системе совершаемых государственными служащими административных правонарушений, повышенную опасность представляют коррупционные административные правонарушения. В этой связи, законодательство в сфере регулирования административной ответственности за их совершение должно быть максимально полным и проработанным. Вместе с тем, нами было установлено, что остаются неразрешенными некоторые проблемы в рассматриваемой сфере.

Так, в частности, на уровне норм КоАП РФ не раскрывается официальная дефиниция понятия «коррупционное административное правонарушение» [2, с. 56].

Также недостатком ныне действующего КоАП РФ является отсутствие систематизированного перечня составов административных правонарушений в коррупционной сфере. Решение выявленной проблемы видится в обособлении рассматриваемых составов правонарушений в рамках отдельной главы КоАП РФ. В рамках данной главы целесообразно раскрыть официальную дефиницию исследуемого понятия в следующей редакции: «под коррупционным административным правонарушением понимается умышленно совершенное специальным субъектом деяние коррупционной направленности, за совершение которого установлена административная ответственность».

Также нами были рассмотрены актуальные проблемы привлечения к административной ответственности за совершение коррупционных правонарушений на примере составов ст. 19.28 и 19.29 КоАП РФ. Вышеуказанные проблемы, во многом, обусловлены недостатками действующего законодательства РФ. Так, в частности, на законодательном уровне предусмотрена обязанность работодателя при приеме на работу бывшего государственного служащего, информировать о его трудоустройстве прежнего работодателя [4, с. 102].

При этом, на самого работника соответствующая обязанность законом не возлагается, в чем нами усма-

тривается недостаток действующего законодательства в рассматриваемой сфере, нуждающийся в устранении. На практике работодатели, фактически нарушая такое законодательное требование не имеют умысла на совершение коррупционного административного правонарушения. Кроме того, на практике может возникнуть и следующая спорная ситуация. Работодатель в установленный срок отправил уведомление, сам работник осуществляет свои трудовые обязанности, однако, не было получено согласие комиссии по урегулированию конфликта интересов. Вышеуказанные спорные ситуации обуславливают необходимость детальной проработки и устранения существующих пробелов и проблем в нормах действующего законодательства в исследуемой сфере.

Также мы пришли к выводу о том, что в целях совершенствования административного законодательства в сфере противодействия коррупционным правонарушениям, совершаемых государственными служащими, необходимо дополнить КоАП РФ самостоятельной составом административного правонарушения «невыполнение обязанностей по предотвращению и (или) урегулированию конфликта интересов, стороной которого является гражданский служащий» [3, с. 438].

В числе основных проблем также необходимо выделить: несовершенство дефиниции «должностное лицо», закрепленной в КоАП РФ, что создает трудности при квалификации деяний государственных служащих среднего и младшего звена; существующие коллизии между нормами трудового, служебного и административного законодательства при разграничении дисциплинарного проступка и административного правонарушения; необходимость унификации критериев ответственности для государственных служащих различных видов (гражданская, военная, иные виды службы).

Таким образом, административно-правовые средства являются одним из основных инструментов борьбы с административными правонарушениями, совершаемыми государственными служащими. При этом, несмотря на детальную нормативно-правовую регламентацию вышеуказанных средств в противодействии исследуемого вида правонарушений, тем не менее, остаются неразрешенными некоторые проблемы в рассматриваемой сфере. Предложенные в рамках проведенного исследования рекомендации, позволят разрешить выявленные проблемы и усовершенствовать российское законодательство в рассматриваемой сфере.

Литература:

1. Астрелин В. А. Административная ответственность: сущность, понятие, отличие от юридической ответственности других видов // Вестник науки. — 2024. — № 6 (75). — С. 237–249.
2. Габиева С. М. Понятие и правовое содержание коррупционных правонарушений // Образование. Наука. Научные кадры. — 2025. — № 3. — С. 56–60.
3. Дрюпина В. Б. Административно-правовые средства в сфере противодействия коррупции // Вопросы российской юстиции. — 2024. — Вып. 30. — С. 438–447.

4. Комахин Б. Н., Хазов Е. Н. Особенности применения административно-правовых норм в отношении государственных служащих, нарушающих антикоррупционное законодательство // Криминологический журнал. — 2025. — № 2. — С. 104–108.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 12 (615) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 01.04.2026. Дата выхода в свет: 08.04.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.